

Михаил Козырев

Рассказы

"Книжкинские Субботники"

М И Х А И Л К О З Ы Р Е В

Р А С С К А З Ы

НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ
МОСКВА—1927

Типография
и С л о в о л и т н я
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
М. Грузинская ул.,
Столярный,
№ 5-7

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
Михаил Козырев.— <i>В. Львов-Рогачевский</i>	5
М о р о к а	13
Ванька	15
Личность	25
Загробная жизнь	31
Сатана	37
Поручик Журавлев	47
Морозные дни	77
Покосная тяжба	89
Мертвое тело	117
Мистер Бридж	137
Неуловимый враг	221

МИХАИЛ КОЗЫРЕВ

М. Я. Козырев—нежный лирик и ядовитый сатирик—впервые выступил в печати еще 17-тилетним мальчиком, напечатав в «Тверской газете» несколько своих стихотворений в августе и сентябре 1909 года. Затем в 1913 году появились его стихи в журнале «Мечта», статья о Блоке в «Очарованном страннике» в 1914 году, и далее в журналах «Современный мир», «Современник», «Очарованный странник» печатаются стихотворения писателя. На молодого лирика критика обращает внимание. В 1916 году в сборнике «Пряник осиротевшим детям» появляется рассказ «Последние дни». До 1921 года лирика чередуется с художественной прозой. В 1920 году в «Известиях ВЦИК» от 25 августа была напечатана «Былина о державной Москве».

Богатый язык, яркие краски, нежнейшая любовь к природе и захватывающий лирический подъем отмечали эту былину. В ней вполне определяется оригинальный и яркий лирик.

Но с 1921 года сатирик победил поэта, и произведения Козырева начинают появляться в еженедельных сатирических журналах.

Первая книжка сатирических рассказов Козырева вышла в 1922 году под заглавием «Морока». Уже в этой книге такие рассказы, как «Ванька», «Личность» и шесть лаконически написанных в пять-шесть строк трагических анекдотов из «беспризорного житья», говорили о несомненном и оригинальном даровании автора.

В № 95 «Правды» за 1922 год партийный критик Осинский писал об авторе: «Придирчивые люди сразу уловят в этих рассказах «контрреволюционный» душок. Пускай себе. В них мы улавливаем кое-что более интересное—немалый сатирический или по крайней мере юмористический талант, с достаточной долей об'ективизма, чтобы не превратиться в пасквилянтство. Вдобавок к тому, мы улавливаем в них незаурядный талант рассказчика и думаем, что если Козырев сумеет стать самостоятельным, расширит свои темы, из него получится интересный и своеобразный писатель».

Но известность Козырева в литературных кругах растет с выходом в свет книги «Поручик Журавлев», куда вошли его сатирические «поэмы»—«Журавлев», «Покосная тяжба», «Мертвое тело», его сказки, «Повесть о том, как с Андреем Пе-

тровичем ничего не случилось» и роман «Неуловимый враг». С 1925—26 года в издательствах «Всеобщая библиотека», «Рабочая Москва», «Круг», «Красная звезда», «Смехач», ЗИФ, «Крестьянская газета», «Никитинские субботники» выходит книга за книгой молодого автора.

Новый читатель начинает выделять молодого сатирика, но художник продолжает упорно работать над своими произведениями.

После авантюрной повести «Мистер Бридж»—около трех печатных листов, он пишет большой роман «Девушка из усадьбы», исполненный глубочайшего лиризма, и острую сатирическую повесть «Ленинград», а на ряду с этими произведениями, не увидевшими света, работает над большой книгой: «Рабочий городок».

Среди наших юмористов и сатириков—Шишкова, Зощенко, Пантелеймона Романова, Михаила Булгакова—М. Я. Козырев занял свое особенное место. Как сатирик он не знает «цветов невинного юмора»; он ближе к едкому сатирику и острому фантасту Булгакову, чем к обывательски добродушному юмористу Зощенко. От всех произведений Козырева веет культурностью и увлечением литературными традициями. Н. Осинский после книги «Морока» отметил у Козырева влияние Ремизова. Если вы прочтете все произведения Козырева, то вы найдете много лите-

ратурных влияний. Молодой художник слишком часто идет в своих «настоящих рассказах» от литературы. Он начал с увлечения фантастическими рассказами и сказками Гофмана, и чем необычней, чем фантастичней и запутанней были эти кошмарно-бредовые произведения одного из величайших фантастов, тем они больше увлекали Қозырева. Намек, недоговоренность, оборванность на полуслове стали излюбленным приемом писателя. Можно без преувеличения сказать— все его «настоящие рассказы», сказки и повести всегда рисуют жизнь под углом фантастики.

М. Қозырев всегда исходит от жизни, он внимательно изучает провинциальную прессу, но и в жизни и в прессе он всегда выбирает самое фантастическое. Фантастику Гофмана Қозырев низвел с романтическо́го неба на землю, в нашу реальную жизнь, и показал, какими нелепыми гротесками, трагическими анекдотами и сказочными происшествиями полна эта действительность.

От Гофмана Қозырев переходит к Гоголю с его изумительными чередованиями ритмов, с его лирическими отступлениями и повторениями. Даже самое название «поэма», странно звучащее в приложении к сатире, берет он у автора бессмертной поэмы «Мертвые души». Если вы прочтете поэму «Поручик Журавлев» и в особенности «Покосная тяжба», вы остро ощущаете гоголевскую

манеру. Прислушайтесь к словам: «Дорога. Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове «дорога!» Так сказал Гоголь, и не моему скромному перу сравниться с пером великого поэта. Разве смогу я достойно изобразить и битком набитую платформу, и схватки у дверей и площадок, и те тюки и мешки, которыми завалили нашего героя».

В этих лирических отступлениях, подчеркнутых повторениях и ритмах раскрывается не только сатирическое дарование Козырева, но и его нежный лиризм, и его постоянное влечение к ритмической прозе. В центре внимания сатирика обычно являются какой-нибудь Трушанск или Лутошанск, или уездный городишко «Красный Прищеповск», или темная Дурундеевская пустошь. Сам уроженец уездного города, Козырев любит отыскивать перлы фантастики и нелепых противоречий, извращение разумных идей в уездной глуши, и здесь часто его путеводителем является Салтыков-Щедрин, с его «Историей города Глупова», с его беспощадным высмеиванием нашего российского головоотяпства.

В 1920 году в телеграммах Роста сообщалось, как в одном уездном городишке родилась легенда о крокодиле. Позднее, года через два, много писалось об этом нелепо-фантастическом крокодиле, ставшем как бы символом уездной неразберихи

и дикости. Эту фантастику уездной глуши берет художник темой своего очерка «Крокодил». Три дня из жизни Красного Прищеповска описаны в сатирическо-фантастической манере Щедрина, и только конец «Крокодила» напоминает чеховское брожение умов. Щедринской манерой отмечен и рассказ «Никита Павлыч». Но и Щедриным Козырев не ограничивается. Его очерки «Инвалид Чуфыркин» — повесть в письмах и прошениях, «Долго ли нам терпеть» — письмо селькора Вани Нарядного из деревни Горбы, талантливый рассказ «Человек с документами», «Конец света» и др. напоминают нам чеховскую манеру. Но было бы большой ошибкой говорить о заимствованиях и подражаниях. Такие пробы стилей были и у Лермонтова, и у Тургенева, и у Некрасова. И у наших молодых художников — Пильняка, Леонова.

Козырев много и упорно работает над своим стилем, над заострением формы, над литературным приемом, над музыкой слова, над построением своих рассказов и над развертыванием их сюжетов. В «Покосной тяжбе» выступает на первый план задача словесного сочетания, подчеркивания ритма, приемы повторения; в повести «Мистер Бридж» сразу бросается в глаза установка на сюжет, при чем чувствуется едкая пародия на авантюрный роман. Во всех произведениях

Козырева сильно вредит непосредственности восприятия его произведений подчеркнутая неясность его эзоповской речи. Впрочем здесь не всегда приходится винить автора. Горькой иронией звучат у М. Козырева строки в его прекрасной поэме «Поручик Журавлев»: «И если вы, читатель, посетуете, что я, обещав вам повесть с лирическими отступлениями, часто даю только эти лирические отступления, то я могу в оправдание сказать, что самая повесть вычеркнута незнакомцем».

В своих работах М. Козырев очень часто выбрасывает живую ткань, пользуется широко фигурой умолчания. Главный герой его повести «Мистер Бридж» разыгрывает из себя англичанина, который не знает ни слова по-русски и в самые трагические минуты проходит перед вами молча. Постепенно внутренняя борьба с «незнакомцем» выработала у художника своеобразную манеру. В его умолчаниях есть своеобразная острота. В сочетании нежной любви к человеку, к человеческой личности и едкой насмешки над пошлостью, тупостью, головоуятием—свой, козыревский стиль.

Основная тема этого художника—тема о подмене сложной многогранной личности документом, карточкой, ордером, мандатом. «Личность», «Поручик Журавлев», «Мистер Бридж»—это все та же тема об утрате личности. М. Козырев—

человек с обостренным чувством личного, индивидуального. Все шаблоны, трафареты, обезличивание встречаются в нем едкого обличителя. Как сатирик он проповедует любовь «враждебным словом отрицанья». В его отрицании много правды.

Только важно, чтобы сквозь это отрицание сквозь этот горький смех из любви к человеку ярче просачивало то «во имя», без чего сатира теряет свою общественно-революционную силу.

М. Козырев пишет, как мы видели, уже давно, но еще не нашел своего синтеза. Главный материал для его сатиры дал ему период военного коммунизма, но за последнее время рост творческих сил, творческая работа, рост деревень «Козлихи» и «Лепетихи», рост уездной советской России выдвигают новые темы. Идет восстановление личности, вместе с растущей связью этой личности с творческим коллективом. Этого объективный добросовестный художник не может не видеть.

Мы уверены, в творчестве Козырева, выходца из демократической среды, зазвучат поэмы более жизнерадостные, чем его «Покосная тяжба», но и теперь Козырев делает трудное общественное дело—он ведет беспощадную борьбу против всего, что искажает великое дело трудовой жизни, жизни разумной и светлой.

В. Львов-Рогачевский

МОРОКА

ВАНЬКА

1. БАРЫШНЯ

Приехал Ванька в Москву по талону; талон ему матка в городе за десять тысяч выхлопотала.

— Мотри,—говорит,—не теряй, а то назад не вернешься!

Хлеба да творогу дала—Андрону в подарок.

— У него и ночуй! Да приезжай скорее!

Как в вагон сел—не помнит. Прижали к стене, да парень спать здоровый—стоя заснул; а чуть свет, тут и Москва.

Андрон за городом живет.

— Я к тебе денька на два, да и назад!

— Пожил бы с недельку—куда торопиться...

Нет и нет—Ваньке домой надо—купит чего да и назад!

— Я,—говорит,—жениться надумал!

— Ну в добрый час! Попьем чайку, да вместе и на базар!

Купили сукна Ваньке на костюм, настоящего сукна, английского, какого теперь не достанешь, а невесте платок, шелковый, да с разводами—смотреть—не нагладишься.

Только выбираться начали, а тут такое пошло—не приведи господь! И крик, и свистки, а народ весь так и шарахнется. Бабы кричать, да мешки под подол—не тут то было—почали проверять, что и зачем, да бумаги. У Андрона бумаги есть, а у Ваньки один талон, да и тот фальшивый.

Сукно отобрали, а платок оставили:

— То,—говорят,—спекуляция, а это видно, что для себя.

Таскали, таскали—и вышло: на биржу труда.

— Отправьте,—просит,—на родину!

— Не можем, у нас приказ такой.

На бирже обо всем расспросили, что делал и какое ремесло знает.

— Ремесла не знаю, а был одно время писарем.

Записали его по отделу советских барышень да на телефон. Все бы ничего—работа нетрудная, только неловко как-то: все ему по телефону-то: «барышня, милая», а он басом отвечает:

— Соединила!..

2. НЕ ПО ПЛАНУ

Жить у Андрона остался—далеко, да свои люди. На службе жалованье известно какое, да карточка литер Б,—а тут что по хозяйству поможет, и обед бесплатно.

Поутру вместе с Андроном на службу выходят: шел Андрон пайки получать—служба у него такая. Туда верст пять, да и там—за хлебом стоять, за обедом стоять, а если ужинать хочешь, тоже свое время отстоять надо—да он и не ужинал—измаешься за день-то! Не притти нельзя—штраф, увольнения нет—все такие работники на учете.

Жена его страсть эти пайки не любила:

— Жрали бы сами, тоже вздохнуть не дают, а дома работы не оберешься—и огород, и корова, и все одна!..

Ванька ей немало теперь помогал. Вернется со службы и все на огороде копается да песни мурлычет—тоскливо, видно.

Много ль, мало ль прошло—приходят какие-то:

— Ваш,—говорят,—дом срыть надо!

— Что так?

— Не по плану стоит.

И план этот самый показали: так и выходит—срыть.

— Да мы его сами по бревнышку на другое место перетащим!

Смеются.

— Да он сгнил совсем!

Стену ковырнули—и верно сгнил!

— Да вы не бойтесь, мы вас в коммуны переселим, как вы пролетарии...

А где в коммуне огород? А где в коммуне корова? Да и Ваньке в коммуне жить нельзя—не физического труда!

— Таких не прописываем—ищите комнату!

3. БЛАГОДАРНОСТЬ

Приходит на телефон.

— Давайте комнату.

— Комнаты не у нас, а мы вам бумагу дадим.

Пошел с бумагой. Черед—конца краю нет! Дошел до окошечка.

— Комнат у нас нет, поищите сами, а найдете—мы вам ордер дадим.

— Где ж я найду—у меня знакомых нет!

Барышня такая серьезная:

— Проходите, проходите, не задерживайте!

Он к старушке:

— И-и, милый, я сама семьей день стою!

Посоветовала сходить в квартхоз.

— Скажите, что будете благодарить...

Пришел.

— Мы,—говорят,—не можем,—идите в отдел!
Ванька туда, сюда:

— Я,—говорит,—благодарить буду!

Посмотрели на него, усмехнулись:

— Какая же от вас благодарность?

Ванька к Андрону—денег просит, а тот на переезд издержался.

— Не знаю как, обожди маленько!

Ночь у Андрона переночевал, да сам видит—нельзя больше.

— Ну, а завтра комнату найду!

Да где найдешь? Ночевал на бульваре.

4. ВОРОНЫ

День, два ходил—опять на телефон:

— Я,—говорит,—у телефона ночевать буду!

— В учреждении не полагается!

Да на него же кричать—на службу не ходит!

— Мы тебя в чеку отправим!

Тут на него смелость нашла:

— Что ж—в чеке-то хоть хлебом кормят, а я у вас даром работать не буду!

Видят его бессознательность:

— А это не читал?

Книжечку дали да листок: и все там таково-то хорошо объяснено: выходит—надо потерпеть.

Да голод не свой брат!

Идет мимо дома—оттуда щами пахнет. Ванька тоже в черед—дошел до окошечка.

— Без талона нельзя—обратитесь к заведующему!

Барышня там и в кожаной куртке:

— Дайте, товарищ, талон—три дня не евши!

— Идите в эмпео!

А другая ей:

— Как же так—человек на ногах не стоит!

Уперлась—нет и нет:

— Ни с какой точки зрения.

Та на нее, да обе как закаркали—совсем, как вороны.

Ванька постоял, постоял да и ушел без обеда.

5. ФАБРИКА

Ногам ходу нет, и голова кружится. Хоть бы прилечь, да светло—стыдно.

Видит дом, огромный, только что без стекол, да крыши нет. Пробрался двором и в окошко. Осмотрелся, сел на кирпич, вынул новый платок—вспомнил все—и заплакал.

Уж не знает, как и заснул, только проснулся—человек стоит.

— Ты что—уж не помирать ли собрался? Вот так раз!

И головой качает.

— Как попал-то сюда?

Ванька все рассказал—и про талон, и про план, и про благодарность.

— Ну что ж—дом хороший, чем тебе не житье. И опять головой покачал.

— Как зовут-то тебя?

— Ванька...

— Ну это нехорошо, я тебя Лексеем звать буду, а ты меня Агафоном зови. Ну так вот, Лексей, хочешь я тебя на фабрику определю?

Ваньке все равно.

— Тут у меня под полом и фабрика.

Спустились—и в самом деле фабрика: и штемпеля, и печати, и бланки.

— Мы даже на учреждения поставляем!

Ваньке все это в голову никак не войдет.

— Ну, ты подумай, а я завтра забегу...

— А ты не здесь разве живешь?

— Э, брат, у меня жильев много—я и в чеке ночевал, снов не видал!

С тем и скрылся.

6. ВЕРЕВОЧКА

Дал ему Агафон задачу—для фабрики паек получить. Выписали на пятьдесят человек.

— Мне кой-куда нельзя показываться, так ты сходишь.

Бумага за бумагой—нигде никакой задержки.

— А куда ж мы это повезем?

— Мало ль местов—куда хошь вези, везде при-
мут!

Ваньке и это в ум нейдет.

— Ну так ты совсем бессознательный, ты к
фабрике не подходишь—я тебя в учреждение
определю.

Учреждением сам Агафон и заведует. Комната
большая, только барышень нет. Послали на бир-
жу—а там уж до них разобрали.

— Устройте облаву!

— Облава не по нашей части—обратитесь в
чеку!

С чекой у Агафона нелады.

— Ну, так мы барышень напрокат возьмем!

Сговорились с соседним учреждением: все как
надо—три барышни, да еще молодой человек в
придачу—ходит на цыпочках—точь-в-точь старый
режим.

А Ванька свое:

— Дай мне талон, я домой уеду!

— Что тебе дома—погоди, мы еще развер-
тываться будем...

— Не хочу и развертываться—там меня неве-
ста ждет!

— Вот чудак—столько барышень, а он—невеста!
Сговорись с любой...

Ванька отговариваться.

— У меня костюма нет.

— Костюм по ордеру получишь!

Бумагу написал, позвонил, и выходит Ваньке костюм, настоящего сукна, английского, какого теперь не достанешь.

Совсем это Ваньке удивительно:

— Как у тебя так выходит?

— Э, брат, посмотри-ка в окно!

Смотрит: ну что ж—люди ходят...

— И все по панели—хочешь, по камням ходить будут?

Взял веревочку, веревочкой тротуар обогнул и вправду—ходят все по камням.

7. ПОРТНОЙ

Приходит Ванька к Андрону.

— Хочешь, я тебя в учреждение определяю—и пайки, и барышни, всего много!

— Брось, Ванька—это до добра не доведет!

Тут ему Ванька, и то и се—и про фабрику, и про Агафона, и про веревочку—Андрон и слушать не хочет.

Ванька ему:

— Ну, ты, видно, совсем бессознательный!

И дает ему книжечку да листок:

— Прочти, тут про тебя все прописано.

— Знаем, читал!

Уж Ванька и картуз взял—да Андрон:

— Я и запамятовал—письмо тебе...

Матка пишет, что долго не едет, и талон прислала, старому-то, может, срок вышел. Невеста кланяется и, видно, скучает.

— Ну что—поедешь? Поезжай, брат!

Да чего спрашивать! Пожитки не велики—от Андрона прямо на вокзал.

Матка встречает.

— Ишь ты—я смотрю, каким вырядился!

И вправду—франт франтом—в новом костюме!

— Да что же ты запропастился—думала сгиб совсем!

Ванька подумал, подумал:

— Да портной,—говорит,—задержал, я заодно костюм-то там и в шитье отдал...

ЛИЧНОСТЬ

Приходит Афонька на вокзал—народу, не толчешься: тут черед и там черед, не знает, куда и встать. Спрашивает:

— Куды хошь,—говорят,—туды и становись, а как нас трое, то мы в трех чередах стоим.

Торк к одному череду, торк к другому.

— Ваш,—спрашивают,—номер?

У Афоньки никакого номера и нет!

Тут какой-то шупленький вертится.

— Где тут номера ставят?

— Ты,—говорит,—постой!

Прибежал с бумагой:

— Я тебя ну лем запишу—вперед первого пойдешь! Как тебя записать?

— Пробочкин,—это Афонька-то отвечает.

— Вот,—говорит,—и ладно, ты—Пробочкин, а я Бутылочкин буду—мы и пара!

Афоньку всего передернуло.

— Да ты, ведь, врешь!

— Чего мне врать—я тебе и личность покажу!

Так и написано: Бутылочкин.

— Ну, так нам, значит, вместе и ехать!

Прошли нулем во всех чередах. До выхода еще три часа. Афонька и говорит:

— Ты постой, а я пойду на базаре чего куплю.

— Что ж—иди!

— Можя, и тебе надо?

— Не,—говорит,—я все по ордерам даром получаю.

Приходит на базар—к тому, к сему приценивается.

— Почем,—спрашивает,—кофий?

— Какой возьмешь—советский—пять, а настоящий—и все пятнадцать.

Денег у Афоньки только, что на советский.

Вышли к поезду—все номера и перепутались; тот Афоньке: «держись за меня», а Афоньку уж взад оттиснули: они к вагонам—этот штабной, а тот еще какой—никуда не сажают.

Сел в товарный, прямо на навоз.

— Это ничего—навоз вещь чистая, вши меньше.

Сидит, дремлет, и снится ему, будто matka самовар ставит, а на столе каравай, да большой такой каравай и будто бы сдобный.

— Ешь, Афонюшка, чай—у вас в городе не сладко! А там и кофий пить будем...

Вдруг, ни с того, ни с сего:

— Ваша личность!

Сунулся с просянок в один карман, сунулся в другой—нету личности.

— Была,—говорит,—да запропастилась!..

— Ищи, ищи, нам некогда!

И народ тоже:

— Вишь,—говорят,—какой забрался!

Собирай, значит, пожитки да вылезай. Привели к коменданту.

— Как,—спрашивает,—зовут?

А уж ежели личности нет, как ни назовись, все одно ни к чему—что Афанасий, что Кондратий—назвался Кондратием.

Посадили в караулку, а там уж много таких—кто без билета, кто без пропуска, а кто, как и Афонька, горемычный—вовсе безо всего. В этой толпе и совсем затеряешься—ажно сердце закипело:

— Я,—говорит,—телеграмму дам!

Подошли к телеграфу. Все честь честью—думали и квиток дать, да вдруг:

— Покажите вашу личность!

А ему и крыть нечем.

— Ну что, ерепенился—вот тебе и телеграмма!

Иди, значит, опять в караулку. А уж за ним и следить перестали—куда такой пойдет—все равно вернут.

Тут старичок приметнулся: Афонька ему так и так...

— Это,—говорит,—не беда, есть, говорит, здесь фимик один—личности делает.

Пришли. Домишко низкий такой, перекошенный. Раскрыли дверь, а там будто солдат сидит, да черный весь и усы у него вверх.

— Личность,—говорит,—это мы можем, только, конечно, деньги!.. Советскую,—говорит,—за двадцать, а настоящую и за все пятьдесят—какую хочешь...

Афоньке и на советскую нехватает.

Живет и неделю, и две. Днем дрова грузит, ночью в потолок плюет. Скушно! Да и хлеба дают—не разживешься.

У кого личность есть—подержат, подержат, да и выпустят, а, таким, как Афонька, надо и год и два выслуживать.

Другие еще письма пишут, а ему и писать некуда—матка грамоте не знает, да в волости все равно за глаза ничего не дадут, в город писал—ответа нет.

А тут еще мертвых собирать—под мостом это: ежели кто, скажем, на крыше или на ступеньке едет, того этим мостом и снимает. Приедут—а они там уже—кто без головы, кто без ног и в личности не разберешь.

Больно уж нехорошо! Бегал к коменданту:

— Отпусти,—просит,—век буду бога молить.

— Как же я тебя отпущу: может, ты вор, может, и дезертир, я же за тебя отвечаю. Вот принесешь личность—тогда другое дело.

А тут на грех паренька прислали—афонькиных лет. Прокофий.

— Я,—говорит,—по недоумению, у меня все бумаги в порядке!..

А сам по карману похлопывает: вот, значит, где бумаги.

Лёгли спать—сними это паренек пиджак и повесь над головой—Афонька не будь дурак—бумаги себе и к коменданту:

— Я,—говорит,—по недоумению, у меня все бумаги в порядке.

Тот посмотрел—так и есть.

— Вот тебе купон—поезжай назад.

Так Афонька и уехал.

Приезжает домой, а там уж другой сидит.

— Вам что угодно?

Так и так, я, мол, Афонька, здесь живу и даже по домово́й книге прописан. Верно! по домово́й книге есть такой—Афонька.

— А почем знать, что ты и есть Афонька, покажи-ка личность!

Ан по личности-то выходит, что не Афонька, а совсем Прокофий!

— Что ж—проваливай, брат! Ежели бы Афонька—туда-сюда, да и то мог бы не пустить, у меня ордер есть!

Сел Афонька на бульваре—заплакал: ни родных, ни угла, разве что в чеку, да и туда небось с личностью не принимают.

Глядит—этот щупленький-то идет, Бутылочкин будто бы.

— Ты что ж,—говорит,—от меня тогда сбежал? Я, говорит, в штабном доехал!

Афонька ему так и так, все рассказал.

— Да ты не горюй, покажи-ка личность!

А на личности-то и адрес прописан.

— Вот туда и иди!

Пошел. Молодуха встречает.

— Что,—говорит,—вам угодно?

— Я,—дескать,—Прокофий и здесь живу...

— Какой же ты Прокофий—и лицом не схож и будто пониже будешь...

— Что,—говорит,—лицо—это ни к чему: вот посмотрите—личность.

Глядит—и впрямь Прокофий.

Присела, всплакнула.

— Ну,—говорит,—что ж, живи, коль ты и вправду Прокофий. На, говорит, тебе обеденную карточку—небось проголодался.

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ

1.

Приехал к Лексею из деревни брат погостить: пожил денька два, да и умер. Пока на столе лежал—ничего, а как могилу землей засыпали, тоскливо стало: жил человек и нет его—и в деревню не знаешь, как отписать.

Да делать нечего—самому жить надо. Пошел на завод. Рядом с ним черный в очках работает:

— Ты, брат, не горюй, теперь наука дошла, и мертвых воскрешают. Вот наемни у Марьи муженек с того света вернулся—пуще прежнего драться начал—жалуется, хушь бы и не приходил! Ну, оно, конечно, пьяница, а хорошего человека отчего же и не воскресить... Та-ак...

Очки на глаза навел, да опять напильником что-то подтачивает.

Лексей вокруг него юлой вертится—где да как—ничего не говорит.

Пошел на улицу—авось навернется.

Народу на улице—так и снуют, так и снуют, подойти да спросить—ну, а как на неверного человека нарвешься?

Подошел было к одному—да язык не повернулся:

— Как тут,—говорит,—к вокзалу пройти?

— Я,—отвечает,—не здешний—спроси у милиционера, он все знает!

Эх, была не была! Подошел к милиционеру.

— Где тут, товарищ, мертвых воскрешают?

И ждет, что будет. Милиционер вынул книжечку—в книжечке у него все прописано.

— Дом,—говорит,—такой-то, на такой-то улице,—все, что надо, объяснил.

Пришел Алексей—все как есть, и улица такая и дом,—дверь со львами, на дверях ручки медные, блестят, дотронуться страшно. А внутри как есть контора, человек за столом в телефон кричит, барышня на машинке постукивает.

— Вот, значит, у меня какое дело...—все объяснил.

Человек и глазом не моргнет.

— Что ж,—говорят,—и это можем: давно умер—сто, недавно и за пятьдесят...

Как обухом по голове: где у Алексея такие деньги!

— Ищите, где дешевле,—только ведь работа не та! Ну да ладно—по бедности десять процентов скинем!

Разве продать что—душа человечья, жалко—
что ему на том свете маяться, поживет еще, а
там как-нибудь и выплатит...

2

Собрал какие там пожитки, да на базар. Ходит
по базару—

— Пятьдесят!

Никто не дает. А меньше никак нельзя—разве,
что десять процентов скинуть...

Как уж стемнело, пошел домой. Идет переул-
ком, а на него—трах! Налетели с боков и сзади,
рот зажали...

Бросил все, да бегом! Прибегает в милицию.

Вот так и так—ограбили!

— Мы,—говорят,—поищем, записали в прото-
кол—да где найти?

Тут какой-то сжалился, посоветовал:

— Да вы,—говорит,—прямо в артель обрати-
тесь!

— Какая артель?

— Да вот, что этими делами занимается...

И адрес дал.

Приходит Лексей в артель—а они там сидят.

— Не можем отдать—ищите через милицию!

А сами посмеиваются:

— Если мы всем возвращать будем, у нас никакой бухгалтерии не получится, тоже ведь расход большой и со снабжения сняли!

Смотрит—а пальто его тут на вешалке висит.

— Дай посижу, отдохну—авось что и придумаю.

Сидит, смотрит, а там все несут и несут, а эти записывают да на склад отправляют.

— Ну,—думает,—с этаких доходов и сто человек воскресить можно.

— Я, говорит, у вас работать хочу!

— Вот это дело!

Записали в книгу:

— У нас,—говорят,—не то, что фабрика, наше дело верное!

3

Сколько там времени прошло—приходит Лексей в ту самую контору, деньги на стол:

— Вот вам все пятьдесят, и скидки не надо, только получше сделайте.

Деньги пересчитали:

— Ладно, сделаем, приходи завтра в пять, а не придешь—без тебя оборудуем!

С утра на фабрику пошел. Товарищ тот—рядом стоит.

— Ничего, — говорит, — сверх'естественного... Она, наука, и не до того дошла: во Франции там,

в Америке женщину на мужчину переделывают— за деньги все можно!

И опять напильником что-то подтачивает.

Дошло дело—без четверти пять. Подходит к двери—а там швейцар не пускает: собрание—хочешь не хочешь, а слушай, для своей же пользы! А итти надо—что как без него что-нибудь не так сделают!

Он в окошко, спустился по трубе—дворник там:

— Ты чего из окна вылез!

— Пропусти, милый!—все ему об'яснил.

— Ну, ладно,—иди с богом!

Время без пяти—бежит что есть силы—один переулочек остался. Хватать—какие-то:

— Куда бежишь?

— Отпустите,—просит,—дело есть!

— А какое твое дело?

Так и так...

-- Ну, ты путаешь все—не из тех ли ты, что пальто с людей снимают? Пойдем, там разберут, откуда бежишь!

Лексей тут—я не я—да дело кончено: попался голубчик. Заперли, жди до утра, а утром пожалуй и на тот свет... Оно бы, знато,, можно и за себя пятьдесят внести, да уж теперь поздно, не выпустят...

Продержали до утра, а утром вывели:

— Ну, беги!

Прибежал домой, а брат уж на кровати лежит, цыгарку курит: из могилы вернулся.

— Ты где пропадал?

— Я-то что, а вот ты-то как?

И хочется спросить, да боязно—что не поверит. Небось, ему и память землей отшибло...

Денька два погостил—собирается брат домой—а у Лексея опять на языке вертится—да никак сказать не может.

А тот уже у двери.

— Батяка деньжонок просил, как ты?..

Тут уж язык развязался:

— Я бы,—говорит,—и рад—да на тебя издержался. По-настоящему-то за тобой должок есть...

Что, да как,—Лексей все ему и выложил.

— Брось,—говорит,—чепуху городить!

— Не веришь, так я тебе и место покажу...

Пошли в эту контору самую—и улица такая и дом, дверь со львами, на дверях ручки медные, блестят, дотронуться страшно.

Входят—а там никого нет: швейцар один.

— Приходите завтра, сегодня не работаем!

САТАНА

1

Дрюнька в учреждении при дверях состоял. Начали сокращать, осмотрели дверь:

— Эта,—говорят,—дверь нам не нужна—ее забить надо!

И остался Дрюнька без службы.

Пошел на биржу—там без него народу много и ответ один:

— Дожидайтесь очереди!

Постоял, постоял в хвосте, да наскучило: вздумалось по городу побродить. Идет улицей и видит: каждый своим делом занят—тот булки продает, тот папиросы, а тот в магазине сидит, разным товаром торгует. Только Дрюнька без дела, и продавать ему нечего...

Вышел на площадь, а с площади улица идет, и вся как есть людьми переполнена: стоят кучками и что-то друг с другом шепчутся.

Дрюнька тоже подошел, слушает, а понять ничего не может.

Тут какой-то к нему:

— Вы что продаете?

Дрюньку зло взяло:

— Я,—говорит,—душу хочу продать, да никто не берет!

Тот подумал, подумал...

— А сколько вы за нее просите?

Дрюнька настоящей цены и не знает!

— Так чего ж ты продавать пришел, коли цены не знаешь! Ну, да, как-нибудь столкнемся—приходи завтра в это самое место...

А, ведь, что и на самом деле купит?

— Ладно, приду!

А у самого голос изменился. Ведь и человек-то, так себе—низенький да вертлявый—а поди ж ты—сам сатана!

Пришел домой:

— Слышишь, Митрий, к самому сатане на службу определился—ты теперь со мной не шути!

2

Приходит на то самое место—а сатана там уже, и с ним другой, в белой шляпе.

— Мы бы,—говорят,—у любого могли—да твое счастье...

А этот, белая шляпа:

— Соловей,—говорит,—беседой сыт не бывает... Хочешь, мы тебя настоящей нетовой икрой угостим!

Зашли в чайную, подали им чай в стаканах, да булочки, дольками нарезаны.

— Ешь,—говорят,—это настоящая нетовая икра, только ее простым глазом не видно.

Дрюнька одну дольку проглотил и другую. А те посмеиваются:

— Видно, из голодающей губернии! Ты раньше-то, что делал?

Так и так—в учреждении при дверях состоял, а дверь досками забили.

— Ну,—говорят,—дверь вещь неёверная, мы тебя к окну посадим.

Окно большое, все в зеркалах, и на окне написано:

— Международное Товарищество.

— Мы,—говорят,—меж народом товарискать будем, а ты здесь сиди, и как придут да спросят что, говори: есть, а потом: сколько вам угодно?

Сидит Дрюнька у окна и, что у него ни спросят, говорит:

— Есть.

А потом:

— Сколько вам угодно?

Запишет, передаст сатане, а тот в момент предоставит!

3

Жизнь теперь Дрюньке, что масленица! Каждый день бутерброд с нетовой икрой да чай с сухарином! Только одно—раздумье берет, как бы за это на страшном суду не ответить.

Спрашивает Митрия, а тот ему:

— У нас,—говорит,—теперь в республике никакого бога не полагается.

И сатана тоже:

— Сократили, говорит, по штатам...

Ну, а на земле за сатаной крепко—живи в полное свое удовольствие: ни в чем отказа нет, только Дрюньке ничего и не надо.

Пришел раз человечек один—Дрюньке ни слова—прямо к сатане. Сатана ему:

— Мы вас вокруг пальца обернем, вы и не заметите!

Тот доволен:

— Вот нам это и надо!

А как ушел, сатана и говорит:

— Скоро разбогатеет и тогда нетом торговать начнем! Кто ни придет—говори «нет» и все тут!

— Как же так?

— Это,—говорит,—не твое дело—тут все учитывать надо...

4

Сидит Дрюнька у окна и думает: как это не-том торговать—кабы он раньше знал, и душа при себе осталась бы!

Приходит сатана.

— Я,—говорит,—делишко одно обдываю, только твоей подписи нехватает.

Дрюньку раздумье взяло:

— У меня,—говорит,—почерк плохой!

А тот ему:

— И у меня не лучше!

Взял перо, вывел такие каракули—ничего не разберешь.

Дрюнька посмотрел:

— Так-то и я умею!

Вывел на славу, лучше, чем сатана!

— Теперь настоящее дело пойдет, про нетовую икру забудем.

И верно: пошли с той поры деньги—да такие: шестьдесят нулей, неизвестно, как и называются. Только Дрюньку к этим деньгам не подпускают—сам сатана их в несгораемый ящик кладет, чтобы под солнцем нули не выгорели.

А Дрюньку свое занимает:

— Когда же мы нетом торговать начнем?

— Вот погоди, поезд протолкну!

Толкал, толкал, да видно и ему не под силу: шутка ли, этакая махина, и паровоз вывезти не может!

День—два, а сатаны все нет и нет...

5

На третий день приходят:

— Есть,—спрашивают, такой-то?

И сатану по имени, отчеству.

Дрюнька сразу сообразил, что время пришло нетом торговать:

— Нет!

А тот Дрюнькину имя-фамилию.

— Нет!

— Как же так, когда ты тот самый и есть!

Мы тебя арестовать пришли!

— Не можете—я сатане душу продал.

— Что там сатана, когда я и есть сам Веельзевул!

И мандат к носу!

Посмотрел Дрюнька на мандат, так и ахнул:

— Ну теперь не иначе, как в ад!

Посадили в подвал, на стенах плесень, с потолка вода течет, по полу крысы ползают.

— Вот он какой ад—а дураки огнем страшат...

Ждал, ждал Митрий Дрюньку, да и пошел разыскивать. Нашел окно, а оно досками забито. Спросил рядом, где этот самый сатана:

— Он,—говорят,—деньги в мусор обратил, да в трубу вылетел!

Ищи теперь, когда он, может, в пар оборотился!

6

Долго ли, коротко ли—все одно темно, дня от ночи не отличишь—вызывают Дрюньку наверх.

— Признаешь ли себя виновным?

Дрюнька во всем сознался.

Бумагу показали:

— Ты писал?

Смотрит—и верно его подпись.

— Я,—говорит,—не отрекаюсь, только за это на страшном суде отвечу.

— Ну, нам до страшного суда долго—сами рассудим!

Только супротив сатаны сделать ничего не смогли: отпустили домой.

— Вот,—говорят,—тебе условное наказание: вперед не попадайся!

Выходит—и солнце и народ, как раньше. Дошел до площади, а от площади—улица, вся как есть людьми переполнена: стоят кучками и что-то друг с другом шепчутся.

Дрюнька подошел—да так и отскочит:

— Сатана!

А тот хоть бы что—смеется.

— Это,—говорит,—я тебя из беды выручил!

Смотрит—а сатана и тот и не тот, приоделся, растолстел, ну прямо—Иван-Царевич!

— Как это так?—Дрюнька-то спрашивает.

Ответ в сторонку, да тихонечко:

— Я,—говорит,—в правое влез, в левое вылез...
Заходи ко мне, мы тут за углом четыре окна занимаем—к любому посажу!

ПОРУЧИК ЖУРАВЛЕВ

ПОВЕСТЬ

С ЛИРИЧЕСКИМИ ОТСТУПЛЕНИЯМИ

Н А Ч А Л О

Летом тысяча девятьсот двадцать первого года в одной из южных газет довелось мне прочесть сообщение о смерти поручика Журавлева, и с той поры неоднократно пытался я описать историю его жизни, от ранних лет юности до безвременной гибели, и только повседневные заботы отвлекали меня от выполнения этой задачи.

Однажды совсем было взялся я за перо и уже вывел на листе заголовок, как неожиданный стук в дверь (а читателю известно, что ни в повестях, ни в романах не стучат в дверь без какого-либо, со стороны автора, тайного умысла)—неожиданный стук в дверь заставил меня оторваться от работы.

Как и следовало ожидать, в комнату вошел незнакомый господин, вежливо поклонился и не менее вежливо сказал:

— Кажется, я помешал вам?

Я был, как полагается, в недоумении, но врожденная деликатность не позволила мне спросить о причинах его неожиданного вторжения—вместо этого я сказал:

— Садитесь, пожалуйста!

Как сейчас вижу: сидим мы вдвоем—я у стола, он неподалеку от меня, и передо мною лежит лист бумаги с надписью: поручик Журавлев.

Так просидели мы ровно пятнадцать минут. Потом он заглянул в рукопись и сказал:

— Вы, повидимому, близко знали поручика?

— Да, очень...

Тогда незнакомец быстро проговорил:

— Я тоже... Знаете, мне иногда кажется, что Журавлев и я—одно и то же лицо...

Я почувствовал легкий озноб, но, не выдав волнения, взглянул в лицо незнакомцу. Несомненно, я принял бы его за покойного поручика, если бы сам я...

Но об этом после. Незнакомец, как и полагается подобным, чересчур уж вводным, персонажем, тотчас исчез, но несомненное наличие несчастного поручика в живых расстраивало все мои планы.

И вот, только теперь, через год, не без некоторой, впрочем, боязни—я начинаю:

ПОРУЧИК ЖУРАВЛЕВ

Повесть

Самое трудное в повести это—начало. Где то событие, от которого ведет счет своим дням поручик Журавлев?

Разве это рождение? И если так, то родился он совсем недавно, и когда впервые увидел он мир, было ему, может быть, двадцать пять человеческих лет. А, может быть, это было двумя годами раньше, в сырой осенний вечер, когда впервые открыла перед ним жизнь неизведанности своих вольных, своих просторных дорог и сказала: «выбирай!»

Это было в полночь. Год, месяц, число? Не знаю. Но это было как раз в полночь, и ветер, надрываясь, плясал за окном, а в комнате была лампа с зеленым абажуром.

И все-таки это не начало, ибо скрыто начало от человека и не имеет конца скорбная повесть его.

И поэтому

ПЕРВАЯ ГЛАВА

нашей повести начнется с того момента, когда стал Журавлев офицером, и даже больше, когда стал он поручиком и никто не называл его иначе, как именно поручик Журавлев.

Поручик Журавлев появился на свет в мае месяце. В старых повестях описывают обыкновенно радость как самого новорожденного, так и его родных и знакомых, описывают тосты, речи и закуски—но сей необычный день был отмечен разве-что бутылкой плохого пива и притом на вокзале, в ожидании поезда,—да и это не совсем так, ибо подобным же образом отмечались иные, менее важные, дни как в жизни самого Журавлева, так и в жизни иных, менее важных, для нашей, конечно, повести, людей.

Выпив бутылку вышеупомянутого пива, поручик занялся рассматриванием левого своего сапога с тем глубокомысленным видом, какого требует это занятие; и было на что посмотреть, так как сапог был действительно великолепный!

Еще в бытность Журавлева юнкером был он сшит у лучшего из питерских сапожников, и с ним вместе сшит был другой точно такой же сапог, и сшиты были оба сапога на славу.

Здесь, чтобы не забыть, отмечу, что в семнадцатом году, когда снял Журавлев шашку и шпоры и подарил и то и другое, за ненадобностью, солдату своей роты, младшему унтер-офицеру Иванову, выбранному тогда же, взамен Журавлева, ротным командиром,—и в то время сапоги еще оставались у него и служили верой и правдой некоторое, хотя и недолгое, время.

Мы слишком презрительно относились до сих пор к вещам, но, тем не менее, ничего нет на свете, что бы тесно так не было привязано к человеку!

Лучший друг донесет на тебя в чека, обвиняя в спекуляции сахаринном, жена убежит с молодцом в кожаной тужурке, мать умрет, оставив тебя сиротой на пустом и холодном свете—и только твои сшитые у хорошего сапожника сапоги живут до тех пор, пока сам ты не выбросишь их в мусорную яму!

И даже больше: они могут в трудную минуту, когда все друзья и знакомые забудут имя твое и отчество, некоторое время кормить тебя, так как любой старьевщик, привесив товар на руке, отсыплет за них столько бумажных рублей, сколько они в данный момент, по добротности, заслуживают.

Последнее и произошло как раз с сапогами поручика Журавлева. Оставшись без средств и

без дела, когда отставили его от должности сторожа одного из петербургских домов, вынес поручик на базар эти свои сапоги.

Двести рублей по тем временам деньги немалые—можно было на двести рублей безбедно прожить и неделю и две, только поручик поступил иначе: простояв сколько надо в очереди за пропуском и еще столько же—за билетом, покинул он негостепримные стены уже начинавшего пустеть Петербурга.

Дорога! «Какое странное и манящее, и несущее, и чудесное в слове «дорога!» Так сказал Гоголь, и не моему скромному перу сравниться с пером великого поэта! Разве смогу я достойно изобразить и битком набитую платформу, и схватки у дверей и площадок, и те тюки и мешки, которыми завалили нашего героя!

Чего тут не было! И кровать, и перина, и железом кованный сундук, и мешки с разным тряпьем, и швейная машина, и даже ты, медный широкоскулый самовар,—словом все то, что не вместилось из пожитков безработного в законную его десятипудовую норму. И разве смогу я достойно подсчитать, сколько было народу в этом вагоне! И уже ничто несравнимо с теми стоянками, во время которых выглядывал безработный в окно и говорил:

— Никак опять раз'езд!

Но это не был раз'езд, так как на двухколейном пути раз'ездов не полагается!

А эти люди в винтовках и револьверах, что на каждой станции влезали в вагон, и горе несчастного безработного, что на каждой станции развязывал и связывал вновь бесчисленные свои тюки и мешки, дабы, подвергшись тщательному осмотру, потеряли они в весе ровно столько, на сколько уменьшался груз, наваленный на Журавлева.

Я уже не говорю о том, что приходилось означенному безработному на каждой станции снимать сапоги, ибо и в сапогах провозили тогда спекуляцию, тем более, что у поручика сапог не было, а был один лишь документ, да и тот за дорогу порядочно поистрепался.

И вот, когда, может быть, в сотый раз выглянул безработный в окно и сказал, может быть, в сотый раз:

— Никак опять раз'езд!—

оказалось, что почти пятьсот верст отделяют Журавлева от Петербурга, и увидел он себя на пустой забытой платформе близ того места, где провел он лучшие, как говорится, дни своей жизни.

Но тут кончается первая глава нашей повести и начинается

ВТОРАЯ ГЛАВА

Когда-то немецкий писатель Гете прислал нашему соотечественнику Пушкину собственное свое перо. Я полагаю, что при тогдашнем состоянии техники перо это вряд ли было лучше тех перьев, которыми пишут в канцелярии **-ского совета!

Но помощник Журавлева по части переписки бумаг, несмотря на это, так мазал и выводил такие каракули, какие и сам упомянутый Гете вряд ли мог разобрать, ссылаясь на то, что перо, мол, плохое. В таких случаях поручик, с возмущением заявив, что перо отличное, давал каждый раз новое, предварительно убедившись в совершенной его доброкачественности—

нет, и это перо опять никуда не годилось!

Пришлось прибегнуть к начальству—но председатель исполкома и слушать не захотел:

— Ты—он всем говорил ты—с него много не требуй, как он совсем малограмотный!

Оказался этот конторщик родным сыном самого председателя.

Стал тогда поручик сам переписывать бумаги, предоставив помощнику своему подметанье полов, разноску пакетов и точный, между делом, статистический учет ворон, которых развелось тогда видимо-невидимо, так что вопрос о продо-

вольственным снабжении этой, в буквальном смысле слова, оравы обсуждался, и очень горячо, каждый вечер на их вороньих митингах.

И действительно—с продовольствием обстояло из рук вон плохо. Посланный в Воронихинскую волость отряд был обезоружен мужиками, а потом отправлен обратно с позором, и что хуже—без хлеба. На дальнейших событиях факт этот отразился весьма прискорбно, но об этом мне, как биографу Журавлева, можно и промолчать.

Надо, впрочем, заметить, что теперь Журавлева никто не называл поручиком, и от бывшего когда-то блестящего мундира остались у него гимнастерка и шинель, которые мечтал он заменить партикулярным платьем, но этим мечтам не суждено было в скорости сбыться, как не суждено сбываться и всем мечтам, коим подвержены люди одного с Журавлевым возраста.

О, мечты, мечты! Иной мнит себя в этих мечтах государственным мужем, под сению власти которого благоденствуют народы, а кончает тем, что, будучи где-нибудь в захолустном городишке назначен на пост комиссара здравоохранения, издает приказ о вывозе всех нечистот и штрафует на сто рублей собственника месяца два тому национализированного владения, владения, действительно засиженного мухами и людьми до полного несоответствия правилам гигиены.

Иной мнит себя полководцем, покоряющим мир, а кончает тем, что во рваной шинели сквозь леса и кусты пробирается в незнакомый ему город, чтобы там, не без помощи дельных людей переменяв имя и звание, занять пост смотрителя склада или каптенармуса, а потом, продав пары две казенных сапог, заливать самогонкой разбитую жизнь где-нибудь в подпольном шинке в компании воров и дезертиров.

Мечты, мечты—если сбываетесь вы, то немножко не так, как рисуется это юному воображению!

Этим я не хочу сказать, что поручик Журавлев был замешан в Воронихинском восстании. Только случайностью можно объяснить, что после разгрома совета восставшими мужиками один Журавлев уцелел на прежней должности, оставаясь, правда, чисто-техническим работником, на обязанности которого лежала переписка потребных для новых правителей бумаг. И даже больше—он не принял ни малейшего участия в довольно-таки слабом сопротивлении, которое оказала местная красноармейская команда, перешедшая было на сторону повстанцев. И хотя весьма тщательное расследование тоже не установило никаких следов участия поручика в этом деле—тем не менее был он уволен со службы.

Производивший следствие комиссар только спросил его:

- Вы бывший офицер?
- Да.
- Поручик?
- Да.

И в тот же день уволил Журавлева, даже без уплаты законного в то время месячного вознаграждения.

Дальнейшая жизнь поручика связана была с получением этого вознаграждения, о котором хлопотал он по всем инстанциям, поднимая по всем инстанциям крик и грозя при случае декретами. Конечно, он добился своего, но полученных денег хватило разве на то, чтобы, с'ездив в местность, расположенную неподалеку от хутора Михайловского, привезти оттуда десять фунтов сахара, и затем, продав эти десять фунтов, с'ездить еще раз и привезти уже пятнадцать.

О службе приходилось бы жалеть только в виду утраты известного общественного положения, но у поручика запасено было немалое количество бланков с круглой советской печатью, которые доставляли ему потребное для каждого случая общественное положение, вплоть до положения начальника красноармейской команды, везущего продовольствие для вверенной ему части.

Кто же не знает чудодейственной силы бумажки с советской печатью? Владелец ее обладает так и ненайденным в древности камнем, обращающим

всякое зло в несомненное благополучие, бумажки, при помощи которой тесный вагон превращается в купе вагона особого назначения, строго преследуемая спекуляция—в советский груз, а самый обыкновенный человек—в делегата.

О, для такого особенного человека существуют особенные поезда и особенные номера, и особенные столовые, словом все то, что только нужно этому особенному человеку!

И даже больше—можно с этой бумажкой, выехав верст за семьсот от родного города, где уже уличили тебя в спекуляции, и приехав в местность, где никакая собака не знает еще, что есть ты тот самый поручик Журавлев, занять пост комиссара по военным делам и уже не в уездном, а в губернском масштабе, и в тот момент, когда начинается

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

быть уже комендантом этого города.

Я не буду останавливаться на деятельности поручика, как коменданта, скажу только, что его необыкновенная энергия позволила эвакуировать продовольственный склад и разное военное имущество и эта же необыкновенная энергия не позволила ему сесть в последний эшелон,

как писали потом в белых газетах, «нагруженный комиссарами и их комиссарским имуществом».

Журавлев остался на перроне, занятый разбором какого-то очень важного дела, а когда освободился, то ни поезда, ни даже свободного паровоза на станции не осталось, а в город уже входили казаки.

Здесь уместно со стороны читателя спросить—кто же такой этот ваш Журавлев—коммунист? контрреволюционер? Но на этот вопрос не будем давать ответа, не желая ни в чем упреждать развертывающихся событий.

А события в те времена развертывались с поразительной быстротой, так что самому бойкому фельетонисту нельзя было за этими событиями угнаться, тем более медленному биографу поручика Журавлева, с такой быстротой, что сегодняшней коммунист и революционер завтра становился сотрудником контрразведки, а послезавтра, завершив в непродолжительное время весь свой жизненный круг, находил вечное успокоение где-нибудь на опушке леса. И опять, я говорю это вовсе не с целью чем-либо опорочить избранного мною героя, тем более, что мнение некоторых о виновности поручика в аресте и расстреле восемнадцати коммунистов, оставших-

ся в городе для подпольной работы, основывается исключительно на непроверенных слухах.

И если бы можно было верить всем этим слухам, то оказалось бы, что какой-то арестованный белыми комиссар неожиданно был выпущен из тюрьмы и получил какое-то, правда, очень скромное назначение, в каком-то, правда, не особенно скромном, учреждении и что этот незначительный факт стоит в связи с громким процессом «восемнадцати», так трагически кончившимся.

Я не буду отрицать, что был такой комиссар—только какое до него дело поручику Журавлеву? Тем не менее, был Журавлев арестован на другой же день по прибытии большевиков, и только счастливая случайность сохранила ему жизнь. Одни говорят, что он просто бежал из чека, другие—что он был освобожден благодаря заступничеству «красного генерала» Иванова и отправлен на фронт—только все это не более как легенды.

Никакого «красного генерала» Иванова не было и быть не могло, а был батальонный командир Иванов, тот самый младший унтер-офицер Иванов, которому перешли от поручика шашка и шпоры, и вовсе не в том городе, где был Журавлев комендантом, а в другом, где жил и работал в совнархозе мещанин города Ряжска Попов—и вот, в этом, четвертом по счету, городе встре-

тил младший унтер-офицер Иванов мещанина Попова, служившего в совнархозе как специалист по мыловаренному делу, и, встретив, узнал в этом специалисте бывшего своего ротного командира поручика Журавлева.

Читатель, ты, который с самого начала следишь за расвертыванием нашей повести, скажи мне, что должен почувствовать ты, кроме сознания необычайной тесноты земного шара, встретив на улице младшего унтер-офицера Иванова?

Было их, Ивановых,—не счесть, что морского песку было их, Ивановых, ты не знал ни имен их, ни лиц, но все они знали имя твое, и лицо, и даже голос, уважаемый мой читатель!

И пусть не сделал ты означенному Иванову никакого зла, кроме как подарил, за ненужностью, шашку свою и шпоры—все равно, он навеки запомнит тебя и, встретив тебя где-нибудь в четвертом по счету городе, когда ты,—мещанин Попов,—идешь в совнархоз как специалист по мыловаренному делу, неминуемо узнает в тебе бывшего поручика Журавлева.

Тогда призовут тебя в соответствующее учреждение и спросят:

— Вы бывший офицер?

— Да.

— Поручик?

— Да.

И отправят в тот же день на фронт и то лишь благодаря заступничеству батальонного командира Иванова!

Все это я говорю к тому, что судьба поручика, как нельзя больше, соответствовала указанным предположениям, вплоть до неупомянутой выше, но, тем не менее, подразумеваемой теплушки одного издвигающихся, против Деникина, эшелонов.

Теплушка! Знаете ли вы, что такое теплушка? И если вы не лежали вниз животом на украденных в пути досках, служивших одновременно и столом, и сиденьем, и кроватью, если из этих же самых досок не разводили огня, за неимением печки, прямо на полу вагона, и если вы не бегали потом на каждой остановке за куском годного щита или за поленом, которые надо было стащить у станционного сторожа с опасностью для жизни этого самого, конечно, сторожа, и если, наконец, со страхом и трепетом не открывали вы, что ваше собственное белье служит прибежищем для целого лагеря популярнейших насекомых,—если вы не знаете всего этого, вы, читатель, не знаете, что такое теплушка!

И не зная, что такое теплушка, вы не сможете вообразить вагона третьего класса, тем более, что поручик Журавлев ехал с фронта в командировку на две недели даже не в третьем, а во втором классе, и при том с мягкими диванами!

И после этого **неудивительно**, что двухнедельный срок давным-давно прошел, а поручик в полк не возвращался, а потом и при всем желании не мог вернуться, ибо военное счастье, как и судьба человека, переменчиво.

Отхлынула красная волна и оставила нашего героя в пятом по счету пункте его кратковременных остановок, на произвол новой, теперь уже белой, волны. Так морская волна, унося легковесные щенки, оставляет тяжелые камни на берегу, и лежат эти камни до новой волны, чтобы та, только омыв их, снова и снова оставила на том же самом месте.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

застает поручика в тот момент, когда он, оправившись от болезни, проходит по улице и видит приказ о немедленной, под угрозой расстрела, явке всех офицеров, явке, от которой только болезнь или, пожалуй, скоропостижная смерть может избавить человека. Но этот приказ вызвал в душе мещанина города Ряжска Попова довольно таки злорадное чувство.

Где ты, младший унтер-офицер Иванов? Твоя судьба зло подшутила над тобой, Иванов! Вместо ордена Красного Знамени заслужил ты глубокую рану на левом плече—подарок золотопогонного

белогвардейца! Не под музыку при речах хоронили тебя, стало, может быть, тело твое добычей собак и белеют где-нибудь до сих пор твои кости...

Спи с миром, честный борец за освобождение трудящихся!

Или, может быть, ты еще жив и где-нибудь под Орлом защищаешь Москву—все равно не пройти тебе городом, заклеенным сплошь плакатами «единой и неделимой», и, встретив на улице мещанина Попова, не признать тебе в нем бывшего своего ротного командира поручика Журавлева!

Да, действительно был такой—Журавлев, и, может быть, должен был Журавлев явиться под угрозой расстрела—что до того мещанину Попову? Он приехал из Ряжска навестить больного, при смерти, дядю, заболел и, не имея возможности выехать в Ряжск, живет на окраине города, и во рваной шинели он продает арбузы и кричит по-московски:

— Эй, бузэ, бузэ!..

и кому на всем свете есть дело до продавца арбузов Попова!

— Эй, бузэ, бузэ!..—кричит он, и кому придет в голову странная мысль, что он подлежит регистрации как бывший офицер и поручик!

— Эй, бузэ, бузэ! пожалуйста, господин, самые сладкие!

Останавливается проходящий офицер, смотрит во все глаза на продавца арбузов Попова:

— Журавлев!

— Извините...

— А не помнишь, как в юнкерском?

Мещанин Попов ничего не помнит. Он продает великолепный товар.

— Так не возьмете, господин поручик?..

— Брось, Журавлев, заходи ко мне—чего ты боишься!

И в эту же ночь, в непроглядную южную ночь, когда сквозь закрытые ставни не доносятся стоны и крики ограбленной бандитами жертвы, в эту ночь, глубоко задумавшись над судьбою своей, сидел поручик, и вся вспоминалась ему недолгая жизнь...

Жизнь! Как неумны твои шутки, как плоски отпускаемые тобою остроты—что есть поручик Журавлев в существе своем, и какая судьба ожидала его на других поприщах? Может быть, сейчас где-нибудь являл бы он правосудие, надев судейскую цепь, может быть, где-нибудь в уездном городке отмечал бы он исходящие дни своей жизни—

но вот, безо всякой вины он наряжен в блестящий мундир, приросший не к телу—

к душе, и стоит снять его на минуту—как снова и снова мелькают три звездочки на серебряных погонах! И, видно, напрасно зашил он документы под подкладку старой шинели и напрасно присвоил себе имя Попова, когда он опять офицер и опять состоит на службе и при том в штабе полковника Баранова!

Поручик Журавлев хлопочет о сапогах и шинелях, поручик Журавлев получает продукты, поручик Журавлев спрашивает полковника Баранова:

— А когда же нам пришлют людей?

И полковник Баранов отвечает:

— Люди—дело последнее!

О, как говорится, люди, люди! Это вы переполняете вокзалы, поезда, теплушки, вагоны третьего и даже вагоны второго класса, это вы, с севера на юг и с юга на север, перевозите мешки и заразу, это вы подставляете грудь под пули и идете на смерть за свое, за чужое ли дело, это вы продаете казенное обмундирование, это вы, наконец, уничтожаете хлеб, так что ни в одном пслку добровольческой армии нет теперь хлеба, кроме как в штабе полковника Баранова!

И есть еще в штабе полковника Баранова сапоги и белье и иное никем не проданное имущество, потому что там нет вас, о, как говорится, люди, люди!

Но этим я вовсе не хочу сказать, что поручик Журавлев совместно с полковником Барановым, продавая получаемое имущество, проводят ночи и дни в доме артиста за зеленым столом или в ином каком доме, но уже без особого наименования, раз'езжают в автомобилях красного и белого креста и в автомобилях общего пользования, в сопровождении дам и тоже общего пользования, и сыплют деньгами направо-налево, заливая шампанским тоску неудавшейся жизни.

Все это клевета и клевета злостная!

Всюду настагает нас клевета. Ты приехал из Рязска навестить больного, при смерти, дядю и остался, жертва гражданской войны, поджидать, когда откроется путь к вожделенному городу Рязску, а про тебя говорят, что ты был сподвижником знаменитого полковника Баранова, что ты до последней минуты защищался от красных и сдался в плен только где-то на границе с Румынией, что три раза пытались записать имя твое и чин и три раза не записали, и что сумел ты уйти на прогулку и с прогулки не возвратиться!

Вот что говорят про тебя! И еще, может быть, говорят, что ты служил в контрразведке, что ты—белогвардеец, дезертир, бывший поручик,—
когда ты, мой любезный читатель, скромный народный учитель и отрастил себе бороду,

так что тебя и узнать нельзя, ты учишь ребят в деревенской школе и обедаешь с мужиками, переходя из избы в избу, наравне с пастухом, с тою лишь разницей, что пастух заходит с правой избы, когда ты начинаешь с левой, и что стараются пастуху положить лучший кусок мяса и сала, а тебе норовят налить шей пустых, без мяса и без сала!

Но и вы, деревенские пустые щи, и ты, скромная доля народного учителя,—что значите вы по сравнению с родиной!

Родина! Как назову я то полное грусти и радости замирание сердца, когда бородатый, постаревший на двадцать лет и уже не только без сапог, но и без шинели, украденной где-то в пути вместе с зашитыми под подкладку документами, когда ты, потеряв в скитаниях своих не только шинель, но уже навсегда имя свое и честь,—вновь прикоснешься к ее любимой, пахнувшей молоком и новозом груди!

Что значит с мандатом и без мандата, с пропуском и без пропуска, с посадками, пересадками и высадками, на пароходе, в теплушке, в вагоне третьего и даже в вагоне второго класса, подвергаясь тысяче тысяч опасностей, добраться до тебя, посмотреть на твои ржаные поля сквозь щелку вагона, спрятавшись в угол, и ехать дальше и дальше, мимо и мимо, чтоб никто из твоих

земляков во время краткой стоянки не признал в тебе бывшего поручика Журавлева!

ПЯТАЯ ГЛАВА

Когда-то любили еженедельные наши журналы опрашивать и артистов, и борцов, и эмира бухарского, и тебя, двуногий человек, показывающий в цирке это свое уродство,—о том, какой день считают они самым счастливым.

И если бы был гражданин Попов эмиром бухарским или борцом, или тобой, замечательный двуногий человек, он бы ответил:

— Тот день, когда я получил прозодежду!

Какими словами после стольких исписанных мною страниц опишу я костюм и пальто, сшитые в мастерской номер два и потому называемые английскими? Какими словами опишу я вас, носящих в совокупности именование прозодежды!

Прозодежда! Стоит из-за тебя послужить почти год в качестве спеца—педагога, кондитера, статистика и мыловара, стоит из-за тебя с совещания бежать на заседание, написать сотни докладов—об электрификации ли народного образования, о наилучших ли формах и карточках для поднятия производительности рабочих кондитерского дела!

Весь этот труд можно поднять для тебя, чтобы затем, с удостоверением от наркомпроса, домкома, совнархоза и главхозупра, придя в соцобез, получить ордер, по ордеру талон, по талону купон, по купону квитанцию, по квитанции номер, а по номеру—тебя, прозодежда!

И в сырой осенний вечер, возвращаясь с тяжелым пайком за спиной, не напомнить рваной полувоенной одежды мешечника, проехавшего сотни верст с мешком муки за плечами, красноармейца с польского фронта из пинских болот, дезертира, спустившего где-то шинель, и бывшего, наконец, поручика Журавлева!

Гражданин Попов, имеющий учетную карточку и трудовую книжку, только одной прозодежды не хватало тебе—и вот она есть!

Ты приходишь домой, закипает чай на старых докладах и брошюрах, зажигается лампа с теплым зеленым абажуром—можно сидеть и мечтать и заснуть в этих мечтах, и увидеть во сне, как он, гражданин Попов, при шпорах и шашке, идет на ученье и тычет пальцем в него младший унтер-офицер Иванов:

— Я тебя знаю!

— Эй, бузэ, бузэ!..—отвечает Попов.—Эй, бузэ, бузэ!—и не может бежать и не может стоять под осенним, сырым, пронизывающим ветром—

и только проснувшись вспомнишь, что нет и нигде нет поручика Журавлева!

Ты думаешь, это он идет по Тверской, растопырив свои галифе, под руку с дамой самого неопределенного наклонения?

— Нет, это батальонный командир Иванов— не тот Иванов, что погиб под Орлом, а другой Иванов,—восстанавливает традиции славного некогда полка.

Смело подойди к нему и спроси:

не знает ли он поручика Журавлева?

Проходит еще и еще мимо тебя, гражданин Попов—

сторонись!—

все

глядят на тебя, но среди тысячи глаз нет и пары враждебных: никто не следит за тобой, никто не бежит в переулок и на пятый этаж, куда прибегаешь ты, еле переводя дух от испуга, чтобы только через полчаса, успокоившись, варить фасоль и советский кофе.

А после всего этого, как приятно узнать, что тебя вовсе нет на свете! Вот что прочел гражданин Попов в одной из южных газет летом тысяча девятьсот двадцать первого года:

Дело бывшего поручика Журавлева.

Вчера в ревтрибунале разбиралось громкое дело шайки бандитов, терроризировавших население в течение шести месяцев, ограбивших, между прочим, артельщика финотдела Ефимова, убивших семью в 11 человек на хуторе Давыдовка и т. д.

Интересно отметить, что главой шайки является бывший поручик Журавлев, почему-то отрекшийся на суде от этого звания, с несомненностью установленного по документам, найденным под подкладкой его шинели.

Б. поручик Журавлев был одно время сподвижником знаменитого полковника Баранова и после разгрома белых банд организовал шайку.

Журавлев и его трое главных сподвижников приговорены к высшей мере наказания.

И дальше—курсивом:

Приговор приведен в исполнение.

Пожалел ли гражданин Попов, советский спец Попов, имеющий учетную карточку и трудовую книжку, пожалел ли он о гибели несчастного поручика?

Или, может быть, как и все, не без некоторого злорадства прочел:

Приведен в исполнение!

И ни капли жалости или сочувствия не оказалось в душе при известии о гибели человека, может быть, много обещавшего выполнить в жизни и брошенного на произвол разбушевавшейся стихии!

Жизнь! Как ты темна и слепа! С закрытыми глазами рождается человек и слепой. бродит он по твоим, жизнь, темным дорогам, и слепой уходит он в землю, кто бы он ни был—честный ли гражданин, сотрудник и спец, и начальник милиции и сотрудник чека, фальшивомонетчик и вор, белогвардеец и дезертир и бывший, наконец, поручик Журавлев!

И тогда не все ли равно, какая земля засыплет его уже безымянное тело, поставят над телом этим крест или мавзолей, или только травой зарастет безвестная могила—все равно навсегда прекращаются всякие счета живущих на свете людей с мертвым поручиком Журавлевым.

КОНЕЦ

Я уже поставил слово конец, полагая, что повесть моя, как и жизнь Журавлева, окончена.

на, как тот же самый неожиданный стук в дверь, использованный, кстати, всеми романистами, заставил меня встать и открыть таинственному незнакомцу.

На этот раз он пришел с вполне определенной целью. Тщательно перечитав мою рукопись,— а рукопись эта была много об'емистей предлагаемой теперь читателю, он сказал:

— А я бы написал это несколько иначе!

И если вы, читатель, посетуете, что я, обещав вам повесть с лирическими отступлениями, часто даю только эти лирические отступления, то могу в оправдание свое сказать, что самая повесть вычеркнута незнакомцем.

Правда—я мог бы закончить ее так, как хочу, но и тут встает тот же самый вопрос:

где собственно кончается повесть о днях поручика Журавлева? И кончается ли она смертью? Не будет ли он и дальше влечить скорбное свое существование?

Я кончил. Опять закрываю глаза. Вот опять—сырая осенняя ночь, и книга, и лампа с зеленым абажуром.

И лежат передо мною все пути, что раскинула жизнь, и идет по этим путям младший унтер-офицер Иванов и видит меня и говорит:

— Я тебя знаю!

МОРОЗНЫЕ ДНИ

Зима затянулась на март. Несмотря на длинные, по-весеннему, дни, скрипел снег, инеем пушились деревья. В теплый кабинет управдела одного из необычайно звучащих учреждений товарища Лисицина вошел замзав и, пропустив вперед что-то белое хрустящее и легкое, сказал:

— Вот ваша новая машинистка.

Управдел прикоснулся к мерзлой руке барышни.

— Очень рад.

От нее пахло январским воздухом и тонкими морозными духами.

— Как вас... Ваше имя.

— Марья Ивановна,—ответила барышня, опуская глаза. И, подняв глаза, добавила:

— Но вы можете называть меня Марусей.

Товарищ Лисицын заметил, что у нее голубые, словно подернутые легким инеем фарфоровые глаза и раскрасневшиеся под морозом щеки.

— Виноват... Так не полагается...

От барышни пахнуло холодом. Остро заныли зубы.

— Как вам угодно,—ответила она, опустив глаза. И опять потянуло холодом, и зубы заныли еще сильнее.

Товарищ Лисицин взялся за работу, но час от часу становилось все холоднее и холоднее. Пальцы заоченели.

— Вы не озябли?—спросил он.

— Благодарю вас. Мне тепло,—ответила барышня.

«Срочно... Просьба немедленно рассмотреть...» писал управдел, но пальцы отказывались работать. Они покраснели и не разгибались. Он подошел к печке, согрел пальцы, но по спине время от времени пробежал легкий озноб.

— Не простудился ли.

Лисицин вышел в коридор. Там было тепло по-прежнему. В кабинете же стало еще холоднее. Дуло от окна.

Замзав зашел за докладом.

— Да, у вас холодно,—удивился он и позвал швейцара.

— Степан. Надо замазать окно. Почему это до сих пор не сделано?

— Кажись, всю зиму тепло было...

Степан деловито прощупал замазку.

— Ума не приложу...

— Позовите стекольщика,—распорядился замзав.

Товарищу Лисицину становилось все холоднее и холоднее. Сославшись на нездоровье, он ушел двумя часами раньше. Барышня осталась в его кабинете.

Через полчаса в кабинет заглянул замзав и сказал барышне:

-- Вы не озябли? Пройдите ко мне.

А в четыре часа, уходя, говорил Степану:

— послушайте, что у вас с окнами? Отчаянно дует.

Степан, подавая шубу:

— Не извольте беспокоиться.

Машинистка в белой шапочке и легком летнем пальто вышла вместе с замзавом.

— Как вы легко одеты,—удивился он.

— Благодарю вас... Мне тепло.

2

Лисицин ходил по кабинету и не мог успокоиться. Окна наново замазаны, но дует по-прежнему, а пожалуй—еще сильнее. Ему казалось, что дует из того угла, где сидит новая машинистка.

— Это от нее такой мороз. Надо отослать ее куда-нибудь.

— Марья Ивановна, вы будете работать в общей канцелярии.

Марья Ивановна быстро собрала работу и перешла в соседнюю комнату. Стало немного теплее, но вместе с тем Лисицин почувствовал легкую утрату и пустоту.

Барышню посадили к окну. Она быстро стучала клавишами машинки, изредка поднимая глаза и оглядывая комнату.

В комнате были: седенький старичек с красным носом, непринужденный молодой человек в галифе и две барышни—входящая и исходящая.

Прошло полчаса. Входящая барышня перестала писать и сказала подруге:

— Холодно.

Старичек пошел за шубой. Но ничто не спасало от легкого пронизывающего сквозняка, и всем казалось, что тянет от окна, к которому посадили новую машинистку.

Непринужденный молодой человек подошел к окну, попробовал: не дует ли, и, низко наклонившись к плечу Марьи Ивановны, спросил ее:

— Вы не озябли?

Марья Ивановна подняла глаза:

— Нет.

Молодой человек заметил: под его дыханием волосы новой машинистки седеют от инея. Он

сделал большие глаза и таинственно приподнял палец. Потом все—и старичек и обе барышни долго шептались, искоса поглядывая на новую машинистку.

Молодой человек вызвался рассказать замзаву. Канцелярия не может работать, и если будет так продолжаться...

— Наша новая машинистка,—начал он.

— Что?—перебил замзав:—с такими вещами—к управделу.

Товарищ Лисицин, задумавшись, сидел за столом. Всю эту ночь ему снились голубые, словно подернутые инеем, фарфоровые глаза и покрасневшие от мороза щеки. Он просыпался, кутался в одеяло—и опять засыпал и опять видел фарфоровые глаза, но холод, пронизывающий тело, уже не казался неприятным. Утром он торопился на службу. Он уверял себя, что юстался завал со вчерашнего дня, но на самом деле ему снова хотелось увидеть те же фарфоровые глаза, которые всю ночь не давали ему покоя, и дышать свежим морозным, пахнущим морожеными яблоками, январским воздухом. За ночь он стал нечувствителен к холоду и шел по улице, распахнув шубу.

Но в кабинете барышни не оказалось.

— Да, я отослал ее в канцелярию...

Хотелось опять позвать ее в кабинет—но он не решался. Изредка только открывал дверь и дышал приятным морозным воздухом соседней комнаты.

Вошел молодой человек:

— Новая машинистка. Понимаете... Мы замерзаем...

— Как вам не стыдно,—ответил Лисицин:—если вам холодно, можете растопить камин.

Молодой человек вернулся в общую канцелярию и сказал:

— Марья Ивановна, перейдите к управделу.

Лисицин и удивился и обрадовался, когда снова увидел ее в своем кабинете.

В канцелярии растопили камин и по очереди подходили греть руки.

— Чем это объяснить?

— Я думаю,—сказал молодой человек,—что здесь...

Все прислушались.

— ... что здесь мы имеем дело с необъяснимым явлением...

— Да, да—тут не без нечистой силы,—сказал старичек.

— Фи—какая отсталость,—сказали барышни в локонах.

Они собирались записаться в комсомол и поддерживали репутацию перед молодым человеком в галифе.

— Но, ведь явление необычное-с.

— Очень просто,—сказала исходящая барышня:—за две недели вперед и фьюить.

И при этом посмотрела на молодого человека. Молодой человек будто не слышал.

— Конечно сократить,—сказала исходящая барышня и при этом подумала: она такая интересная,—и посмотрела на молодого человека. Тот опять промолчал.

— Может быть, у нее семья,—сказал Степан:—надо все таки пожалеть.

— Да и человек ли она?—надумал старичок: и сам испугался. Хотел перекреститься, еще больше испугался и, глядя на барышень, потер переносицу.

— А я вот что скажу,—начал молодой человек, и все опять прислушались.

— Надо обратиться к самому.

3

Лисицин вышел вместе с Марьей Ивановной.

— Нам с вами по пути.

Она опустила глаза. На волосах легкий иней.

— В летнем пальто,—подумал управдел,—тут промерзнешь так, что поневоле от тебя сквозняком тянуть будет.

И, взяв Марию Ивановну под руку, старался согреть ее. Но вместо того чувствовал, как с каждой минутой холод пробирается сквозь его шубу и леденит, леденит острой сверлящей болью.

Весь день он не мог найти себе места. Бродил по улицам—и голубое небо напоминало ему фарфоровые глаза новой машинистки, покрытые инеем деревья,—ее поседевшие от мороза волосы.

Ночью снились опять: белый мех, фарфоровые глаза и ледяное рукопожатие.

В десять утра он был в кабинете и с нетерпением ждал. Почувствовав легкий озноб, он улыбнулся, долго держал ее руку в своей, и по мере того, как ее прикосновение леденило кровь, в душу проникала острая и большая радость.

В общей канцелярии необычайное оживление. Никто не принимался за работу. Барышни вертелись около двери в кабинете товарища Лисицина и держали градусник.

— Опускается. Опускается,—кричали они и радостно фыркали. Старичек застыл с раскрытым от изумления ртом, а молодой человек спокойно сидел за столом и производил какие-то вычисления, то и дело справляясь по таблице логарифмов.

К концу служебного дня приехал сам. Переговорив с молодым человеком, он вошел к управделу.

— Как здесь холодно,—с удивлением воскрикнул он.

— Холодно?—Лисицин не замечал холода: наоборот, он чувствовал во всем теле необычайное горение.

— Вы больны. У вас повышенная температура,—разъяснил сам и, посмотрев на термометр, сказал:

— Мы решили устроить здесь холодильник... Я уже докладывал.

Молодой человек протянул бумаги.

— Смета составлена... Понижение за два часа... Громадная экономия.

Сам обратился к Марье Ивановне.

— Поздравляю... Семнадцатый разряд и только на два часа... Если желаете—комната.

Она опустила глаза и ничего не ответила. Лисицин молчал. Он смотрел на самого, на Марию Ивановну, на барышень в локонах и ничего не понимал.

— Что же особенного,—говорил сам,—если она, как вы говорите—он посмотрел на старичка—снегурочка, то тем более ей место в холодильнике коммунхоза.

Молодой человек провожал самого до двери.

— Так можно надеяться?—шопотом спросил он.

— Конечно, конечно, на место Лисицина.

Барышни в локонах сначала посмотрели на молодого человека с восхищением, потом друг на

друга с ненавистью и обе подумали одна про другую:

— Рожа. И она смеет...

И обе были похожи друг на друга до неразличимости.

Когда голоса удалились, Лисицин подошел к Марье Ивановне.

— Маруся.

Та смотрела на него, улыбалась—хрустящая, легкая. От ее дыхания разливалось кругом невероятное холодное тепло, а волосы и платье покрывались мелкой серебряной пылью.

— Я не отдам. Не отдам,—шептал Лисицин.

Она поцеловала его в губы. В ее поцелуе—вкус мороженых яблок, губы обжигали, прилипали и отрывались только с кровью.

День ушел. Крупные хрустящие звезды повисли в синем окне.

Утром в учреждении с необычайно звучащим названием была суматоха. Лисицин найден в своем кабинете с явными признаками смерти от замерзания. На окровавленных губах можно заметить счастливую улыбку.

Марья Ивановна не пришла в этот день и не приходила в следующие.

А на улице настала весна, и падали с крыш первые крупные капли.

ПОКОСНАЯ ТЯЖБА

ЭПОПЕЯ В 4 ЧАСТЯХ
С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

ПРОЛОГ

Когда, и уже окончательно, стало известно, что границы покосов останутся в этом году прежними,—между деревнями Козлихой и Лепетихой на Дурундеевской пустоши—пустошь эта некогда принадлежала помещику, господину Дурундееву—
ну, так вот—

на Дурундеевской пустоши неожиданно пропала граница.

Дело было так:

Козлихинские мужики Фома Большой (изба от прогона направо) и Фома Меньшой (изба от прогона налево), выбранные козлихинским обществом в покосную той же деревни Козлихи комиссию, за неделю до Иванова дня пошли посмотреть, хороши ли на Дурундеевской пустоши травы.

Трава, надо сказать, выросла куда выше колен, а уж густота, густота—что те сеянка!

Ну, так вот,
посмотрели они на траву и сказали: Хороша!

Потом пощупали, помяли в руках, опять сказали:
— Хороша!

Посмотрели на солнце, закурили едкой само-
садки, прошли по траве шагов пять, еще раз
сказали:

— Хороша!

и направились было в Козлиху, как...

Вот как было дело:

Лепетихинский мужик Ефим Ковалев, брат Его-
ра, который—это Егор-то—изобрел такой аппа-
рат, что самогон выходил не хуже, а даже лучше
никалаевской, такой самогон, что заборовский
дьякон, а ныне секретарь лутошанского нарсуда,
никакого другого не пьет, а пьет только этот
и притом, когда пьет, обязательно каждый раз
провозглашает:

у сладительно!

ну, так вот,

этот самый—не дьякон, и не Егор, а Ефим Ко-
валев, проходя за неделю до Иванова дня мимо
Дурундеевской пустоши, решил посмотреть, хо-
роши ли на Дурундеевской пустоши травы.
Посмотрел на траву и сказал:

— Хороша!—потом пощупал, помял в руках...

Надо еще сказать, что Дурундеевская пустошь,
как отошла она от барина, господина Дурундеева,
делилась по равным долям между козлихинским
и лепетихинским обществами, и надо еще сказать,

что и в прошлом году делилась она по равным долям, и что в прошлом году поставили даже границу. И стояла эта граница от кривой березы на сто шагов в сторону лепетихинского леса, и были по правую руку покосы козлихинские, а по левую руку—покосы лепетихинские.

Так.

И вот этот самый Ефим Ковалев вдруг заметил, что на том месте, где стояла летось граница, растет трава. И выросла эта трава куда выше колен—а уж густота, густота—

что-те сеянка!

Посмотрел Ефим на траву, закурил самосадки, прошел по траве шагов пять, еще раз сказал:

— Хороша!

но границы и след простыл: будто бы не было!

Несомненно одно, что это козлихинские мужики, и в частности, Фома Большой и Фома Меньшой, которых Ефим Ковалев и узнал по штанам, границу просто-напросто украли...

Да. Прошли это они шагов сто, Фома Меньшой и говорит Фоме Большому:

— Будто бы была здесь граница...

Тогда Фома Большой посмотрел, посмотрел да и говорит Фоме Меньшому:

— Будто бы была здесь граница...

А границы и след простыл, будто бы не было!

Несомненно одно, что это лепетихинские мужики, и в частности Ефим Ковалев, которого Фома Большой узнал по рубашке, эту самую границу просто-на-просто украли.

И не будь этого прискорбного события, не пришлось бы мне преподнести нетерпеливому читателю подробное повествование, претендующее разве на последовательность изложения тех происшествий, коих вольным и невольным очевидцем мне довелось быть.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

В тот самый час, когда из-за Поповой горы поднялось над Козлихой пышное солнце и зажгло серебром капли росы на покосах Дурундеевской пустоши, в тот самый час, когда золотом зажгло оно крест на заборовской колокольне, а в самом Лутошанске осветило зеленую крышу лутошанского кооператива—

в этот самый час, надо сказать, из-за лепетихинского леса тоже взойшло солнце.

Вышли тогда из деревни Козлихи: Фома Большой, и Фома Меньшой, и Никита Петров, и Беберя, и сам Коляной, Кольки Беспалого брат, который—это Колька-то—изобрел такой аппа-

рат, что самогон выходил не хуже, а даже лучше николаевской, такой самогон, что заборовский дьякон, а ныне секретарь лутошанского нар-суда, никакого другого не пьет, а пьет только этот и при том, когда пьет, обязательно каждый раз возглашает:

усладительно!

Ну, так вот,

вышли тогда из Лепетихи: Ефим Ковалев, и Егор Ковалев, и дед Сосипатр, и Лександра Лузга, и Яшка Бандит — вышли они на Дундеевскую пустошь искать пропавшую границу.

Только границы и след простыл—будто бы не было. А на том месте, где стояла граница, росла трава, и выросла эта трава куда выше колен, а уж густота, густота...

Нет, не так:

Егор Ковалев видел вчера границу на Козлихинской вешне—видел, говорю я, Фома Большой границу на лепетихинской вешне, только этих границ никто не признал, а Яшка Бандит похвалился, что у него любая палка сойдет за границу, только бы ее на нужное место поставить.

Так и решили.

Только когда Фома Большой поставил палку на то самое место, где была летось граница, Ефим

Ковалев заявил, что Лепетиха будет в обиде. А когда Ефим Ковалев поставил палку и опять на то место, где стояла летось граница,—Фома Меньшой заявил, что Козлиха будет в обиде. Тогда палку поставил Фома Меньшой и опять на том месте, где летось была граница, и тут уж Егор Ковалев...

А тогда загорелся в лутошанском кооперативе сарай, и когда загорелся сарай, побежал сторож Ефрем на колокольню бить в набат. А дверь на колокольню была заперта. Тогда побежал сторож Ефрем к попу, а попа дома не было—поп пошел покосы делить. Тогда побежал Ефрем к дьячку, а дьячок сказал, что ключ у сторожа. Побежал Ефрем к сторожу, а сторож на огороде сидит, огурцы полет. Кричит Ефрем:

— Пожар!

А сторож был глуховатый:

— Ты что говоришь?

Тогда закричал Ефрем еще раз:

— Пожар!

А тот и ухом не ведет...

...и вот, когда Коляной поставил палку и поставил ее на то самое место, где стояла летось граница, Яшка Бандит заявил, что Лепетиха будет...

Тут закричали:

— Пожар!

И вот побежали тогда козлихинские мужики в Козлиху, и вот побежали тогда лепетихинские мужики в Лепетиху—и я думаю, что читателю не трудно будет догадаться, что ни в Козлихе, ни, тем более, в Лепетихе никакого пожара не было, а был будто бы пожар в Лутошанске и будто бы кончился, при чем сгорел лутошанского кооператива сарай и сгорел до тла, а теперь и в Лутошанске никакого пожара не было.

И решили по всем этим соображениям козлихинские мужики вернуться на Дурундеевскую пустошь, и решили лепетихинские мужики...

Вот в чем дело:

вспомнили тут про кривую березу: от кривой березы на сто шагов—вот и граница. Но как ни искали кривую березу, найти не могли—еще зимой спилили ее на дрова и рядом с кривой спилили еще десяток прямых на дрова. Только от этой березы остался пенек и остался пенек в три вершка, потому что была кривая береза трех вершков при комле.

Трехвершковый пенек нашел Егор Ковалев, трехвершковый пенек нашел и Фома Большой, только никак нельзя было сказать, который пенек остался от кривой березы.

Побежал за Феклой бобылкой—Фекла бобылка косила в прошлом году как раз на границе. Фекла пришла, посмотрела—

— Нись,—говорит,—тут, а нись—там... Будто бы энтот кустик оставался налево—нись направо. Да еще, разбойники, у меня сажень целую окосили!

А какой пенек остался от кривой березы, она не сказала и ушла. Тогда стали считать шаги—козлихинские от своего, лепетихинские от своего пенька, сто шагов в сторону лепетихинского же леса. Первым пошел Фома Большой, отсчитал к лепетихинскому лесу сто шагов: вот и граница!

Тогда сказал ему Ефим Ковалев:

— Ты бы еще на ходули встал!

И пошел Ефим Ковалев от своего пенька в сторону лепетихинского леса, отсчитал сто шагов: вот и граница!

И сказал тут Фома Меньшой:

— Ты бы на одном месте топтался!

И пошел тогда Фома Меньшой...

А в это самое время пришел кладовщик лутошанского кооператива Сергей Петров в совет и сделал заявление: и сгорел, согласно заявления, сарай, и сгорело в этом сарае сто пудов сахара и сто кусков ситца. Пошли, посмотрели и увидели, что сарай действительно сгорел и от сарая подлинно ничего не осталось и сгорел также сахар, и сгорел даже ситец, так как ни сахару, ни даже ситцу на том месте, где стоял лутошанского кооператива сарай, не оказалось...

И пошел тогда сам Коляной от своего пенька к лепетихинскому лесу, отсчитал Коляной к лепетихинскому лесу сто шагов: вот и граница.

Тогда сказал ему Яшка Бандит...

Тут закричали:

— Из Лутошанска за самогоном пришли-и-и!

Так и осталось на Дурундеевской пустоши две границы: одну поставили козлихинские мужики, а другую поставили лепетихинские мужики, и было между этими границами Фомы Меньшого сто шагов.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

В канцелярии лутошанского земотдела на стене висели часы, и, когда часы эти показывали ровно три—в первый раз ударил гром над лутошанским земотделом, и такой грянул гром, что козлихинский мужик, Фома Большой, выходявший в тот час из Козлихи, что лепетихинский мужик, Ефим Ковалев, выходявший в тот час из Лепетихи—

надо сказать, что шли они оба в лутошанский земотдел просить земотдел о выяснении места, где стояла в прошлом году граница—
ну, так вот,

оба они перекрестились:

— Добежать бы до дождика!

И тогда сказал заборовский дьякон, а ныне секретарь нарсуда:

— Дело нечистое!

И сказал народный судья Петушков заборовскому дьякону:

— Дело нечистое!

Говорили они о лутошанском кооперативе.

Так было дело:

шел председатель правления Федот Каблуков вечером, в десять часов, мимо лабаза и видел: стоит у лабаза человек в белой рубаше, без шапки—постоял, постоял...

тогда шел Федот Каблуков за газетой, потому что получались газеты вечером в десять часов—

потом шел он назад и видел:

зашел за лабаз человек в белой рубаше, без шапки, постоял, постоял...

и ушел председатель правления, а на другой день...

— Дело нечистое!

это сказал заборовский дьякон—а, когда народный судья Петушков повторил:

— Дело нечистое—

в это самое время во второй раз ударил гром и опять над лутошанском земотделом, и такой гром, что козлихинский мужик Фома Большой, входивший в тот час в Лутошанск из кривого прогона, что лепетихинский мужик Ефим Ковалев...

Да.

Так вот в это самое время посмотрел секретарь нарсуда на часы и сказал:

— Пора и обедать!

И как только он это сказал, прибежал в земотдел из Козлихи Фома Большой, прибежал в земотдел из Лепетихи Ефим Ковалев, и тогда же в третий раз ударил гром и уже над лутошанским кооперативом.

Председатель правления сгреб бумаги и спрятал бумаги в ящик, посмотрел на часы—а часы в это время показывали четыре—и сказал:

— Пора и обедать!

И только тогда пошел в Лутошанске дождь, и только тогда послан был земотделом в Козлиху Кузька Хромой, а ныне Кузьма Самуилов, послан был он,—говорю я,—в Лепетиху в качестве члена установить между означенными деревнями границу, что проходит по Дурундеевской пустоши на земле бывшего барина, господина Дурундеева.

С вечера вышел Кузьма Хромой, а ныне Кузьма Самуилов, в Козлиху и еще не дошел до Козлихи, как остановил его лепетихинский мужик Егор Ковалев и сказал:

— Ночуешь у нас—мы всегда с уважением!

А делал Егор такой самогон, не хуже, а пожалуй, и лучше николаевской, такой самогон, что забор...

Вот как было дело:

видел Фома Меньшой, как шел Кузька Хромой, а ныне Кузьма Самуилов в Егоркин сарай, надо думать, что шел он в Егоркин сарай ночевать, и, когда шел, то размахивая правой рукой, говорил:

— Я зна-а-аю... Я—как член!

Тогда запряг лошадь Фома Меньшой и под'ехал к сараю, был еще с ним Коляншой, Колькин брат, который—это Колька-то—варил такой самогон, что забо...

Ну так вот:

видел Ефим Ковалев, как шел Кузька Хромой, а ныне Кузьма Самуилов, и шел он в Колькин сарай, надо думать, шел он в Колькин сарай ночевать, и когда шел, то, размахивая правой рукой, говорил:

— Я зна-а-аю... Я как член...

Вот тогда-то и запряг лошадь Ефим Ковалев и под'ехал к сараю, и был с ним еще Александра Лузга и Егор, который, это Егор-то, варил такой самогон...

Да. На чем же я кончил?

Ну, вот—когда, значит, пошел в Лутошанске дождь—а было это в четыре часа, вышел из лутошанского кооператива Федот Каблуков и, выйдя, заметил, что идет в Лутошанске дождь. Тогда он, пройдя шагов сто...

И вышел в это время из нарсуда заборовский дьякон и, выйдя, тоже заметил, что идет в Лутошанске дождь—а было это в четыре часа—и пройдя шагов сто,—

а дождь теперь лил, как из ведра—
встали они оба под крышу лабаза лутошанского кооператива.

А накануне Иванова дня покосные комиссии деревень Козлихи и Лепетихи, совместно с членом лутошанского земотдела Кузьмой Самуиловым, рассматривали вопрос о границе между названными деревнями, что проходит по Дурундевской пустоши на земле бывшей помещика Дурундеева, и, рассмотрев означенный вопрос, постановили считать, что, согласно приказа губземотдела, идет эта граница вдоль лепетихинского леса от кривой березы на сто шагов, что и подтверждается граждан означенных деревень свидетельскими показаниями.

Подлинный подписали: покосной комиссии члены: Фома Большой и Фома Меньшой, Ефим Ковалев и Егор Ковалев и член лутошанского земотдела Кузьма Самуилов.

Да.

Ну, так вот—встали это они под крышу—а в это время подбежал к лабазу человек в белой рубахе, без шапки, и забежал за лабаз. И уви-

дел председатель правления Федот Каблуков человека без шапки в белой рубахе и сказал:

— Я его знаю—это Фома Большой!

Тогда увидал секретарь нарсуда человека в белой рубахе без шапки и тоже сказал:

— А я его знаю: это Ефим Ковалев!

И пока они так говорили—шел дождь, и, пока шел дождь, стояли они под крышей лутошанского кооператива, а когда дождь перестал—пошли они домой, и в это же время пошли домой деревни Козлихи мужик—Фома Большой и деревни Лепетихи мужик—Ефим Ковалев, так что, когда перестал дождь в Козлихе, в Лепетихе тоже перестал дождь.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Были, в Иванов день, в Лутошанске Яшка Бандит и сам Коляной, и были они у Марьи вдовы, и ушли будто бы за полночь, а что ушли они за полночь, видно из того, что Сергей Петров, кладовщик, еще спал и они его разбудили, потому что, когда полагалось ему вставать, его и дома не было, повидимому, он куда-то ушел и ушел, надо думать, в Лепетиху, потому что Яшку Бандита видели потом в Лепетихе.

Вот как было дело:

после Иванова дня вышел из деревни Козлихи козлихинский мужик, Фома

Большой, и вышел он на Дурундеевскую пустошь—было это в шесть утра,—и в шесть утра вышли из деревни Лепетихи два брата Ковалевых: Ефим и Егор—

ну так вот

вышел это Фома на Дурундеевскую пустошь и начал косить у самой границы на сто шагов от того места, где летось стояла кривая береза—

и вышли тогда на Дурундеевскую пустошь Ковалевы, Ефим и Егор, и видят—косит Фома Большой и косит у самой границы...

... бросил Фома Большой косу и убежал в Козлиху, потому что лепетихинских было больше. И стали тогда косить лепетихинские—Ефим и Егор, и тоже у самой границы в ста шагах от того места, где стояла кривая береза. И как только начали они косить, пришли из Козлихи Фома Большой, и Фома Меньшой, и Никита Петров, и Беберя и видят: косят лепетихинские у самой границы...

...бросили лепетихинские косы и убежали, потому что козлихинских было больше.

Стали тогда косить козлихинские и опять у самой границы. И как только начали они косить, пришли из деревни Лепетихи Ефим и Егор Ковалевы, и дед Сосипатр, и Лександра Лузга, и

еще четверо, а кто—не упомяну, и видят, что косят козлихинские у самой границы...

...бросили козлихинские косы и убежали, потому что лепетихинских было больше. И вышли тогда из Козлихи...

Нет, не так:

прибежал тогда в лутошанскую милицию—лутошанского кооператива кладовщик, Сергей Петров, и сказал, что на Дурундеевской пустоши между деревнями Козлихой и Лепетихой начинается драка и что дерутся козлихинские мужики с лепетихинскими мужиками из-за покоса, дерутся ножами и даже бросают ручные гранаты.

И верно:

в это самое время вышли на Дурундеевскую пустошь козлихинские мужики всей деревней и вышли на Дурундеевскую пустошь лепетихинские мужики всей деревней и начали драться, потому что силы у них были равные.

И верно:

бросил Коляной в лепетихинских ручную гранату, и граната упала рядом с Александрой Лузгой и не разорвалась. И бросил тогда Яшка Бандит в козлихинских ручную гранату, и упала эта граната рядом с Беберей и тоже не разорвалась. Тогда взяли они косы...

Тут-то и пришла из Лутошанска милиция и увидала: лежит на Дурундеевской пустоши Яшка Бандит и не может итти, и голова у Яшки проломлена.

Так.

А надо сказать, что когда пришла на Дурундеевскую пустошь милиция, то, кроме Яшки Бандита, никого там и не было, потому что ушли козлихинские мужики в Козлиху и лепетихинские тоже ушли, и ушли, надо думать, в Лепетиху.

И пришли в лутошанскую милицию лутошанские милиционеры и сказали, что драки на Дурундеевской пустоши не было и только одному проломили голову, а варят в Козлихе самогон, варит Колька Беспалый, Коляного брат, и что этот самогон они забрали и привезли к начальнику милиции, самогон, отобранный от лепетихинского гражданина Егора Ковалева, на предмет привлечения означенного Кольки к суду, как самогонщика. И был тогда самогон запечатан сургучной печатью и доставлен в нарсуд...

Опять забегаю вперед. Дело было собственно так:—вечером того же дня шел мимо милиции Кузька Хромой, а ныне Кузьма Самуилов, член лутошанского земотдела, и, когда он вошел в милицию, сидели у начальника милиции заборовский дьякон, а ныне секретарь нарсуда, и еще двое, и будто бы заборовский дьякон сказал:

— Дело нечистое!

А говорили они о лутошанском кооперативе. В это время как раз случилась в кооперативе кража; пришел в лабаз председатель правления Каблуков и еще два члена правления, и сверяли наличность, при чем Сергея Петрова, кладовщика, в наличности не оказалось—был в это время Сергей у Марьи вдовы и был там Коляной, а Яшке Бандиту в драке проломили голову, так что Яшки там не было.

Ну вот,

и оказалось на складе лутошанского кооператива недостача в товарах—пропало будто бы сахару сто пудов и ситцу сто кусков, о чем и составлен протокол, на предмет привлечения к делу.

А утром на другой день, в народный суд доставлен был самогон в стеклянных бутылках, за сургучной печатью, и был в это время там—в нарсуде—секретарь нарсуда и был там еще козлихинский мужик Фома Большой и лепетихинский мужик Ефим Ковалев и говорили, что по данному делу они ровно ничего не знают, в чем выставляли свидетелей: деревни Козлихи граждан—Фому Меньшого, да Никиту Петрова, да Коляного, да Беберю, и деревни Лепетихи граждан—Егора Ковалева, Яшку Бандита, Сосипатра, да Лександру Лузгу...

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

В пятницу после Ильина дня в Лутошанске, над лутошанским народным судом, высоко стояло солнце, когда вышел народный суд в полном составе и занял свои места. И тогда заборовский дьякон...

Да что это я?

— Никакого дьякона в Заборовье нет, а если и есть, то совсем не гражданин Миролюбов, а кто-то другой,—гражданин Миролюбов есть секретарь нарсуда, а вовсе не дьякон. Правда, был когда-то в Заборовьи дьякон и был он будто бы тоже Миролюбов, но этот Миролюбов не был никогда секретарем нарсуда, а был диаконом заборовского во имя Успения пресвятой богородицы храма, и если читает он иногда апостола, то не в Заборовьи совсем, а в Лутошанске—

ну так вот

сел гражданин Миролюбов за стол и сели за стол—народный судья Петушков и по правую руку судьи, заседатель Игнатий Попов, а по левую руку судьи—заседатель Еким Федосеев. Сели это все они за стол...

Но я не буду утомлять читателя подробным описанием того, как председатель суда, судья Петушков, произнес:

— «Приводятся к присяге заседатели»

и как, действительно, заседатели приведены были к присяге, и не буду утомлять подробным же описанием того, как председатель суда, судья Петушков, произнес:

— «Слушается уголовное дело о краже из лутошанского кооператива!»—

тем более, что, действительно, видел гражданин Федот Каблуков—проходя вечером в десять часов (а вечером в десять часов получались в Лутошанске газеты) мимо лабаза, видел он, как прошел мимо того же лабаза человек в белой рубахе, без шапки, и зашел за лабаз—постоял, постоял—и ушел, и, действительно, шел в Лутошанске дождь и лил дождь, как из ведра, когда вышел гражданин Каблуков из кооператива—а что шел дождь, может подтвердить гражданин Миролубов—и признал тогда Каблуков, в человеке без шапки и в белой рубахе, Фому Большого—

и признал тогда гражданин Миролубов, в человеке без шапки и в белой рубахе, Ефима Ковалева, и что, когда кончился дождь...

Нет, не так—

и, что действительно на складе лутошанского кооператива ста пудов сахару и ста кусков ситцу в наличности не оказалось и не оказалось в наличности кладовщика Сергея Петрова—
и поэтому

прямо перейдем к свидетельским показаниям:

Свидетель Сергей Петров показал, что был он в это время у Марьи вдовы и, что был там Коляной, а Яшки Бандита не было, потому, что Яшке Бандиту в драке проломили голову. И свидетель Яшка Бандит подтвердил, что ему действительно проломили голову, на что свидетель же Коляной возразил, что это не он, Коляной, проломил Яшке голову, а что это сам Яшка нажрался самогону.

И тогда свидетель Егор Ковалев заявил, что самогону он не варил, и не продавал, и не пил, и не видал даже этого самогона отроду, а если варит в Козлихе самогон Колька, Коляного брат, то об этом ему ничего неизвестно—и свидетель Николай Беспалов, он же Колька, подтвердил, что действительно он, Колька, самогона никогда не варил и не продавал, а что варит в Лепетихе самогон Егор Ковалев, то об этом ему тоже ничего неизвестно...

Но это уже другое дело: о самогоне.

Начальник лутошанской милиции показал, что сидели они в помещении милиции и пришел туда Кузька Хромой, а теперь Кузьма Самуилов, и что в это самое время гражданин Миролюбов действительно произнес:

— Дело нечистое...

А говорили они о лутошанском кооперативе.

Да. Ну, так вот доставлен был самогон в стеклянной посуде, за сургучной печатью, доставлен был самогон в лутошанский народный суд, и принес судья Петушков эту посуду за сургучной печатью...

Тогда Егор Ковалев заявил, что этого, за сургучной печатью, самогона, он, Николай, не видал, а что если был отобран от него, Егора, самогон, то он, Николай, не отрицается, потому, что самогон этот за сургучной печатью, не самогон вовсе, а вода:

— Они,—говорит,—у меня из кадки всю воду вычерпали!

Вскрыли тогда печать, посмотрели—попробовал судья Петушков самогону за сургучной печатью, попробовал заседатель Попов самогону за сургучной печатью—и сказал судья Петушков и сказал заседатель Попов: оба сказали:

— Вода!

Но это уже другое дело—о самогоне.

Ну так вот—

сели они за стол и председатель суда произнес:

— «Слушается уголовное дело о краже из лутошанского кооператива!»

И тогда Ефим Ковалев показал, что будто бы проходил он мимо Дурундеевской пустоши и зашел посмотреть, хороши ли на Дурундеевской

пустоши травы. А трава, надо сказать, выросла куда выше колен, а уж густота, густота—
—что те сеянка!

Посмотрел он тогда на траву и сказал:
— Хороша!

Только границы и след простыл—будто бы не было!

и верно—

свидетель Никита Петров подтвердил, что на Дурундеевской пустоши, действительно, пропала граница, и что, когда поставил обвиняемый Фома Большой палку и поставил ее на то место, где прежде стояла граница, будто бы Ефим Ковалев заявил, что Лепетиха будет в обиде...

А в это самое время загорелся в лутошанском кооперативе сарай, и когда загорелся сарай, побежал сторож Ефрем на колокольню бить в набат. А дверь на колокольню...

Нет, не так—

тут-то и закричали:

— Пожар.

Только ни в Козлихе, ни тем более в Лепетихе, по словам свидетеля Сосипатра, никакого пожара не было, а был будто бы пожар в Лутошанске и сгорел будто бы лутошанского кооператива сарай, и тогда пришел он, свидетель, Сергей Петров, в совет и сделал заявление...

И увидели, что сарай действительно сгорел, и от сарая, подлинно, ничего не осталось, и сгорел также сахар, и сгорел даже ситец, так как ни сахару, ни тем более ситцу, на том месте, где стоял лутошанского кооператива сарай, не оказалось.

На этом дело о краже из лутошанского кооператива и кончилось.

ЭПИЛОГ

Но я юпять забегаю вперед.

Так было дело:

когда в Лутошанске склонялось тяжелое солнце и склонялось оно за крышу лутошанского кооператива, в это самое время, председатель суда, судья Петушков, произнес:

— Суд удаляется на совещание!

И встал судья Петушков со своего места, и встал заседатель Попов, и заседатель Еким Федосеев тоже встал, и встал тоже со своего места—
и действительно—

все они удалились на совещание.

Вынул тогда Фома Большой из мешка, вынул, говорю я, Ефим Ковалев из мешка, вынули оба по краюхе, и оба сказали:

— Время позднее!

И сказал тогда Фома Меньшой Егору, а дед Сосипатр Никите Петрову—

и сказал, говорю я, Беберя Лександре Лузге:
— Время позднее. Никак уж коровы идут?

И действительно—гнал лутошанский пастух лутошанское стадо, гнал из кривого прогона, и шло это стадо от кривого прогона мимо лабаза и мимо земотдела, и мимо лутошанского нарсуда. И впереди стада шла черная корова, и у черной коровы на лбу было белое пятно, а позади стада шла белая корова, и у белой коровы на лбу было черное пятно. Да.

Ну, так вот,

когда белая корова проходила мимо окон лутошанского нарсуда, в это самое время вышел судья Петушков и с ним вместе вышел Игнатий Попов, и вышел Еким Федосеев,

вышли они, сели за стол, и сказал судья Петушков:

«... дело по обвинению граждан деревни Козлихи—Фомы Большого и деревни Лепетихи—Ефима Ковалева в краже из лутошанского кооператива, за недоказанностью обвинения, прекратить...»

И услышал Фома Большой—прекратить, и услышал Ефим Ковалев:

прекратить!

и оба вздохнули.

— Оно, конечно, тово, погорячились!

И сказал Фома Меньшой, и сказал Егор Ковалев, и сказал, говоря я, Беберя Лександре Лузге:

— Погорячились!

А говорили они о покосах на Дурундеевской пустоши.

И когда за крышу лабаза опустилось тяжелое солнце и длинные тени сгустились на улицах Лутошанска, и сгустились такие же тени в Козлихе, и даже в Лепетихе сгустились длинные тени, и только золотом горел крест на заборовской колокольне,

в это самое время

из Лутошанска по кривому прогону шли мужики—надо думать, что шли там: Фома Большой и Фома Меньшой, Ефим и Егор Ковалевы, и Никита Петров, и Беберя, и Лександра Лузга, и дед Сосипатр, и шли они вместе, только издали мне никак нельзя было разобрать, кто из них шел в Козлиху, а кто в Лепетиху.

МЕРТВОЕ ТЕЛО

I

Когда в Вышнегорске и над самым городом Вышнегорском занялась заря—проснулся на Плешкиной слободе псаломщик Игнат, и проснулся портной Филимон на Прогонной, а в деревне Лисьи Хвосты, в расстоянии версты от Вышнегорска, проснулся без определенных занятий гражданин Чижиков.

И, проснувшись, каждый из них заметил, что пора вставать.

Первым встал псаломщик Игнат—он же дело-производитель исполкома—и, выглянув в окно, увидел, что идет по дороге пегая лошадь, запряженная телегой, и лежит будто бы в этой телеге человек—только лица того человека никак нельзя разобрать. Необычайное сие зрелище не произвело на псаломщика Игната никакого впечатления, и, одевшись, пошел он в волисполком.

Вторым поднялся портной Филимон, и, выйдя на улицу безо всякой определенной цели, за-

метил, что идет по дороге пегая лошадь с телегой и в телеге будто бы нет никого. И подумал тогда Филимон, что лошадь найдет дорогу одна,— и вернулся домой доканчивать обещанный начальнику вышнегорской милиции, Мишке Сычу, френч, за которым Мишка Сыч еще вчера присылал, а сегодня и сам обещал зайти.

А что касается без определенных занятий гражданина Чижикова, который, кстати сказать, прежде служил на железной дороге,—ну, так видел означенный Чижиков, выходя из деревни Лисьи Хвосты, что забралась пегая лошадь в чьи-то овсы и овсы эти порядочно потравила.

Вывел гражданин Чижиков лошадь эту опять на дорогу, а сам пошел в Вышнегорск по какому-то срочному делу, касающемуся не столько Филимона, сколько начальника вышнегорской милиции, Мишки Сыча.

Вот и все.

Только в Вышнегорске в тот день не было иных разговоров, кроме как о найденном на дороге от Плешкиной слободы к Прогонной улице мертвом теле.

Первым заметил мертвое тело псаломщик Игнат; когда шел псаломщик Игнат в исполком, и увидел: лежит у дороги человек и будто бы спит. Подошел Игнат к тому человеку, ткнул того человека ногой, и он не пошевелился.

— Ишь ты,—подумал Игнат и, встретив без определенных занятий гражданина Чижикова, сказал, что лежит на дороге мертвое тело и не шевелится.

Подошел тогда к мертвому телу гражданин Чижиков, пнул мертвое тело ногой,—и оно действительно не пошевелилось.

— Ишь ты,—сказал тогда Чижиков и, встретив Мишку Сыча,—а шел Мишка Сыч к Филимону—и сказал гражданин Чижиков Мишке Сычу, что лежит на дороге мертвое тело и не шевелится.

Подошел Мишка Сыч к мертвому телу, пнул это тело ногой, и оно в третий раз не пошевелилось!

— Ишь ты,—сказал Мишка Сыч и пошел к Филимону, примерил только-что сшитый френч и нашел, что сшит оный френч хорошо, и потом уже по дороге в милицию, встретив милиционера, послал означенного милиционера охранять найденное при дороге мертвое тело.

Пошел милиционер к мертвому телу и увидел: идет по дороге человек, будто бы пьяный, и шатается. Тогда решил милиционер, что мертвое тело все равно никуда не убежит, и, забрав пьяного, отвел его в арестное при вышнегорской милиции помещение, а потом уже отправился дальше.

В это же время шел гражданин Чижиков на станцию и, проходя мимо дома бывшего купца

Ворошилова, заметил на дверях этого дома записку:—а надо сказать, что помещался в доме бывшем купца Ворошилова клуб и в этом клубе на сегодняшний вечер назначен был диспут на тему «существует ли бог»—так вот, когда гражданин Чижигов прочитал эту записку—весь Вышнегорск говорил о страшной находке.

Говорили тогда в Вышнегорске...

Да мало ли что говорят в Вышнегорске! Всю неделю говорили, что обнаружены будто бы на железной дороге хищения, и довели стоимость этих хищений до трех миллиардов, а вот задержанный Мишкой Сычом по подозрению в краже портной Филимон к этой именно краже оказался непричастным!

И когда начальник милиции Мишка Сыч, составив бумагу о нашествии мертвого тела, пошел в деревню Лисьи Хвосты, а псаломщик Игнат сидел в волисполкоме,—было двенадцать часов,—

и в двенадцать часов посланный Мишкой Сычом милиционер, подойдя к тому месту, где должно было, согласно полученной им инструкции, находиться мертвое тело,—

ни мертвого, ни живого тела не обнаружил!

А вечером из арестного при вышнегорской милиции помещения освобожден был, задержанный, вероятно по ошибке, лыковский волпродинспектор товарищ Мигай.

II

Сидел псаломщик Игнат в исполкоме. Пришел к нему председатель защекинского сельсовета Гаврило Терентьев и рассказал ему нижеследующее.

Был в Ильин день в Защекине праздник, и сидел он, Терентьев, в избе, когда пришел к нему деревни Лосновѣ мужик Степан Парамонов и сказал, что требуют у него, Терентьева, как председателя сельсовета, подводу. Тогда вышел он, Терентьев, как председатель сельсовета, на улицу, и сидел на телеге гражданин и требовал подводу, на что он, Терентьев, как председатель сельсовета, сказал, что подводы по случаю праздника нет. И тогда означенный гражданин, оказавшийся лыковским волпродинспектором Мигаем, нанес ему, Терентьеву, оскорбление в личность, так что он, Терентьев, как председатель сельсовета, чуть с ног не слетел, и потому просит принять меры с такими гражданами.

Означенное заявление послано было к райуполномоченному Птичкину, для отзыва в трехдневный срок.

А в это время говорили в Вышнегорске...

Да мало ли что говорят в Вышнегорске бабка Фетинья с теткой Аксиньей, встретившись на Большой улице почти-что у самой церкви!

— Светопреставление, — говорит бабка Фетинья...

— Не иначе, как воскресенье из мертвых, — отвечает тетка Аксинья, — и расходятся по домам, увидев издали Мишку Сыча — возвращающегося из деревни Лисьи Хвосты.

А был Мишка Сыч в деревне Лисьи Хвосты вот по какому делу:

Утром деревни Лисьи Хвосты мужик Микита Седой, проходя мимо поля, заметил потраву: вошла в его, Микиты Седого, овсы пегая лошадь, и овсы эти порядочно потравила. И загнал Микита Седой лошадь эту в хлев, — а той же деревни мужик Илья Худой заявил, что штраф с этой лошади причитается и ему — Илье Худому...

И вот тогда Мишка Сыч рассудил до разбора дела задержать эту лошадь при вышнегорской милиции, и приехал на лошади в Вышнегорск, и только, когда приехал — узнал о пропаже мертвого тела.

— Я этого так не оставляю! — сказал Мишка Сыч и вызвал следователя для розыскания мертвого тела, неизвестно кому принадлежащего.

Шел со службы псаломщик Игнат и, проходя мимо дома бывшего Ворошилова, прочел на дверях этого дома записку, выражавшую явное сомнение в бытии бога. И тогда псаломщик Игнат, как человек в бытии бога не сомневающийся,

приготовился к диспуту, выпив бутылку самогона у местного самогонщика Бутягина.

А вечером в восемь часов действительно состоялся диспут.

Был на диспуте весь Вышнегорск, но, несмотря на жаркие споры, большинством сорока голосов против тридцати постановлено было, что бога не существует.

И тогда взял, по мотивам голосования, слово самогонщик Бутягин и заявил, что для решения такой важности, как бытие божие, вопроса необходимо, по крайней мере, большинство двух третей голосов, а псаломщик Игнат при сем, бия себя персты в грудь, сказал, что в этой, псаломщика Игната, груди бог доподлинно существует. Без определенных занятий гражданин Чижиков на это возразил, что, как он теперь безработный и в партию не записан, то нет ему во всем этом, о бытии бога, вопросе никакой корысти.

Был, я говорю, на этом диспуте весь Вышнегорск, и, когда диспут кончился, говорили, расходясь по домам, о том, о чем весь этот день только и разговору было в Вышнегорске:

а именно:

что у начальника вышнегорской милиции Мишки Сыча появился откуда-то новый френч, какого у него, Мишки, прежде не было и быть не могло.

III

Пришел в Вышнегорск лосновский мужик Степан Парамонов и искал по всему Вышнегорску, а равно и по деревне Лисьи Хвосты, пропавшую у него пегую лошадь, и сказали ему, что задержана эта лошадь при вышнегорской милиции. И пошел Степан Парамонов к начальнику милиции и требовал лошадь, только Мишка Сыч лошади не дал, как не имеющему никаких на эту пегую лошадь доказательств. И пошел Степан Парамонов в Лыково к волпродинспектору Мигаю за доказательством...

Это было утром, а ночью видел милиционер, охранявший то место, где лежало вчера мертвое тело, как мелькнула в сторону деревни Лисьи Хвосты от Вышнегорска какая-то тень,—и через десять минут в том же месте появилась другая тень и проехала будто бы эта тень на лошади в сторону той же деревни. Повидимому, бродячая эта тень являлась душою того мертвого тела, которое пропало неведомо куда, и бродила она по ночам, отыскивая принадлежавшее ей тело...

И утром же Мишка Сыч получил со станции протокол об ограблении вагонов, присланных с мануфактурой на имя профсоюза «Игла», и

ушел на станцию производить по этому делу дознание.

А в Вышнегорске тогда говорили...

Впрочем, вот о чем говорили в Вышнегорске:

Вчерашнее постановление об отмене существования бога повергло священника отца Миловидова в совершенное уныние, и он, совместно с псаломщиком Игнатом, придя к местному самогонщику Бутягину, потребовал самогону. Когда же Бутягин возразил, что, дескать, «вы, батюшка, у меня весь самогон выпили»,—отец Миловидов с применением револьвера закричал:

— Говори, такой-сякой, есть бог или нет!

И было существование божие с очевидностью утверждено устами вышнегорского самогонщика Бутягина.

В этот же день и тоже утром получил райуполномоченный Птичкин заявление гражданина Терентьева, с жалобой на оскорбление его, Терентьева, как председателя сельсовета, в личность, при помощи физического удара со стороны лыковского волпродинспектора Мигая, и, вызвав самого Мигая из Лыкова, снял с него показание.

Дело волпродинспектора Мигая, по его, Мигая, показанию, заключалось в следующем:

Лыковского волпродинспектора Мигая

необыкновенное

по Лыковской волости

путешествие

Эта история о том, что никогда человек не знает, с кем его сталкивает судьба, и учит в действиях соблюдать возможную осмотрительность.

Ехал волпродинспектор Мигай со станции Разгуляево в Лыково по сбору масло-яичного налога, и был в Разгуляево по случаю престольного дня праздник, и попал он из Разгуляева в деревню Васиху, где тоже был праздник. Дал ему председатель деревни Васихи подводу, и довезла его эта подвода до деревни Лосново, а в деревне Лосново был праздник. И дали в Лоснове подводу, и довезла эта подвода до деревни Защекино,—а в деревне Защекино был опять-таки праздник...

И тогда подходит пьяная физиономия и еще возница, который и заявляет, что дальше не повезем. На это товарищ Мигай ответил, что обязаны его довести до Лыкова,—и послал тогда возница товарища Мигая к такой матери, а к какой—товарищ Мигай не знает. И подскочила какая-то старуха и еще мужики, и физиономия спросила ваш мандат, а мужики кричали:

— Ему надо масла—дадим ему и масла!

И еще подступала какая-то личность, и товарищ Мигай схватил эту личность за руку и крикнул:

— Ты руку держи покороче!

И когда обернулся—видит—лезет пьяная физиономия с такой же закуской, и возница бросил вожжи и сказал: «пожжай сам!» И физиономия подступала с кулаками, а мужики кричали: «будем его топить!» Тогда товарищ Мигай не выдержал и смазал гражданину в отмашку, так что тот с ног слетел, схватил за руку и сказал:

— Вы арестованы!

По дороге подходит какая-то пьяная личность:

— За что вы арестовали лесного сторожа?

— А вы кто такой?

— Я—ревизор лесничества, и вы должны его отпустить, как мужики весь лес разворуют...

Товарищ Мигай на это ответил:

— А я думаю, что вы не ревизор лесничества, а пьяный.

Тот принимает вид серьезный:

— Вы меня не поили, и потому не укоряйте.

— Ну так покажите ваш мандат, и я буду разговаривать с официальным лицом.

Тот пошарил по карманам:

— Нету с собой.

— Ну, я вижу, что ты фальшивый ревизор, и я тебя тоже арестую.

Пошли дальше. Тот прошел пять шагов и опять начинает ш а б ы р и т ь:

— За что вы меня арестовали? За то, что я ранен на польском фронте?

— Об этом мне ничего неизвестно, а за то, что ты фальшивый ревизор. Кто тебе будет арестованный?

— Брат...

— Ну, так ты арестован, как незаконно пытавшийся освободить своего брата...

Тот вынимает бумагу. Товарищ Мигай посмотрел бумагу и, увидев, что действительно означенная личность есть демобилизованный красноармеец и ранен на польском фронте, за номером 1273, сказал:

— Иди домой, нам таких демобилизованных не нужно.

И пошел дальше в исполком:

— Вот,—говорит,—человек на меня покушался избить, как пьяный...

Тогда секретарь исполкома говорит:

— Это вовсе не пьяный, а председатель сельсовета!

И, видя свою ошибку, отпустил товарищ Мигай и этого гражданина, как арестованного по недоразумению.

Все вышеизложенное могло бы показаться читателю странным и нисколько не отвечающим истинному положению дел, если бы читатель не был

осведомлен о таком имевшем место в городе Вышнегорске случае.

Был задержан желдорохраной один гражданин, незаконно торговавший самогонкой, и спросили того гражданина:

— Где покупал?

Повел тогда гражданин желохрану в милицию и, войдя в милицию, сказал:

— Здесь покупал.

А когда спросили, кто же ему означенный самогон продал, он показал на Мишку Сыча—в то время, когда каждому известно, что Мишка Сыч отнюдь не самогонщик, а начальник вышнегорской милиции!

Вот какие могут случаться ошибки и единственно только по причине человеческой неосмотрительности, почему и рекомендуется при встрече спрашивать у каждого мандат.

Но происшествие это несколько не обескуражило нашего героя. Будь на его месте другой,— и пусть у этого другого будет семь револьверов за поясом, и то он неминуемо бы растерялся, но не таков товарищ Мигай, иначе он не был бы героем нашей поэмы: товарищ Мигай на эти, секретаря исполкома, слова только ответил:

— Если он председатель совета, то пусть он даст мне подводу.

И тогда председатель сельсовета возразил, что подводы по случаю праздника нет и что он, Мигай, может подождать и до завтра, «а ты,—говорит,—ответишь, как оскорбил должностное лицо».

И тут стояла чья-то пегая лошадь, и товарищ Мигай сказал:

— Коли ты не даешь подводу,—я сам возьму!

Сел на эту лошадь, стегнул ее, что есть силы, и пришел на другой день в Лыково пешком из Вышнегорска.

Выслушав эти объяснения, райуполномоченный Птичкин написал бумагу, что факт нанесения волпродинспектором товарищем Мигаем физического удара председателю зашекинского сельсовета Терентьеву вполне установлен, но что, по его мнению, нанесение означенного удара обусловлено тем, что товарищ Мигай долгое время находился инспектором означенной волости и его все знают, почему и надлежит ему, Мигаю, как честному и преданному работнику, сделать выговор, с предупреждением отдачи под суд.

И вся переписка отослана была в Лыково на предмет дальнейшего расследования.

И тогда же приехал следователь и установил, что пропавшее мертвое тело принадлежит никому другому, кроме как лыковскому волпродинспектору Мигаю, который и был препровожден в арестное при вышнегорской милиции помещение.

IV.

Утром прибыло дело о волпродинспекторе Мигае в Лыково, и допрошены были зашекинские мужики, а также лосновский мужик Степан Парамонов, и выяснилось, что прибыл Мигай в Зашекино из Разгуляева, где был праздник, и вез его лосновский мужик Степан Парамонов на пегой лошади, которая и нужна ему, Парамонову, по хозяйству. А что товарища Мигая знает вся волость, от этого никто не отрекался—их грех.

Убийства же никто не совершал, разве что в Разгуляеве зарезали двоих, да и те двое остались живы, и куда могло деться мертвое тело, им ничего неизвестно.

И все это дело вернулось в вышнегорский исполком и поступило к псаломщику Игнату, как делопроизводителю.

Но все это было уже утром,—а ночью приходил начальник милиции Мишка Сыч в арестное помещение, и, ударив товарища Мигая, как последственного, по уху, сказал ему:

— Ты убил!

На что Мигай ничего не смог ответить. Тогда повел его Мишка Сыч и велел показать, куда спрятано мертвое тело. И водил его Мигай три часа, и привел в чьи-то овсы, и лежало

в этих овсах действительно мертвое тело, неизвестно кому принадлежащее.

И был приставлен к тому телу караул из одного милиционера. И на рассвете видел милиционер, как направлялась к деревне Лисьи Хвосты чья-то тень, и от испуга заснул. А, проснувшись, заметил, что сидит рядом с ним псаломщик Игнат и уверяет, что бог все-таки есть, а мертвое тело пропало неизвестно куда...

И был тогда же составлен протокол на священника отца Миловидова в вымогательстве с применением оружия к местному самогонщику Бутягину и распространении ложных слухов о воскресении мертвых. И утром же был арестован псаломщик Игнат, только сразу отпущен, как делопроизводитель волисполкома, но только псаломщик Игнат, как делопроизводитель исполкома, был обижен и сказал Мишке Сычу:

— Я тебе докажу, что бог существует!

И немедленно, по требованию волисполкома, освобожден был подследственный Мигай, как принятый по ошибке начальника милиции за мертвое тело, и отправлен в больницу по причине боли в спине от ударов тупым орудием.

В это время говорили в Вышнегорске—да и не только в Вышнегорске, но и деревне Лисьи Хвосты, что бродит по ночам от Вышнегорска к Лисьиим Хвостам бесплотная чья-то тень и мнет

эта тень деревни Лисьи Хвосты мужиков Ильи Седого и Микиты Худого овсы, так что эти овсы могут сгнить по причине дождливого лета.

И сели ночью в засаду Илья Худой и Микита Седой—и сидели они в полверсте друг от друга: и увидел сначала Илья Худой, как мелькнула означенная тень, и погнался за нею, но не догнал. И тогда же увидел Микита Седой другую тень, и сидела эта тень на телеге и погоняла лошадь, масти которой нельзя было разобрать. И шла эта лошадь прямо по овсам, в сторону деревни.

Тогда Микита сказал:

— Стой!

И оказалась та тень тенью без определенных занятий гражданина Чижикова, и везла эта тень со станции Вышнегорск мануфактуру.

И был тогда арестован портной Филимон, да и сам начальник вышнегорской милиции Мишка Сыч не отрекался, что сшил ему Филимон новый френч, какого у него, Мишки Сыча, прежде не было и быть не могло, по причине полной небезопасности, как он ни в чем не виноват, только что в применении насилия к волпрод-инспектору Мигаю.

Говорили тогда в Вышнегорске...

Ну, да об этом говорили не только в Вышнегорске—и в Лыкове, и в Разгуляеве, и да-

же в Защекине не было других разговоров, как о раскрытии шайки, производящей хищения из вагонов на станции Вышнегорск, и что будто бы во главе этой шайки находится неизвестно кому принадлежащее мертвое тело.

И когда на следующий день занялась в Вышнегорске заря, проснулся на Плешкиной слободе псаломщик Игнат, он же делопроизводитель вол-исполкома, и увидел псаломщик Игнат, выглянув утром в окно, что идет по дороге пегая лошадь, запряженная телегой, и сидит в этой телеге лосновский мужик Степан Парамонов.

МИСТЕР БРИДЖ

ПОВЕСТЬ

1. МИСТЕР БРИДЖ

В отдельном купе международного вагона из Англии в Россию едет представитель торгового дома «Джемс Уайт Компани Лимитед» мистер Роберт Бридж. На нем широкий клетчатый сюртук и такие же панталоны, широкополая шляпа, скрывающая верхнюю часть лица, чтобы тем выразительнее выделялась нижняя, с таким подбородком, по которому каждый, кто хоть раз в жизни видел портрет Шерлока Холмса, мог с первого взгляда узнать в мистере Бридже достойного сына великой британской империи.

Если же к этому прибавить, что мистер Бридж не выпускал изо рта начиненной необыкновенной крепости кепстеном трубки, отчего купе насквозь было пропитано запахом, равного которому нет ни в одном из лондонских кабачков,—то великобританское происхождение мистера станет оче-

видным для самого невежественного гражданина советской республики.

Этот запах обеспечивал мистеру Бриджу полнейшее уединение; и настолько, что даже прилично одетый молодой человек с загорелым лицом и приплюснутым носом, выдававшим—для мистера Бриджа—его наполовину монгольское происхождение,—и тот, обмерив глазами купе и обратив особенное внимание на полки, где помещался багаж мистера Бриджа,—только крикнул и, даже не пробормотав слова извинения, вышел из купе: так поразил его этот одуряющий запах!

Мистеру Бриджу никто поэтому не мешал наслаждаться многообразными открывающимися перед ним видами, что он и делал, меланхолически постукивая указательным пальцем по толстому зеркальному стеклу вагона международного общества.

И что может быть достойнее для молчаливого наблюдателя далеких горизонтов, с одинокими на них белыми острями колоколен, полей и лесов, озер и болот, заросших полуобгорелыми березками, что, сменяя друг друга, медленно проходили перед глазами достойного представителя почтеннейшей фирмы «Джемс Уайт Компани Лимитед».

— Россия!

Вот медной стеной стоят сосны. Ребятишки кричат:

— Ягоды! Ягоды!

В руках мистера Бриджа корзинка со свежей солнечной земляникой.

— Россия!

Это шепчет мистер Бридж или ветер, ворвавшись в окно, шепчет это ветрами навеянное имя? Конечно, ветер. Мистер Бридж не знает этого слова. Мистер Бридж изъясняется при помощи самоучителя *Englishman in Russia*, ц. 2 шилл. 3 пенса, Лондон 1913.

— Что за станция?—спрашивает в коридоре чей-то голос.

— Кипяток,—читают по складам.—Станция Кипяток!

Мистер Бридж презрительно морщится:

— *Kipiatoc!* Какое странное название!

Он взглянул за окно и мог увидеть: серую от времени доску, на которой крупными буквами выведено это таинственное слово, с указательным перстом в направлении к вокзалу. Он мог увидеть—деревянный полусгнивший помост, желтые строения станционных казарм, кривую улицу за вокзалом, словом все то увидал мистер Бридж, что можно видеть на любой из сотни и тысячи российских станций,—но мистеру Бриджу эта станция показалась много замечательней всей сотни и тысячи.

Первым движением было: равнодушно сесть в угол, закурить трубку. Потом мистер Бридж, будто бы вспомнив что, глубже погрузился в широкополую шляпу и решительно направился к выходу.

Тот же приличный молодой человек открыл перед ним дверку вагона.

— Thank you!..—сказал мистер Бридж, пропуская вперед молодого человека.

Ребятишки продают пирожки, молоко, ягоды, булки. Сонный носильщик стоит у перил, неподвижно уставившись в одну точку. Щеголеватый молодой человек в красной фуражке приказывает что-то унылому бородачу. На вокзале пахнет жареной рыбой. За вокзалом одинокая телега:

— В Шокорово, барин? Мигом доведу!—предлагает маленький мужичок с рыжеватой клинообразной бородкой.

Мистер Бридж еще глубже уходит в широкополую шляпу и возвращается в вагон. Дверь купе раскрыта. Дверь соседнего купе тоже раскрыта. Мистер Бридж окидывает взглядом полки...

Но ни на одной из этих полок не находит он чемодана—лучшего из всех существующих в мире чемоданов, ибо этот принадлежит не кому иному, как именно мистеру Бриджу. Представитель фирмы Джемс Уайт взволнован. Он еще раз внимательно осматривает купе, заглядывает в окно,

заходит даже в соседнее купе—и потом, так же решительно, как и в первый раз, выходит из вагона.

Можно было видеть затем мистера Бриджа в комнате дежурного агента, где он, мистер Бридж, силился при помощи самоучителя и жестов объяснить человеку во френче, что у него, мистера Бриджа, украли его чемодан, и можно было услышать, как человек во френче, просматривая, вероятно, очень срочные бумаги, грубо крикнул мистеру Бриджу:

— Успесте! Я занят!

Третий звонок. Мистер Бридж терпеливо ждет.

Резкий свист. Сдавленный крик паровоза. Мистер Бридж терпеливо ждет.

— Что у вас?—так же грубо спрашивает человек во френче.—Не понимаю, ничего не понимаю!

Поезд тронулся.

Можно было видеть затем мистера Бриджа уже за вокзалом, где попрежнему стояла телега, и тот же мужик спросил у него:

— А что, довезу?

Мистер Бридж махнул в знак согласия рукой и уселся в телегу.

Через пять минут из дежурной комнаты вышел человек во френче, прошелся по платформе и угрюмо спросил носильщика:

— Где тут... этот?..

— Уехал...

— Уехал? Да ведь он по-русски ни бе, ни ме!

И оба в недоумении посмотрели на дорогу, где уже не было видно мистера Бриджа с его возницей.

— Куда же и зачем он уехал?

Но кто мог ответить на этот вопрос? Мистер Бридж? И он не смог бы ничего объяснить, так как не говорил по-русски.

2. ШОКОРОВО

Мужичек, заполучивший такого странного седока, был очень доволен неожиданной этой удачей, но принял удачу с достоинством и даже более чем с достоинством.

— Я же говорю, дешевле никто не повезет! Помилуйте—десять верст... Сенокос... А мне по пути... Н-но, милые!..

Мистер Бридж не проронил ни слова.

«Не разговорчивый... Кто знает, что они на уме держат!»

— Я это потому,—продолжал он, подозрительно вглядываясь в седока,— что с сеном приехал, и все одно тамошний! А то разве повез бы.

Мистер Бридж смотрел в сторону и, видимо, ничего не слышал.

«Не скажут... Едут, молчат, а приедут: бумагу к рылу: ка-ммунист! Ты чего комиссара вез, никому не сказал? А вот возьми, да узнай!»

— Н-но, шершавые!

Мистер Бридж трясся русским проселком в русской телеге. Мистер Бридж видел: пролески, поля, луговины, овраги, ручьи, холмы, солнечные пригорки, одинокие березы в полях, ободранный бредняк по канавам.

«Не скажет,—размышлял мужик,—не то по налогу, не то следователь. Да будто не следователь—у того усы... По налогу стало быть»...

— Н-но, паскуда, куды лезешь!

«Не успел сено продать—подавай! Не терпится!»

Мистер Бридж молчал и молчал, крепко сжав губы.

— Трясет небось?—осведомился мужичек:—я бы вам сенца подложил!

Мистер Бридж промычал что-то непонятное.

«Немой стало быть... А вот у Агафьи сынок—до десяти годов не говорил, а свезли в город, подрезали язык...»

И, с сочувствием посмотрев на мистера Бриджа:

— А у другого, можа, и языка вовсе нету...

Телега стучит, тарахтит, с горки на горку. Вот деревня. Свернули к колодцу с высоким закинувшим в небо длинную шею журавлем. Ми-

стер Бридж пьет из бадьи холодную, пахнущую деревом воду.

Лесок. За леском серебряные купола, колокольня, красная крыша барского дома. Мистер Бридж приподнялся.

— Шокорово! Вон оно!—обрадованно закричал мужичек и крепко ударил усталую лошадь. Шагом шла она по влажной лесной дороге. Хрустел валежник; встряхивалась на голых корнях телега. Ворота—за воротами вешня, за вешней налево—село, а направо—бывший господский парк и березовая роща.

— Вам куда?

Мистер Бридж осмотрелся, вылез из телеги и, бросив вознице деньги, спокойно пошел к ларку и скоро скрылся среди белоствольных берез молодой шокоровской рощи.

Мужичек покати́л в село.

«Чудно—а ежели он... Донести? Вот так и так, привез не знай кого... А зачем, спросят, вез, паспорта не спросил?...»

Что же это за местность, куда нежданно-негаданно забросило представителя фирмы «Джемс Вайт Компани Лимитед?»

Шокорово—старинное имение князей Муралиных—задешево досталось в свое время шокоровскому же мужику Степану Тимофееву, который под фамилией Вахрушига вел торговлю лесом

и быстро разбогател. Вахрушин свел тысячи две десятин строевого леса, заколотил ставнями окна барского дома, оставив из милости доживать век свой в этом доме дальнюю родственницу князей, носившую ту же фамилию, но уже без княжеского титула,—а сам уехал в Москву и редко-редко появлялся в имении: торговое дело его расширилось, он завел связи с заграницей, приобрел три завода, купил и продал опять не одно имение,—Шокорово потому только не подверглось этой участи, что старик хотел успокоить кости свои рядом с «родителями» на шокоровском кладбище.

По смерти Степана имение досталось сыну его Дмитрию. Поссорившись с братом Петром при дележе наследства, он поселился в Шокорове, построил новый причудливой архитектуры флигель рядом с развалинами старого дома, восстановил цветники, выписал какие-то невиданные до сих пор машины,—но дальше дело не пошло: он опять помирился с братом и уехал в Москву.

Торговый дом «Братья Вахрушины» находился тогда в зените своей славы и даже имел представительство в Лондоне.

Машины ржавели под дождем и ветром, цветник поддерживался старушкой Муравлиной и ее внучкой—Ариадной, да стоял новый дом, куда на лето приезжали отдыхать сыновья Дмитрия—Василий и Николай. Василий скоро занялся коммер-

ческими делами и отдыхал уже не в Шокорове, а в излюбленных купеческими сынками ресторанах—Николай продолжал каждое лето навещать село. Товарищей по деревне ему заводить не разрешалось, и поневоле единственным другом была Ариадна. Приезжал Николай и во время войны— в студенческой форме, потом в форме прапорщика—и уже только затем единственно, чтобы видеться с Ариадной. Первое время по его последнем посещении получала Ариадна толстые пакеты, за которыми сама ходила на станцию—десять верст туда и обратно, а потом письма прекратились. Старушка Муравлина умерла, и Ариадна, кончив гимназию, поступила учительницей в шокоровскую школу.

Накануне Октябрьской революции приезжал в Шокорово Дмитрий Вахрушин—и вскоре уехал за границу, не дожидаясь насильственного выселения. В деревне ходили слухи, что приехал он только затем, чтобы спрятать драгоценности, опасаясь за их целость, но эти слухи вызваны были скорее разочарованием мужиков в ожидаемых богатствах. Имение перешло совету, потом передано арендатору, который уехал, распродав не только свой инвентарь, но и оставшиеся от прежнего хозяина машины. Имение опустело—и только два сторожа, Ефрем и Нефед, охраняли фруктовый сад, да выселенная из флигеля Ариадна занимала

бобыльскую избушку за парком неподалеку от роши.

Однако, пережила она эти годы. То-и-дело местные власти являлись с обыском, отбирали какие-то подписки, требовали сообщить сведения, о каких она и понятия иметь не могла. Разыскивали Василия, разыскивали Николая, разыскивали, наконец, несуществующие драгоценности—и все должна была знать Ариадна. Но потом ее оставили в покое: она посещала теперь уже полупустую и нетопленную школу, ездила в уезд за мукой и капустой и, проголодав зиму, раскопала небольшой огород рядом со своей избушкой.

И в этот вечер—Ариадна была в огороде. Надо было полить огурцы—с коромыслом через плечо носила она тяжелые ведра вверх и вниз—от ручья к огороду. В этой крепкой, загорелой женщине трудно было узнать худенькую гимназистку, какой была она прежде. Привыкшие к тяжелой работе руки огрубели и даже ее, живые прежде, глаза приобрели тот невидящий взгляд, который привычен для баб, погруженных в работу.

Привычно носила она тяжелые ведра, поливала сухие гряды, думала о том, что огурцы обещают быть хорошими, а картошка растет плохо, что на капусте завелись черви, а убирать их некогда—словом, о том думала она, о чем

думают все не из досуга только занимающиеся хозяйством люди. Она смотрела и не видела—ни старой липы, ни толстого, загнившего пня другой, еще более старой, липы—на котором, так ли давно—часто сидела она с Николаем. Когда это было? И было ли это когда? Летом—огород, зимой—школа, ссоры с мужиками из-за лишнего воза дров, из-за лишнего пуда муки—и никогда не было ни толстых пакетов, ни неутомительных путей на станцию—за десять верст, туда и обратно...

Где теперь Николай? Ариадна редко вспоминала о нем. Только во сне видела его иногда и почему-то всегда гимназистом, таким же представляла его и наяву.

Ариадна поставила ведра на землю и грустно вздохнула. Еле заметной краской покрылось лицо. Она опять подняла ведра и взглянула на старую липу...

— Ах...

Ей показалось: на полусгнившем пне, опершись щекой на кулак, сидит незнакомец. На нем—широкий сюртук, широкополая шляпа лежит на коленях. Бритое скуластое лицо. Высокий лоб, выдавшийся вперед подбородком.

Ариадна, раскрыв глаза, безмолвно смотрела на незнакомца. Незнакомец быстро поднялся и скрылся в аллее старого парка.

Видел ли ее этот человек? Видел ли ее мистер Бридж? С какой целью пришел он сюда?—Неизвестно. И он сам ничего бы не мог объяснить, так как он не говорил по-русски.

3. ПРИВИДЕНИЕ

Ариадна ни минуты не могла оставаться в избе. Будто в первый раз увидала она и покрытые копотью стены, и уродливую, занимавшую половину избы, печь и заклеенные бумагой стекла. Закончив работу, вышла она во влажную сумеречную рощу—и вот—словно не было этих горькими воспоминаниями наполненных лет, словно ей восемнадцать, у нее нежные не привыкшие к работе пальцы, она влюблена первой весенней влюбленностью и идет на свиданье.

Она миновала рощу и парк. Вот господский дом, покосившийся на-бок. Широкая терраса, с разбитыми, когда-то разноцветными стеклами, лишенная подпорок, готовая ежеминутно упасть крыша. Ариадна осторожно поднялась по ступенькам, открыла дверь. Оттуда пахнуло сыростью. От лунного света—сквозь окна—прозрачные тени. Она идет дальше: гулко отдаются шаги. Скрипят половицы. Еще в детстве любила она прятаться в этом доме, прислушиваясь к его

голосам—и вдруг, вздрогнув, выбежать вон, от неожиданного испуга.

Вот ей послышались: необычные, слишком живые для этого дома звуки. Остановилась—и вдруг, как и в детстве, вскрикнула, испугавшись, и бросилась быстро бежать через парк, в рощу.

Ей показалось: кто-то ходит по старому дому, тихо крадется—ей показалось—мелькнула полоска света за дверью и вдруг погасла...

На крик отозвались собаки. В сарае за домом услышали крики и лай сторожа—Ефрем и Нефед.

— Подь посмотри,—сказал Нефед:—кричат будто...

— Не барин—сходишь и сам,—ответил Ефрем.

Шум продолжался. Оба вышли в парк. Тихо. Лунные пятна. Меж деревьями—белая мелькающая тень.

— Ходят...—сказал Ефрем и широко перекрестился.

— Стерегут,—подтвердил Нефед.

Они, как и вся деревня, были уверены, что старые господа, похороненные у церкви, встают по ночам и стерегут спрятанный Дмитрием клад. И потому никто не мог найти этого клада—ни мужики, ни даже приезжавшие из города «комиссары».

Все в Шокорове, а в особенности сторожа, привыкли к ночным посещениям, и, не обнаружив на

этот раз особенного испуга, они ушли в сарай, предоставив привидению бродить, сколько ему вздумается:

— Нас не тронет!

Но на этот раз явление было не из обычных. Всю ночь до рассвета слышались в старом доме шаги, мелькал огонек, тени бродили по парку. Сторожа не один раз слышали стук и шаги—но в старый дом войти не решались.

Испуганная прибежала Ариадна домой. Зажгла керосиновую коптилку, разыскала припрятанные от обысков письма и дневники, пересматривала их, вспоминая всю жизнь—как это бывает в минуты особенно острого беспокойства.

Легкий стук в окно прервал ее мысли. Она потушила огонь и прислушалась. Стук повторился.

— Кто там?—испугалась своего голоса, спрятала письма на грудь. Потом подошла к окну. В окно, прильнувши к стеклу, смотрело чье-то лицо. Ариадна вскрикнула, опустила руки и не могла проговорить ни слова.

Утром разнеслось по Шокорову, что в усадьбу этой ночью приходили «господа» и долго бродили по дому. Эти слухи дошли до мужичка, привезшего мистера Бриджа,—и его сразу же осенило:

— Он и есть!

И клялся, описывая мистера Бриджа, его шляпу, его костюм, его трубку,—что это не кто иной, как один из «господ».

— И ведь ни слова не говорил всю дорогу! Под'ехали к роще—гляжу—нет! С нами крестная сила! Вот, думаю, кого привез! То-то лошадь всю дорогу косилась!

— Животная чувствует... Да что ж ты его, Кузьма, в совет не предоставил?

— Покойника-то? Экося! Я ж тебе говорю: обернулся и нет!

Мог ли мистер Бридж предполагать, что он будет невольной причиной подобных разговоров? Знал ли почтенный представитель «Джемс Уайт Компани Лимитед», что его эксцентричная выходка—прогуляться за десять верст вместо того, чтобы спокойно ждать на станции следующего поезда, будет иметь в этой варварской стране такие чудовищно нелепые последствия?

Мистер Бридж—где бы он ни был—в Шокорове, на станции или в международном вагоне поезда, идущего на Москву—одинаково не мог ничего знать и слышать, так как он не понимал по-русски.

4. КРИВОЙ ПЕРЕУЛОК

В расстоянии не более пяти минут ходьбы от вокзала, в Кривом переулке, стоит небольшой

двухэтажный дом, построенный, может быть, сто лет назад,—так архаически выглядит он и столь заметны в нем глазу несомненные признаки разрушения: осыпавшаяся штукатурка, обнажившая черные бревна, прокопченные стекла, сквозь которые с успехом можно бы наблюдать солнечное затмение, если бы солнце заглядывало когда в переулок—и эти стекла местами разбиты, местами заменены почерневшей от дыма фанерой, парадные двери, уже и вовсе не сохранившие стекол,—настежь раскрыты. Этот дом заслуженно пользуется недоброй славой как убежище лиц, коих профессия не значится ни в одной профессиональной карте, но зато тем более отмечена уголовным кодексом.

Дом этот некогда куплен был фирмой «Братья Вахрушины» и оставлен на попечение дворника,—а когда старший из братьев—Петр—выселен был из особняка на Арбате,—пришел черед и для этого дома. Петр поселился в нем, познакомился с жильцами, которые называли его по-прежнему «хозяином», и оказывал им, пользуясь некоторыми связями, некоторые услуги в таких делах, которые карались существовавшим тогда законодательством, а затем торговый дом «Братья Вахрушины» возобновил существование в форме единоличного предприятия—специальностью его была покупка и продажа предметов, не помнящих имени прежнего своего владельца.

В тот день, которым мы начинаем рассказ, прилично одетый молодой человек, лицо которого носило явные признаки полумонгольского происхождения, постучался в квартиру «хозяина». В руках у него был небольшой чемодан.

— Кто там?—Послышался лязг открываемой цепочки, и раскрытая наполовину дверь впустила молодого человека в полутемную прихожую.

Не в меру высокий, худощавый и совершенно прямой старик, с выцветшим, как у старого чиновника лицом, неприятливо встретил молодого человека:

— Ты, Иван? Был там?

— Там...—молодой человек отрицательно качнул головой.

— А что же? Где же ты был?

— Насилу с вокзала выбрался... До вечера проваландался с этой облавой...

— Что? Какая облава?

— Какой-то атаман Скиба... Утек, что ли... Так-то его и найдут! А вот я по пути эту штуку захватил,—добавил он, показывая на чемодан.

— Оставь—завтра зайдешь...

— Деньжонок бы...

Старик вынул засаленный бумажник, долго отсчитывал деньги и, глубоко вздохнув, подал их молодому человеку.

— Маловато...

Снова захлопнулась дверь.

— Ишь старый чорт... Жила...—бормотал Иван, спускаясь с лестницы:—Дальше передней не пустит! «Хозяин»!..

Старик поднял чемодан и, сгибаясь под тяжестью, бережно перетащил его в соседнюю комнату, очень просторную, но с низким закопченным потолком. Железная печка. Стол. На столе — кусок колбасы, хлеб и селедка. От окна отделилась черная тень.

— По делу? Ушли?..

— Свои,—нехотя успокоил старик.—Да тебе лучше бы уйти, Василий.

— Мне? Уйти? Мне? Ты меня гонишь? Чтобы Василий Вахрушин—миллионер!—Василий Вахрушин, единственный наследник торгового дома «Братья Вахрушины», ночевал на бульваре.

Тень приблизилась к старику. Теперь можно было рассмотреть тридцатипятилетнего мужчину, такого же высокого и такого же прямого, как старик, с черной курчавой бородой, делавшей его похожим на легендарного разбойника. Он распахнул рваную солдатскую шинель:

— Мне уйти? В таком виде?

Вид его одежды, действительно, не мог удовлетворить самый неприхотливый вкус: под рваной шинелью—синяя рваная же рубаха, посконные штаны и на ногах какие-то ошметки.

Старик начал быстро ходить из угла в угол.

— Ты понимаешь, я тебе не смогу помочь... И при том—старик покосился на дверь—каждую минуту... Я и сегодня жду... До восьми так и быть подожди...

Василий обрадовался даже этой ничтожной отсрочке. Он присел к столу и, отламывая огромные куски хлеба, принялся доедать лежавший на столе ужин.

Старик занялся чемоданом. Аккуратно вынимал он вещь за вещь, перетряхивал и откладывал в сторону. Это были: аккуратно сложенный костюм, шляпа, три смены белья, несессер, наконец, портфель.

— Ага!—прошептал старик, нащупывая бумаги,—но тотчас же разочарованно сморщился и бросил их на стол.

Василий мельком взглянул на бумаги.

— Джемс Уайт? Старые связи?

Старик продолжал работу.

— Джемс Уайт! Переписываешься с иностранными фирмами? А еще рассказываешь сказки, что тебе плохо живется!

Старик поднял голову, недоумевающе глядя на Василия.

— Это бумажки от Джемс Уайт... Как же—хорошо помню! Наши лондонские корреспонденты... Показывай, что прислали тебе английские друзья...

Старик не понимал, в чем дело.

Василий поднял с пола костюм, сверток белья— и на его лице появилась довольная улыбка.

— Я могу уйти от дорогого дядюшки одетым с иголки!

Дядя зло покосился:

— Не смеешь! Отдай!

— Отдать! А если за горло?

Старик позеленел от злости.

— Я пошутил, пошутил, мой добрейший дядюшка! Вот что: я покупаю у тебя это добро! Идет?

Выцветшее лицо дяди выразило недоверие.

— Покупаю!—закричал Василий.—У меня ничего нет? Ты хочешь сказать, что у меня ничего нет?

Василий презрительно взглянул в бесстрастное опять лицо старика.

— Не веришь? Вексель! Я даю тебе вексель за подписью Василия Вахрушина! Это имя еще что-нибудь значит! Я докажу! Мы, Вахрушины, не привыкли бросать слово на ветер!

Последние слова произвели на старика приятное впечатление, и Василий поспешил воспользоваться этим:

— Я даю тебе честное купеческое слово! Слово полноправного члена нашей фирмы!

Все, что касалось чести давно несуществующей фирмы, производило большое впечатление на ни-

шего представителя этой фирмы. Василий уже примерял оказавшийся как нельзя более впору костюм.

— Надо умыться! Есть у тебя ванна, дядя? Так давай ведро! Василий Вахрушин принимает человеческий вид. Ты не радуешься, дядя?

«Обманет?—думал старик,—нет, он не такой человек... Может быть, через него и мне улыбнется счастье?»

Он осмотрел комнату и на этот раз был недоволен результатом.

— Так ли мы жили!..

— И еще как заживем! Погоди!—подтверждал его мысли Василий, соскребавший со щек последние остатки бороды и усов. Только теперь стал заметен выдавшийся вперед энергичный подбородок, широкие скулы.

— Заживем!

Через полчаса нельзя было узнать Василия в этом изящно одетом иностранце—да, иностранце, ибо костюм его явно обнаруживал свое нерусское происхождение.

— А эти бумажки я себе возьму... Пригодятся... Уж не задумал ли ты, старик, уехать за границу? Что же пишут твои друзья? Почитаем, почитаем...

— Восемь часов,—напомнил старик.

— Ты думаешь, я останусь в твоей конуре? Конечно! Сколько ты просишь за это добро? До-

рого, дядя, дорогого! Уступи по своей цене... Сколько скинешь, если завтра же принесу деньги?

В дверь настойчиво постучали.

— Обыск! Я говорил...

Старик медленно подошел к двери и впустил в комнату милиционера.

Милиционер тотчас же подошел к Василию:

— Документ!

— All right!—сквозь зубы ответил Василий и пред'явил бумаги.

— Иностранец?—недоверчиво спросил тот, оглядывая Василия.

— От фирмы Джемс Уайт...—заторопился старик.—Наши старинные друзья,—добавил он, гордо подняв голову.

Милиционер еще раз посмотрел на непонятные буквы и штемпеля, но видимо удовлетворился объяснением: прежнее положение старика было так же хорошо известно милиции, как и теперешний род занятий.

— Извините... Иначе не можем,—сконфуженно произнес милиционер, обращаясь к Василию.

Василий сделал вид, что ничего не понял, и только из вежливости ответил:

— Yes!

5. ГРАЖДАНИН БРОЙДЕ

Недавно—оборванец, пробиравшийся от вокзала в Кривой переулок, тщательно избегая мили-

цейских постов—теперь элегантный иностранец, который идет пешком ради пристрастия к мощиону,—Василий Вахрушин в десять часов был уже в центре города в квартире Якова Семеновича Бройде.

Новая гостиная, новые обои, блестящий окрашенный масляной краской потолок и такой же блестящий, заново оструганный паркет, новая, пахнущая лаком и краской мебель. И среди этой пахнущей лаком и краской мебели встретил нашего иностранца свежий, пахнущий лаком и краской человечек—сам Яков Семенович Бройде.

— Это моя супруга... Вы не знакомы с моей супругой...

Яков Семенович указал на свежую декоративную даму с бриллиантами: в ушах, в волосах, на груди.

Но свежая краска и лак, и свежая декоративная дама не произвели на иностранца должного впечатления. С преувеличенной вежливостью подал он руку даме и сел, не дожидаясь приглашения, в кресло:

— Так-то, господин Бройде... Господин Яков Семенович Бройде,—говорил он, оглядывая блестящий пол, блестящий потолок, увешанные золотыми рамами стены.

Яков Семенович смущенно, но вместе с тем гордо улыбался.

— Я вас угощу сигарами,—сказал он, стараясь скрыть смущение и некоторое, может быть, беспокойство; в самом деле—откуда и зачем пожаловал к нему этот, считавшийся давным-давно умершим, человек? Что ему надо от Якова Семеновича Бройде?

— Попробуйте мои сигары... Это что-нибудь особенное...

— Вы из Крыма?—спросила декоративная дама и глубоко вздохнула.— Теперь так хорошо в Крыму...

— Да, погода отличная,—ответил иностранец и подмигнул Бройде.

Бройде понял.

— Фаня, будь добра, распорядись с ужином... Мы имеем деловой разговор...

— Сколько вы дали за эту даму,—в тон Якову Семеновичу спросил иностранец, когда дама ушла.—Ведь это что-нибудь особенное.

— О,—ответчал Бройде, сделав вид, что он оценил шутку:—она мне очень дорого стоит!

Иностранец подошел к Бройде и, положив тяжелые руки на худенькие плечи Якова Семеновича, взглянул прямо в глаза. Бройде еще более уменьшился, глаза забегали по-мышинному, нос заметно вытянулся. Видимо, довольный оказанным впечатлением, иностранец хлопнул ладонью по столу и сказал:

— Есть дело, господин Бройде!

Бройде оживился:

— Разве я могу видеть Василия Дмитриевича без никакого дела?..

Будучи в свое время маленьким, даже очень маленьким человеком в огромном деле «Братья Вахрушины»—Яков Семенович чувствовал перед Василием некоторую робость: меньше всего по старой привычке, как перед хозяином, немного больше—как перед обладателем очень тяжелых кулаков, и, больше всего, как перед человеком, который может, как—этого Бройде ясно не представлял, но как-то выдать его, Бройде, испортить ему всю карьеру. Такую, наполовину беспричинную робость ощущаем мы перед самым ничтожным человеком, который, может быть, тонким прищуром глаз покажет нам:

— Я тебя понимаю...

Это последнее чувство и создавало некоторую напряженность, из которой разговор о делах мог явиться единственным выходом, ибо только в делах оставляла Якова Семеновича робость—в делах, на которых он, по его собственному выражению, с'ел восемьдесят три собаки!

— Дело! Вы знали, к кому пришли, если у вас есть хорошее дело! Это что?—прибавил Бройде, поднимая пустой кулак,—воздух? Так не будь я

Бройде, если так оберну, что он будет носить золотые яйца!

— Вот, вот, вот!—подхватил Василий.

Но мы не будем подслушивать деловой разговор. Мало ли что и мало ли о чем говорят меж собой деловые люди! Только они—за полчаса, за час могут на словах наделать таких дел, что ни один кодекс в мире не найдет для этих дел достойной квалификации. Ни один—даже с сильно развитым воображением—человек не сможет представить наяву те фантастические планы, кои развивают наедине сильно увлекшиеся деловые люди!

И что же? планы эти часто претворяются в жизнь и при том превосходят самые фантастические предположения!

При этом деловой разговор имеет свои законы: он ведётся деловым же шопотом, так что можно расслышать только не значащие ничего фразы, вроде:

— О, это гешефт!

— Нагреешь руки!

— Это, понимаете ли, фирма!

— Старинная фирма...

— По старой памяти обращаюсь к вам... Знаю за честного коммерсанта!

— Честный? Это вы мало говорите—честный! Яков Бройде дурак—вот до чего честный человек Яков Бройде!

— И мне самому—ничего!—добавил Василий тоном короля, отдающего полцарства.—Мне только бы добраться до заграницы... Старик? Старика недурно и здесь... Он получит свое, старик... А меня здесь...

Гражданин Бройде поежился, словно от неожиданного холода, и сделал жест, как бы отсчитывая мелкую монету.

— Вот именно,—подтвердил Василий.

И, встав во весь рост:

— Старик хочет в Англию! Ты бы только посмотрел на него!—Василий не заметил, как во время разговора перешел на ты,—краденым торгует. Позор!

— Ай-ай-ай!

— Только помни, что я не говорю по-русски,—прошептал он, заслышав шаги декоративной дамы, приглашавшей к ужину.

После ужина Бройде звонил по телефону.

— В час... Ша-нуар... Почему фунты? Вы и не думайте, что фунты...

И, положив трубку:

— Гендельман... Вы бы только посмотрели... Какой человек! Знаком пять языков!

И с восхищением прибавил:

— Аристократ!..

— Значит, в час... А мне надо устроиться... Могу я открыть у вас текущий счет?..

Бройде засуетился:

—Сейчас, сейчас...

Извозчик отвез новоиспеченного иностранца в гостиницу. Василий со вкусом расположился в отведенном ему номере, приняв, несмотря на незнание русского языка, самый повелительный тон в отношении прислуги и необычайную щедрость.

Контора гостиницы тотчас же получила записку с обозначением имени приезжего. На ней значилось:

«Мистер Роберт Бридж, представитель торгового дома «Джемс Уайт Компани Лимитед».

6. КАФЕ ША-НУАР

В час ночи за отдельным столиком кафе Шануар, в уголку, под пальмой сидели: новоиспеченный мистер Бридж и Яков Семенович Бройде.

— Отчего он запаздывает?—возмутился Бройде.—Это совсем не походит на него!

Они выпили по две чашки кофе, но Гендельман не являлся: ждали именно Гендельмана.

— Он не свободен ни в одной минуте,—объяснил Бройде,—но если он сказал притти—он да придет!

Василий рад бы и вовсе не ждать Гендельмана: полусонными глазами обводил он кафе и даже—но только на секунду—переходил время от времени

в такое состояние, когда видишь сны, сознавая себя бодрствующим. Воздух общественных мест, а в особенности обстановка таких учреждений, как кафе Ша-нуар, сильно способствуют подобному переходу. Непрерывный негромкий, монотонный, напоминающий жужжанье шум, изредка прерываемый только звоном стекла и отрывистым приказанием: «Чашка кофе!», стоял в кафе Ша-нуар.

Посетители этого кафе мало чем отличались от посетителей прочих московских кафе, где имеют обыкновение собираться деловые люди, но для Василия, давно не видевшего этой публики, и они представляли интерес.

Прежде всего коммерсанты: коммерсанты солидные с начисто выбритыми подбородками—и их дамы, украшенные преувеличенным количеством бриллиантов, словно бы вынесенных на продажу,—потом коммерсанты менее солидные, вращающиеся вокруг солидных коммерсантов и их дам—у этих подбородки выбриты два дня тому назад—и, наконец, совсем не солидные коммерсанты, бритые неделю тому назад и потому имеющие на щеках порядочную щетину: эти вращаются вокруг менее солидных коммерсантов. Словом—каждый столик кафе Ша-нуар представлял точное подобие коперниковой системы вселенной,

вплоть до комет, роль коих выполняют спующие
взад и вперед между столиками официанты.

И только за одним столиком—под такую же
пальмой, как и та, в тени коей спрятались наши
знакомцы, и неподалеку от столика наших знаком-
цев, расположились необычные для кафе Ша-нуар
посетители, повидимому—не имевшие в этом кафе
никаких дел, кроме ужина,—этот ужин уничтожа-
ли они, почти не прерывая занятия приличным
для делового кафе разговором.

В описанной выше мировой системе посетители
эти являлись чем-то вроде туманностей, на кото-
рую испытующе смотрят астрономы: что ты есть
и зачем ты тревожишь нашу мысль своим бес-
системным существованием?

Можно было рассмотреть только широкую
спину одного незнакомца, его серый не первой
свежести пиджак, лоснящийся на локтях, и чер-
ную лохматую шевелюру другого незнакомца.

Заметив их, Василий опять погрузился в полу-
сон—пока не услышал негромко сказанных за та-
инственным столиком слов:

— Атаман Скиба? Я что-то не слышал...

— Как не слышали? А у нас на юге это, знае-
те ли, фигура!

— Что ж он—бежал?

— Разбили, говорят, а он скрылся...

Опять незнакомцы торопятся с'есть поданное им блюдо—опять молчание. Но Василий внимательно слушает.

— Скиба! Вот уж кого я помню, так атамана Скибу! Я по его милости без ноги...

— Вот как? Да ты бы рассказал... Встретились—и молчок,—говорил добродушный и звучащий некоторой усмешкой голос.—Мы года два не встречались...

— Да что говорить... Сам видишь,—ответил другой.—А вот атамана Скибу я не забуду!

Рассказчик рассмеялся неприятным жиденьким смешком.

— Ты не думай, что веселая встреча! Я первый раз так засмеялся после того, как познакомился с атаманом...

И после некоторого молчания добавил:

— Вы видели человека, который был расстрелян? Нет? Так вы его видите перед собой!

Опять молчание.

«—Я тебе расскажу... Два года тому назад... Уходили добровольцы. Ты помнишь, как они уходили—раньше чем наши войска заняли город, их не осталось ни одного. Начались погромы. Мы взяли винтовки, составили отряд. Пристань была в их руках. Мы поставили пулеметы и двинулись к пристани.

«Я попадаю в передовую линию—нам удалось отрезать часть офицеров; что тут собственно было—я не знаю. Помню чьи-то крики, кто-то просил у меня пощады—и больше ничего. Очнулся я только в лазарете и спрашиваю у сестры:

«— Ну, что?—я боялся спросить более определенно.

«— Красные в городе.

«Я узнал, что ранен при занятии порта. На утро я чувствовал себя лучше—мог вставать с постели и, хотя с трудом, мог ходить. И вот ночью—слышу,—беготня, крик. Я поднял голову, что-то сказал. А над моей головой:

«— Тащи и этого!

«Вы знаете, что я не мог ходить. Два дюжих молодца подтолкнули меня в спину:

«— Не притворяйся! Сволочь!

«Все так быстро—я уже в шинели, но без сапог. Мороз. Ветер. Темно. Я сейчас не могу объяснить, как я мог вынести—но шел без посторонней помощи—иначе тут же прикончили бы. Пихнули в темный чулан:

«— Жди тут!

«Я на кого-то наткнулся. Оказалось—еще несколько человек. Один мне тихонько:

«— Вы не знаете в чем дело, товарищ?..

«Я ничего не знал. Да.

«Сколько сидели в чулане не помню. Вводят в комнату. Посредине большой стол, за столом высокий офицер с багровым скуластым лицом. На столе бутылки. Офицер наливает стакан за стаканом и пьет. Гляжу на лицо—и нельзя сказать, чтобы зверское. Веселое лицо, пьяное, да... Я даже обрадовался—ну, думаю, вывернусь! К нему подводят одного, другого—он всем одинаково:

«— Проходи!—а за спиной что-то показывает. Одних выводят в одну дверь, других в другую... И я подошел. Меня лихорадить начало—больной все-таки.

«— Это что за развалина?—пошутил офицер:— раненый?

«Я тоже стараюсь под него, в шутку:

«— Так точно, ваше высокоблагородие!

«Хотел ихним прикинуться—жизнь-то дороже. Да. Он улыбнулся:

«— Проходи!

«Ну, думаю—спася. Не тут-то было—вернули опять. Он внимательно так на меня смотрит, уставился. Я молчу—и он молчит, только смотрит. Так смотрит—даже у меня в глазах помутилось. Потом резко так:

«— Проходи!

«Опять меня в чулан—там только трое. Куда же теперь, думаю. Приходят:

«— Идем!

«— Куда?

«— Молчать, сволочь!—и прикладом.

«А другой:

«— Куда идешь, оттуда не вернешься!

«Я чувствую, что дрожу весь и ноги не двигаются. Холодно. Ветер. А я без сапог,—это, может, спасло меня... Вывели на площадь:

«— Становись!

«Ну, если ты хочешь знать, что я чувствовал—то не могу сказать. Просто, ну, как на ученьи—становись—и встал. Промчались два кавалериста—мимо нас. Выстрел. Кто-то мне шепчет: «прощай».

«— Не разговаривать!

«Мелькнул свет—и потом не помню. Очнулся—лежу на снегу. Голоса:

«— Снимай сапоги-то!

«— У него и сапог нет...

«— Даром работали! Сволочь!—и толкнул меня ногой. Может быть, я пошевелился, может быть, застонал—не помню. Опять крик:

«— Прикончи.

«Я почувствовал—что-то входит в тело. Стало легко.

«— Идем...

«Минут десять я лежал в снегу. Я боялся пошевелиться. Они были далеко—а я боялся встать: вдруг не смогу—я сознаю всё так ясно... Пошевелил ногой—двигается... Рукой... Медленно при-

поднялся. Рядом три трупа. Послушал: мертвые. Опять голоса. Я опять лежу. Потом встал и пошел. Все было холодно, а теперь тепло стало. Иду—не знаю куда. Метель. Ноги тяжелые—это снег налип на ноги и замерз с кровью. Боли я не чувствовал никакой и не знал, что это моя кровь. Вдруг:

«— Кто идет?

«Надо было не дрогнуть. Надо было не выдать себя. Я уже вижу вскинутую винтовку:

«— Свой!

«Очнулся я в лазарете. У меня отнята нога, на руке нет трех пальцев—отморозил. Глаз поврежден—не знаю, как и чем... Мне потом об'яснили, что я наткнулся на свой патруль, и что город был занят атаманом Скибой...»

Молчание. Василий заказывает еще стакан кофе и прислушивается.

— Ну, а если бы вы... Ну, встретили этого атамана...

Голос задрожал:

— Его... Я... Не знаю...

Опять продолжительное молчание. Василий погрузился в полудремоту, вскинул глазами: «может быть, сон?» — Пойдемте, — обратился он к Бройде.—Он не придет!

— Что вы говорите, не придет!.. Гендельман не придет! А вы, я вижу, хорошенько заснули...

«Сон?» Василий посмотрел в сторону, откуда он слышал разговор—да, там сидят двое. Говорят шопотом. Ничего не слышно.

— Знакомьтесь—Гендельман...

За таинственным столиком посетители расплачивались. Василий заметил два лица: одно—широкое, с добродушной полуиронической улыбкой, другое—бородатое, с белым, как бы вывернутым наизнанку глазом. Этот глаз неподвижно уставился в сторону Василия.

Василий хотел отвернуться, но не мог. Их глаза на минуту или, может быть, на секунду встретились.

— Поскорее кончим дела,—весело сказал Василий,—а то я засыпаю и вижу сны наяву...

7. ШОКОРОВСКИЕ РАЗГОВОРЫ

К вечеру другого, вслед за приездом мистера Бриджа, дня у крайней избы, в том конце, что за церковью, сидел на завалинке парень в белой рубахе с вышитым воротом и в русских сапогах. Широкий приплюснутый нос. Мы видели уже этого парня в другом месте и в другом наряде.

— Это ты, Кузьма?—крикнул он, заметив издали мужичка, в котором каждый узнает словоохотливого возницу мистера Бриджа.

— Кого бог послал? Да это никак Иван? Вот кого и не ждал... Что в избу не заходишь?

— Я по делу...

— По делу? Ну, все равно пойдем—гостем будешь... Дело не зверь... Не невесту ли выбирать приехал?

— На кой она мне, невеста! Я тебе дело скажу—только смотри—молчок! Ты хорошо знаешь усадьбу?

— Как не знать! Да я с комиссарами там семь ден шарил!

— Ты бы меня ночью проводил туда?..

— Проводить? Ночью?

— Ну да проводить...

Кузьма задумался:

— Оно, отчего же... Только вот что говорят: нечисто там...

— А ты что—сапоги замарать боишься? Так лапти обуй...

— Не про то... Ты послушай, что по деревне говорят!

Прятели прошли в избу и уселись ужинать.

На деревне разговоры действительно не прекращались. Сам Кузьма отчасти был виноват, по крайней мере на его словах укрепился и твердо держался слух о приезде «барина»—но сам он вряд ли в этом сознался бы. Если б спросили его, точно ли видел он то, о чем утром всем и каждо-

му рассказывал, он бы ответил: «говорят, что так»—для него его собственные, но прошедшие через пять уст слова становятся тем сложным и малоисследованным явлением, которое определяется словом «говорят» или еще таинственнее—«поговаривают». Это так же безлично, как «светает» или «смеркается», и относится к тем же, совершающимся помимо воли человека, явлениям, возникающим за спиной дневного и всем понятного смысла.

— Говорят...

Шопотом передавалось в Шокорове от избы к избе:

— Барин приехал...

— Ну?

— Вот те крест... В старом доме живет... Днем спит, а ночью по земле ходит... Ефрем говорил: стоит будто и руку у лба держит...

— Вспоминает!

— Вспомнишь тут, коль ни кола не оставили... Что мужики, что арендатель...

— А его не заберут?

— Заберут! Силы не имеют—вот что! Они его хватать—он меж пальцами проходит... Они с ружьем—он пулю отведет...

— Невидимый?..

— Хлебом-солью встретить требуется... Вот как...

— В совет обсказать... Они его...

— Руки у них короткие, у совета!

Поговаривали о человеке в широкой шляпе, который будто бы дал зарок слова единого не вымолвить, пока не «объявится». Что собственно «объявится»—неизвестно, но ясно, что как только «объявится», так и «вину воля будет»... На это возражали, что вино, дескать, вином, а вот землю придется вернуть или отбывать за нее барщину семь годов и сем ден и все это потому будто, что бога забыли, а без бога разве можно?

— Нешто возможно без бога!

Многим, а в особенности бабам, стало чудиться: видели словно этого человека у кладбища, будто присел он на могилку Степана Тимофеева и будто плакал, а как подошли—он так и рассыпался снопом огненным... Появлялось и в других местах—то же самое приведение: но оно никогда не допускало ни видеть свое лицо, ни прикоснуться. Лица оно не кажет, так как на лице «знак», а прикоснуться нельзя, потому что «дух»,—тела не имеет. Бродит же эта неприкаянная душа потому, что она «дому ищет»—и только требуется ее присыпать землей и перекрестить—как она навеки успокоится.

— Как же иначе? Вот они затем и явились.

Известие о том, что шоковровский барин явился за землей и крестом, тотчас же дошло до совета,

ибо и в совете втихомолку поговаривали о том же...

— Нечего болтать,—сказал секретарь волсовета, которого на деревне звали не иначе, как Митька.— Это, говорит, антирелигиозные предрассудки...

И вызвали в совет главных виновников—сторожей Ефрема и Нефеда:

— Вы чего, такие-сякие, болтаеге!

— Мы,—говорят,—ничего такого... Спали и спали всю ночь...

— Вы бы не спали, коли сторожить поставлены. А правда ли, что по дому кто-то ходит?

— Ходят!—в один голос ответили они:—Ходит Степан Тимофеев со сродственниками и стережет...

— Чего же им стеречь, коли ничего не осталось?

— Известно что—клад!

И добавили, что клад тот заклят тройным заклятием и может его найти только такой человек, который от всего своего рода отречется, но никто не знает, как отречься,—ибо троекратное даже «отрекаюсь» не имело никакого действия...

Ефрему и Нефеду на это ответили:

— Никаких привидений и покойников быть не может, а если кто и ходит по ночам, то, значит, недобрые люди,—и приказали сторожам не спать

всю ночь, а чтобы страшно не было, дали им по винтовке: как заметят—хватать, а заартачится—пали и больше никаких!

А чтобы дело еще крепче было, секретарь припугнул:

— Я сам приду, посмотрю, как вы сторожите! Такие-то дела творились в Шокорове.

Но наши герои за ужином и деловым разговором знать не могли об установлении охраны, и мирно улеглись спать, так как ночью им предстояло опасное дело.

8. КЛАДОИСКАТЕЛИ

В половине одиннадцатого ночи две тени быстро скользили по парку, стараясь не шуметь и придерживаясь наиболее темных мест. Впереди шел Иван уверенно, бодро, как будто не ему показывали дорогу, а он вел своего дрожавшего от страха спутника, который время от времени крестился и тихо шептал:

— Свят, свят, свят!

В дальнем углу парка тени остановились.

— Тут,—сказал Кузьма.

— Где?

Они стояли у неглубокой ямы, когда-то служившей колодцем, но ныне осыпавшейся и обросшей травой. Яма была огорожена на всякий

случай, чтобы человек ли, скотина ли не сломали себе ноги.

— Лезем,—распорядился Иван.

Кузьма перекрестился и прыгнул в яму.

— Ишь ты, какая мышеловка! Щупай давай...
Дерево? Вынимай топор... Доска?

Зажгли спичку: за тонким слоем земли виднелся полугнилой колодезный сруб.

— Наврали!

— Ну, брат... Наврали!..

Полчаса провозились в колодце, пока, наконец, под одним из бревен не отыскали узкий, только пролезть человеку, проход.

— Видал? Теперь он у нас в руках!

— Не дастся!

— Полежай, полежай... Нечего тут...

Кузьма полез первым. Проход сначала узкий, все более и более расширялся. Кое-где осыпавшаяся земля перегораживала путь: разгребали руками. Потом проход стал так широк, что можно было встать во весь рост.

— Тутося?—прошептал Кузьма и вдруг дернул Ивана за руку:

— Стой... Не шевелись...

Впереди слышался шорох, как будто чьи-то шаги по осыпавшейся мягкой земле.

— Мыши?

— Нишкни...

Опять прислушались: явно шаги. Совсем близко. Кто-то дышит—в тишине подземелья казалось, что дышат рядом—над самым ухом...

— Они...—прошептал Кузьма. И как ни храбрился Иван, это дыхание в таком месте, куда не мог забраться ни один человек, сильно тревожило и его.

— Я тебе говорю: они,—беззвучно шептал Кузьма.

Мелькнул легкий свет—мелькнул и погас. Так же быстро—вырисовалась и исчезла смутная человеческая фигура. Кузьма уверял потом, что он слышал глухой подземный голос:

— Кто здесь!

Потом рассказывал он, что при блеске, «будто от молоньи», видел он человека в нахлобученной на лицо шляпе—далее следовало точное описание шокоровского привидения—будто бы это привидение стояло у большого железного ящика, что-то вынимало из ящика и запрятывало в свои широченные карманы.

Но все это рассказывал он на другой день, на самом же деле он видел только темную человеческую фигуру и закричал при виде этой фигуры:

— Свят, свят, свят!

И оба они бросились вон, и побежали, не соблюдая необходимой в таких случаях осторожности.

— Держи их, держи!—слышался сзади глухой подземный голос.

Шокоровские сторожа действительно не заснули в эту ночь, и бродили по парку под охраной висевших за плечами винтовок. Слышали они будто бы шум в старом доме и видели будто бы свет в одном из нижних окон—но в дом не вошли.

— Ежели человек, то он как вошел, так и выйдет, а мы его и на воле поймаем, а ежели...

И верно: не прошло получаса, как слышался треск сухих сучьев и чьи-то быстро мелькающие тени пробежали между деревьями.

— Держи их, держи!

Ефрем наугад выпалил из винтовки.

Кто-то упал. Сторожа проволочили упавшего человека в сарай. В сарае зажгли коптилку.

— Ну и привидение,—сказал Нефед, разглядывая тщедушного мужиченку с рыжей, клином бородкой,—ну и привидение... Да никак это ты, Кузьма?

--- Так и есть Кузьма! С нами крестная сила!

Утром Кузьма был доставлен в совет, и допрос выяснил, что Кузьму «нелегкая занесла», что будто бы пошел он с верным человеком клад искать.

а верный человек оборотился чортом, и клад ему, Кузьме, в руки не дался. Несмотря на страх перед нечистым, Кузьма не хотел выдавать свой секрет, полагая причиной неудачи неправильное время—надо было итти после петухов, когда, как известно, нечистый над человеком власти не имеет. И потому он сказал, что искал будто бы клад в старом доме и видел будто бы тень молодого барина—далее следовало обычное описание привидения. Кузьму оставили в покое, заперев предварительно в холодную,—а сами стали обсуждать создавшееся положение.

Привидение надо было немедленно поймать—тем более, что приметы его были всем известны,—но насчет клада единодушия не было. Одни полагали, что клад—пустая выдумка, другие, опираясь на народную молву, считали его существование вполне возможным и полагали, что если Кузьму припугнуть, он расскажет,—не даром он связался с нечистым.

Припугнуть выпало на долю Митьке, который так ловко сумел вооружить сторожей,—и на него же возложена была обязанность раскрыть и всю эту чудеснейшую историю.

Кузьма за это время успел успокоиться—и обдумывал новую историю о том, как очутился он в ночное время на усадьбе,—но обдумать этой новой истории не успел. Явился Митька:

— Или,—говорит,—ты все расскажешь, или тебе крышка! А потому говори правду: куда спрятал клад?

Пришлось сказать, что клад спрятал не он, а покойник,—и рассказать ту историю, которая нами изложена выше. Отыскана была и яма и проход в меру пролезть человеку, дошли до места, где можно встать во весь рост, видели наполовину засыпанные землей следы, но не нашли ни привидения, ни железного ящика, о котором рассказывал Кузьма. Кузьма тут же сознался, что железного ящика могло и не быть.

Стало ясно, что клад был кем-то украден. Но так как клад этот, как и все оставшееся от бежавшей буржуазии имущество, являлся по закону собственностью государства, то покража его признана была преступлением, нанесшим ущерб интересам республики. Оставить такое дело без расследования было даже преступно, а за отсутствием поблизости следователей пришлось взяться за это дело самому исполкому. И первым долгом заявили, конечно, к Ариадне.

Как прожила Ариадна эти тревожные дни? Мы оставили ее с глазу на глаз с привидением—конечно, не могла не слышать она, что говорили по деревне, и даже, может быть, слышала и шум в парке и выстрел,—но почему-то все эти события не произвели на нее особенного впечатления.

Даже наоборот,—она была в эти дни в возбужденном, даже радостном настроении, она пела, смеялась, весело работала в огороде. Она стала больше прежнего бродить по роще и парку, она заходила даже в старый дом, не обращая внимания на слухи о привидениях—и уходила оттуда не испуганная, а даже радостная. Когда пришли к ней за справками, она отвечала, что все это ее не касается, а если кому надо что узнать о семье Вахрушиных, могут обратиться к Петру Степанычу, а где он живет, на селе каждому известно.

Не добившись здесь ничего, опросили всех, кто видел когда-либо привидение или человека, напоминающего это привидение—и таким образом добрались до станции.

В конторе дежурного агента тот же человек во френче сразу узнал в описываемом привидении англичанина, которого обокрали на станции:

— Где вы раньше-то были! Он только сегодня уехал!

— Что ж вы его...

— А я почему знал, что он привидение! Головы! Делать нечего—все пути вели в город. Секретарь исполкома сказал Кузьме:

— Можешь ты узнать его, если встретишь?

— Как живой стоит!

— Ну, так поедем вместе...

9. ТОВАРИЩ ПЛОТНИКОВ

Высокий, серый, наполовину из стекла построенный дом. Между вторым и третьим этажом следы бывших когда-то здесь золотых букв—можно легко прочесть название фирмы:

г./д. «Бр. Вахрушины».

Небольшая, красная, с серпом и молотом вывеска указывает на новое наименование того же самого предприятия—и можно еще добавить—на самой двери черная дощечка содержит третье наименование, но опять-таки того же самого предприятия.

В кабинете, сохранившем от прежних владельцев небывалых размеров бюро, кожаные кресла, ковер,—за этим небывалой величины бюро сидит директор предприятия, или, вернее, объединения предприятий, родственных бывшему торговому дому «Бр. Вахрушины»,—товарищ Плотников.

На нем серый потертый пиджак, с лоснящимися локтями, вид у него серьезный и строгий: только внимательный наблюдатель усмотрит в товарище Плотникове некоторую неуверенность—в движениях, в манере сидеть: как будто бы он не дома: ему непривычен и этот кабинет, и это бюро, и эти ковры.

Когда товарищ Плотников говорит—неуверенность исчезает, но в голосе, в углах губ заметна полудобродушная, полуироническая улыбка.

— К вам иностранцы,—докладывает секретарь.

Товарищ Плотников встает. Походка у него с развальцем, ноги чуть-чуть искривлены: так ходят бывшие кавалеристы. На губах у него та же улыбка—кажется: он подойдет к посетителю, хлопнет посетителя по плечу и отпустит увесистую кавалерийскую шутку.

— Просите...

Услужливо раскрытая дверь впускает двух представителей великой британской—это заметно с первого взгляда, что именно британской—империи и их переводчика.

— Мистер Бридж,—говорит высокий иностранец, подавая руку товарищу Плотникову.

— Мистер Темпл,—говорит низенький иностранец, тоже подавая руку товарищу Плотникову.

— Очень приятно,—отвечает товарищ Плотников и вглядывается в физиономии иностранцев: губы его чуть-чуть улыбаются.

Мистер Бридж одет в широкий клетчатый сюртук и такие же панталоны; на голове у него широкополая шляпа.

Мистер Темпл имеет точно такой же сюртук и точно такую же шляпу.

И когда мистер Бридж садится в кресло по правую руку товарища Плотникова—мистер Темпл садится в кресло, но уже по левую руку товарища Плотникова. И когда мистер Бридж кладет правую ногу на левую—мистер Темпл кладет левую ногу на правую и оба дымят огромными трубками.

— Вы говорите по-русски?

— Нет, — отвечал мистер Бридж, — но у нас есть переводчик—он понимает нас с полуслова.

Переводчик повторяет фразу мистера Бриджа и добавляет:

— Даже когда мистеры ничего не говорят, я их вполне понимаю...

— Yes!—подтверждает мистер Бридж.

— Yes!—подтверждает мистер Темпл.

Товарищ Плотников чуть заметно улыбается.

Читатель мог догадаться, кто были эти столь высоко поставившие себя иностранцы: в мистере Бридже легко узнать Василия Вахрушина, в мистере Темпле—Якова Семеновича Бройде, в переводчике—Гендельмана.

Для Василия не представляло особенного удовольствия заводить деловые связи с фирмой, в коей он долгое время был наполовину хозяином. Нахлобучив как можно ниже свою шляпу, он пробрался, не поднимая лица, мимо многочисленных барышень и счетоводов, заполнявших контору

объединения. Разве не могли сохраниться служащие, хорошо знавшие его, Василия, в лицо? И сам директор?.. Почему он улыбается—от Василия не была скрыта эта легкая и чуть заметная полуулыбка. Отчего он так внимательно вглядывается? Василию хотелось прекратить как можно скорее этот опасный визит.

Товарищ Плотников заговорил:

— Вышли из борьбы... Растрепанное хозяйство...

Где Василий мог слышать этот голос? И так недавно. Вчера?..

— Но иностранный капитал... Конечно, соблюдая законы республики...

Да, конечно, только вчера... Кафе Ша-нуар... Узнал или не узнал?

— Четырнадцатый госзавод... Недалеко от Москвы...

Переводчик повторил речь товарища Плотникова.

— Yes!—говорит мистер Бридж.

— Yes!—говорит мистер Темпл.

Мистер Бридж с этими словами перекладывает левую ногу на правую—мистер Темпл перекладывает правую ногу на левую—и оба дымят огромными трубками.

— У нас выработаны общие условия... Если вы согласны...

Мистер Бридж возражал. Мистер Бридж настаивал на изменении в пользу Джемс Уайт. Джемс Уайт известны всему миру. Даже приятно вести дела с такой фирмой, как Джемс Уайт. Они ведут дела триста лет. Сто двадцать лет они торговали с Россией. Россия хорошо знает Джемс Уайт, и Джемс Уайт хорошо знает Россию.

Товарищ Плотников тоже знает о фирме Джемс Уайт и надеется восстановить старые связи. Мистер Бридж выражает надежду, что будет именно так, как хочет товарищ Плотников, но для этого необходимы некоторые уступки. Товарищ Плотников заявляет, что все льготы, предоставляемые законом иностранному капиталу, будут немедленно распространены на фирму Джемс Уайт.

— All right!—говорит мистер Бридж.

— All right!—говорит мистер Темпл.

Оба приподнимаются. Мистер Бридж выражает надежду, что завтра же будет готов проект соглашения, и завтра же он сможет осмотреть завод.

— Time is money!—говорит мистер Бридж—и улыбается товарищу Плотникову.

Товарищ Плотников вполне согласен с этой, делающей честь английскому народу, пословицей, и тоже улыбается мистеру Бриджу.

— Good bye!—говорит мистер Бридж.

— Good bye!—говорит мистер Темпл.

И подают руку товарищу Плотникову. Мистер Бридж нахлобучивает широкополую шляпу. Мистер Темпл сияет, переводчик тоже сияет. Они спускаются с лестницы.

И в этот момент вверх по лестнице взбирается человек. Он еле идет, перебрасывая через ступеньку свою, повидимому, искусственную ногу. У него черные волосы, черная растрепанная борода, один глаз неестественно блестит, впиваясь в мистера Бриджа, другой глаз не менее неестественно неподвижен.

Мистер Бридж глубже уходит в шляпу и быстро спускается с лестницы. Он не видит: белый, словно вывернутый наизнанку глаз смотрит внимательно вслед ему, мистеру Бриджу.

Автомобиль. Вот уж они далеко от стеклянного дома. Мистер Темпл доволен. Переводчик тоже доволен. Мистера Бриджа тревожит вывернутый наизнанку глаз.

— Мне можно уехать? Я вышлю вам подлинные полномочия... Я сам пайщик Джемс Уайт...

— Погодите, погодите,—удерживают его.—Такое хорошее начало.

— Но я заметил. Я могу ошибиться, но...

— Пустяки, вас никто не узнает... Завтра—и конец. Мы вас отпустим...

Человек с вывернутым глазом поднимается по лестнице, входит в кабинет товарища Плотникова. Товарищ Плотников любезен с этим человеком.

— Вы получите работу... Мы расширяем дело... Я вас отлично знаю...

Человек с вывернутым глазом интересуется гражданами, которые только-что вышли от товарища Плотникова.

— Это англичане,—отвечает товарищ Плотников и улыбается.

— Англичане? Но один меня очень интересует...

— Мистер Бридж?—догадался Плотников.

По описанию действительно: мистер Бридж.

— Но мне в равной степени подозрительна и вся компания!

10. АТАМАН СКИБА.

Из многочисленных забытых нами героев мы оставили одного в весьма неприличном для него положении: мы говорим об Иване. Мы оставили его убегающим во все лопатки от столь нестрашных врагов, как Ефрем и Нефед—сторожа шоко ровского сада—и притом он бежал напуганный каким-то несуществующим привидением, и вдобавок бросил на произвол судьбы совращенного им на это дело товарища.

— Чертовщина! Старому дураку простительно—а мне? Привидение! Да я голову даю—у этого привидения можно было нащупать кости...

Иван сжимал кулаки, представляя столь приятное занятие, как нащупывание костей у привидения.

— Только как он попал туда?

Иван шел по дороге на станцию. Уже медленный поднимался рассвет, над болотом и лесом стоял белый полупрозрачный туман, зеленело небо и веяло тонким холодком. Вот уже недалеко: семафор, протянувший вверх единственную руку. Громыкает поезд.

— Опоздал...

Следующий через пять часов. Итти на вокзал? Но Иван не любил чаще, чем надо, встречаться с некоторыми лицами, которые по долгу службы обязаны присутствовать на вокзалах. Он предпочел отдохнуть в стогу, спокойно проспал все эти пять часов, и только перед приходом поезда явился на станцию.

Он уже взял билет, он уже вышел на платформу—как заметил одинокую фигуру, спокойно прогуливающуюся по этой платформе.

— Он. Несомненно, он...

Что-то не уловимое словами подтверждало странное сходство этой прогуливающейся по платформе фигуры с той фигурой, что только на миг мелькнула в подземельи.

— Вот так штука!

Если бы Иван мог знать, какая кутерьма поднялась в Шокорове из-за этого привидения, он, может быть, не побоялся бы и подойти к нему. Но где он еще мог встречать этого человека?

Где? Да, чемодан... Иван вспомнил—но это профессиональная тайна. И чтобы странный незнакомец не узнал по каким-либо признакам его, Ивана, обычной профессии—Иван не решился подойти ближе и удовлетворился только подробным осмотром костюма: клетчатый широкий сюртук, такие же брюки. Впрочем, описание это нам так знакомо...

На вокзале Иван не видал, куда исчез незнакомец—он спешил в Кривой переулок в дом Петра Степаныча Вахрушина.

— Плохие дела, хозяин...

Старик был взволнован:

— Плохие? Ты был там? Ты сделал все, как я говорил? Ну?

— Ну и ничего,—угрюмо отвечал Иван:—раньше нашего догадались...

— Раньше нашего! Ты обманываешь, подлец! Я тебе, как сыну, доверил... А ты!

— Бог видит, не виноват, Петр Степаныч...

Старик внимательно посмотрел в глаза Ивану.

«Да.—Меня не так-то легко провести—пожалуй, он и не виноват».

Потом вслух:

— Не отпирайся! Куда ты пойдешь с такими вещами! Ты и десятой доли не выручишь! А я... Ты знаешь, что я тебе обещал...

Иван все это великолепно понимал. Он и не думал обманывать. Торопливо рассказывал все— о Кузьме, о привидении, о бегстве. Старик слушал и покачивал головой.

— Кто ж это мог быть? Василий? Василий не может знать... Никого тогда не было в Шокорове... Дмитрий?—Но он далеко... Николай? Вернее всего,—но что известно о Николае? Он, наверно, убит...

Старик и забыл, что надо отпустить Ивана. В дверь постучали.

— Кто там?

Минута нерешительности—стук еще громче. Старик посмотрел на Ивана. Иван на старика. Старик открыл дверь и, не давая ни слова сказать пришедшему:

— Are you, m-r Brice!

Василий понял, что ему надо выдавать себя за англичанина. Но Иван—Иван, увидев Василия, застыл на месте и долго пялил на него удивленные узкие глаза. Наконец, выйдя из столбняка, он оттянул старика за рукав и прошептал:

— Он... Этот самый...

— Потом... Придешь после,—тихо прошептал старик.—Иди...

— Ушел? Я тебе деньги принес, дядя...

Старика удивило: что-то новое в тоне Василия. Нет прежней заносчивости. Может быть, он виноват? Чувствует это и скрывает?

Василий небрежно отсчитывал деньги. Старик подхватывал их налету и прятал.

— Ты думал, я обману!.. Нет, Василий Вахрушин не обманет...

Откуда у него деньги? Конечно, он был там... Выпытать? Может быть, он сам сознается?

— Садись, Василий, поговорим...

Молчание.

— Ты, может быть, хочешь спросить о чем, дядя?

Опять в тоне Василия чуждая нотка. Он как бы одряхлел за этот день. Усталый тон.

Старик вытер вспотевший лоб.

— Да... Скажи мне по правде—ты был в Шокорове?

— Я? В Шокорове? Зачем? Как тебе могла притти в голову такая мысль? Не был, не буду, и завтра же я уеду... Совсем...

Конечно, он говорит правду. Да и как он мог успеть? Так кто же тогда? Кто?

— Завтра уедешь? Я не спрашиваю тебя ни о чем. Ты только скажи мне—Николай жив?

— Где брат твой, Каин? Да, это, может быть, пятно на моей совести. Тебе интересно знать? Мы

были в одном полку—ты помнишь, я уехал на юг—там нашел Николая. Армия отступала.—Мы не знали, что делать. Я прихожу к Николаю накануне. Он решил остаться в городе и явиться с повинной—всем обещали прощение.

«— Я не знаю, где настоящая Россия,—говорил он.—Но только не здесь. Мне все больше и больше начинает казаться, что настоящая Россия там—и мы убежали от нее... Да, не только убежали—мы предали... Большевики? Но я ведь хорошенько не знаю, что такое большевики... Мы видели их только в сражении...

«Так было, дядя... Я, может быть, тоже остался бы в городе, хотя мне это было не по нутру. Но вдруг приказ от полковника:

«Защищать порт до последнего момента и—за границу!

«Нам обещают пароход...

«Николай ожил при мысли о загранице. Лондон! Быть может, там отец. Если нет—мы устроимся там, хотя бы в качестве клерков. Ведь мы оба хорошо говорим по-английски!

«— Пойдем!

«Мы пошли. Конечно, нас обманули. Мы стояли до последней минуты. Последний свисток последнего парохода—и мы брошены на произвол судьбы. Мы лицом к лицу с врагом, который нас не пощадит!

«— Прорвемся,—сказал я. Мы поодиночке пробирались через неприятельские посты. И вот нескольких наших, в том числе Николая, остановили.

«Я спрятался. Видал: Николай на коленях—я не мог слышать, что он говорил, может быть, просил о пощаде—чернобородый солдат упер винтовку прямо в грудь Николая.

«Я отвернулся. Выстрел. И я не обернулся даже в ту сторону—я заботился только о себе. Благополучно избег неприятеля. Встретил своих»...

Василий на минуту умолк. Задумался.

— И вот еще что—добавил он—я вернулся опять в этот город... Как? Я не могу сказать—может быть, после... Я искал его по всем лазаретам—не ранен ли? И не нашел...

Старик молчал.

— Ну, я пойду. Прощай!

Василий подошел к двери, но в нерешительности остановился. Потом вернулся, подошел к старику:

— Прощай!

В голосе чувствовался некоторый надрыв.

Старик проводил Василия на лестницу и незаметно перекрестил на прощанье.

Василий шел быстро, наклонив голову, и мог не заметить: на Кривом переулке у самого дома Вахрушина двое: один высокий в гимнастерке и с револьвером, другой—худенький мужичек с рыжей клинообразной бородкой.

— Он,—прошептал мужичек. И оба пошли за Василием.

Он не мог знать, что эти люди проводили его до дверей гостиницы и спросили швейцара:

— Кто это?

— Англичанин... Сейчас посмотрю...

Потом молодой ушел, а старик остался у подъезда.

Всего этого не мог видеть Василий. И если он видел что,—то один только вывернутый наизнанку глаз: вот он выплывает из переулка, вот он смотрит с автомобиля... Весь мир смотрит на него, Василия, этим белым вывернутым наизнанку глазом...

— Бежать... Скорее бежать... Чорт с ним, с этим гражданином Бройде! Деньги? Сколько лет Василий Вахрушин прожил без денег! И этот шутовской наряд—не хочу! Где мои опорки! Где моя рваная шинель!

Двое вооруженных, не постучавшись, вошли в его номер. Василий не мог или не успел—но не сказал ни слова. Он не спросил, в чем его обвиняют, он не сказал, что он, как английский под-

данный, пользуется нормальными человеческими правами... Он шел покорно и безвольно, как осужденный.

Его провели длинным коридором в темную комнату, внимательно осматривали там, сличали с фотографией, задавали вопросы. Он молчал.

Секретарь шокоровского волисполкома и Кузьма—это они арестовали Василия—дожидались внизу. Через час вышел к ним один из ответственных работников и, пожав тому и другому руку, сказал:

— Поздравляю вас, товарищи! Это — атаман Скиба.

11. ИСПЫТАНИЯ МИСТЕРА БРИДЖА

Давно бы пора нам вернуться к оставленному безо всякого с нашей стороны внимания, но тем не менее этого внимания достойному представителю почтеннейшей фирмы «Джемс Уайт Компани Лимитед», мистеру Роберту Бриджу.

Знал ли он, что права его так бессовестно нарушены, что даже имя его, составляющее во всех цивилизованных странах бесспорнейшую собственность индивида, было так необдуманно присвоено каким-то проходимцем?

Что мог знать об этом мистер Бридж? Он не знал ничего, когда поезд проносил его снова мимо немногочисленных теперь станций и полустанков,

мимо полей и лесов, которые мистер Бридж уже не считал достойными внимания; он ничего не подозревал, когда пыльными, тряскими улицами вез его случайный извозчик по восточной столице к дому с британским львом на дверях, ничего не знал, когда услужливый клерк предложил ему высказаться о цели визита.

Мистер Бридж объяснил услужливому клерку свое несчастье. Услужливый клерк сказал:

— Эта варварская Россия! В нашем отечестве принято осторожно подрезать карман, чтобы не побеспокоить джентльмена...

— О, это варвары,—согласился мистер Бридж.— Они даже не знают, что настоящий джентльмен не перевозит ценности в чемодане... Но мой портфель. Там были бумаги...

Мистер Бридж не знает, что надо делать в этих случаях? Мистер Бридж может положиться на клерка—и клерк сделает все, что только возможно для своего соотечественника, попавшего в эту варварскую страну. Он даст мистеру Бриджу перо и чернила, чтобы мистер Бридж написал заявление. Мистер Бридж может дать срочную телеграмму Компании лимитед, не выходя из-под британского льва. Мистер Бридж затем может быть спокоен.

— Вы не имеете знакомых, мистер Бридж? Я могу вам порекомендовать... Гостиница? Я могу

вам порекомендовать гостиницу... Вам понадобится переводчик?

Мистер Бридж шел пешком: это приятнее, чем позволить растрясти все кости на этих варварских дорогах. Тем более, что мистер Бридж мог видеть: освобожденные от заборов сады, недостроенные дома, освобожденные от лесов, и даже подвалы этих домов, затопленные мутно-зеленой водой, и гнилые бревна, плавающие в этих подвалах. Черные торчащие из окон трубы, закопченные стены, тротуары с ободраным асфальтом...

Мистер Бридж мог также увидеть: кое-где закопченные стены покрываются свежей, пахнущей известью краской, заклеенные было афишами стекла протерты кое-где и получили свою первоначальную прозрачность. Неуверенные торговцы раскладывают за этими стеклами скудные запасы товара. Все это, несомненно, должно интересовать мистера Бриджа.

Вот посредине улицы идет какая-то группа: почему по мостовой? Разве им запрещено ходить по тротуару? И это также должно заинтересовать мистера Бриджа. Он всматривается в эту группу: меж двумя вооруженными идет человек. На нем—широкий клетчатый сюртук и такие же панталоны. Широкополая шляпа...

— Это привидение, мистер Бридж! Привидение!

Опущенная голова. Упрямо выдавшийся подбородок...

— Привидение!

Но разве мистер Бридж знает что-либо о привидениях? Мистер Бридж быстро идет вперед. Вот гостиница. Мистер Бридж заходит в контору.

Недоуменные, вскинутые на мистера Бриджа глаза. Недоуменные вопросы.

— Вы не видели никогда англичанина? Вы не знаете английского языка?

Мистер Бридж вынимает самоучитель. Он показывает одну русскую фразу. Другую. Он не понимает этих вопросов. Разве смешно, что он, мистер Бридж, не говорит по-русски? Он возмущается, наконец! Он пожимает плечами, смотрит на эти недоуменные подозрительно улыбающиеся физиономии и произносит на своем родном языке непонятное этим людям ругательство.

Мальчик бежит проводить мистера Бриджа в отведенный ему номер. Слабо освещенный коридор...

— Мистер Бридж!—раздается в темноте.

Мистер Бридж пожимает плечами. На него, с распростертыми объятиями идет небольшой человек с явно выраженным семитическим типом лица:

— Мистер Бридж!

И вдруг раскрывает глаза и, взглядевшись в мистера Бриджа, изумленно разводит руками. Мистер Бридж строго глядит на маленького человечка и проходит мимо, не удостоив его ответом.

Человечек этот не кто иной, как известный нам Яков Семенович Бройде.

— И что же это такое?—думал он, прогуливаясь по коридору гостиницы.—Сказал прийти и до сих пор нет!

Дверь номера, где остановился Василий, полуоткрыта. Никого нет. И потом этот странный двойник...

— Как похож! И подумать только, что так похож...

Яков Семенович спустился в контору.

— Мистер Бридж? Мистер Чорт, вы хотите сказать! Одного забрали, даже денег не уплатил—а тут другой! Вы уже не третий ли будете?

Яков Семенович нашел, что расспросы излишни. Яков Семенович быстро—даже нельзя предположить, что возможна такая быстрота—собрался в дорогу.

На перроне прогуливается одетый по дорожному Гендельман.

— И вы уезжаете?

— Извиняюсь,—сказал Гендельман,—но мне приходится ехать, если заболела сестра.

— Такой удивительный случай, когда у меня заболели две сестры!—ответил гражданин Бройде.

Но мистер Бридж? Что чувствовал в это время почтенный представитель не менее почтенной фирмы «Джемс Уайт Компани Лимитед?» Не чувствовал ли он себя как человек, опоздавший на какое-то людное и бурное собрание? Повышенные голоса, нетерпеливые выкрики, поднимаются и опускаются руки, одних принимают почему-то восторгом, других, даже не сказавших ни слова, встречают насмешками. О чем идет спор? Только механические голоса, только механические движения: может быть, так показалось мистеру Бриджу?

Но мы ничего не можем знать о мыслях мистера Бриджа, ибо мистер Бридж не умел и думать по-русски. Достоверно известно одно:

Мистер Бридж долго не оставался в гостинице, а, приведя в порядок свой костюм, приступил к делам, не теряя ни одной минуты.

Он опять заходил в здание с британским львом, где ждал его переводчик, потом оба остановились у здания, построенного наполовину из стекла.

Переводчик прочел:

— Т./д. «Братья Вахрушины»...

— Но!—ответил мистер Бридж и пожал плечами.

Тогда переводчик сообщил ему оба новых названия того же самого предприятия.

— All right!—и оба поднялись по лестнице.

Может быть, мистер Бридж заметил, может быть, нет, что они обогнали человека, который взбирался, перекидывая со ступеньки на ступеньку искусственную ногу, и что человек этот остановил на мистере Бридже невидящий, словно вывернутый наизнанку глаз. Может быть, он заметил, что служащие учреждения недоуменно посматривали на него, и что секретарь, не спросив даже имени, доложил директору:

— Мистер Бридж!—и что директор протянул ему руку, как знакомому, и тотчас предложил проект сдачи компании «Джемс Уайт» четырнадцатого госзавода.

Но этого уже нельзя было не заметить! Мистер Бридж приходит к господину директору в первый раз.

— Разве вы не были у нас вчера?—спрашивает директор,—и губы его полуиронически улыбаются.

Мистер Бридж через переводчика выражает свое удивление. Господина директора ввели в заблуждение относительно личности Роберта Бриджа—настоящий Роберт Бридж имеет честь разговаривать с господином директором в качестве представителя «Джемс Уайт Компани Лимитед».

Переводчик имел честь указать, что мистер Бридж мог сделаться жертвой аферистов, ибо, как иностранец, он не может знать русских обычаев, а в старой Англии не принято делать чужое имя своим достоянием.

Товарищ Плотников выразил сожаление мистеру Бриджу. Мистер Бридж предложил приступить к обсуждению дел.

— Вас просят,—доложил секретарь товарищу Плотникову.

— Не видите—занят!—ответил товарищ Плотников, но вышел за дверь.

— Виноват,—сказал он мистеру Бриджу:—подождите минуточку!

Мистер Бридж спокойно ждал. Мистер Бридж перечитывал проект и отмечал те места, с которыми не мог согласиться.

Товарищ Плотников вернулся в кабинет и с той же добродушной улыбкой:

— Придется побеспокоить вас, мистер Бридж... Только на пять минут...

Мистер Бридж встал. Двое вооруженных — повидимому, русские полисмены—встали: один по правую, другой по левую руку мистера Бриджа:

— Вы арестованы!

Мистер Бридж ничего не сказал, так как он не говорил по-русски.

12. ОЧНАЯ СТАВКА

Мистер Бридж поместился в автомобиле. Не обращая внимания на своих вооруженных спутников, мистер Бридж закурил огромную трубку и равнодушно посматривал по сторонам. Отчего волноваться представителю «Джемс Уайт Компани», если личность и честь его находятся под защитой британского флага.

Мистера Бриджа провели темным коридором и, втолкнув в полутемную комнату, указали скамейку и вышли. Часовой стоял у дверей.

Мистер Бридж—равнодушно обвел взглядом полутемную комнату и мог заметить, что рядом—на один фут от него—лежит его, мистера Бриджа, чемодан. Мистер Бридж с недоумением увидал, что рядом с его мистера Бриджа чемоданом сидит незнакомец, в точно таком же, как у мистера Бриджа, костюме, с бритым скуластым лицом и выдавшимся вперед подбородком. Незнакомец интересуется, повидимому, личностью мистера Бриджа. Незнакомец, может быть, чересчур внимательно смотрит на мистера Бриджа.

Глаза их встретились. На лице незнакомца—удивление, страх, нечто вроде радости от неожиданной встречи.

— Николай!—шепчет он. Одними губами.

— Т-с-с-с!

Кто сказал это «тсс»? Мистер Бридж? Или, может быть, мыши прошелестели бумагой? Часовой обернулся. Внимательно посмотрел на одного арестанта. Потом на другого. Один опустил голову. На каменном лице мистера Бриджа по-прежнему: равнодушные и, может быть, скука.

Мистеру Бриджу нет дела до того, что совершается в этой сумасшедшей стране!

Белый, вывернутый наизнанку глаз бросил взгляд из-за двери на мистера Бриджа. Такой же взгляд бросил он на двойника мистера Бриджа.

— Да, я мог ошибиться... Они чертовски похожи!

Вежливый агент сказал мистеру Бриджу:

— Вы свободны.

Мистер Бридж не торопился. Он равнодушно одел свою шляпу и пошел за провожатым. У под'езда ожидал автомобиль.

— Приношу извинения,—сказал товарищ Плотников:—только десять минут... Можете рассказать в Англии. Никакого беспокойства честному человеку...

— All right!—сказал мистер Бридж, широко улыбаясь шутке товарища Плотникова.

Переговоры продолжались, как будто не было этого короткого отсутствия. Переводчик ожидал в кабинете.

— Я рассчитываю встретить вас завтра. Мы поедем осматривать четырнадцатый госзавод.

Мистер Бридж торопится. Мистер Бридж не хочет посетить театр—он очень устал, мистер Бридж. Он хочет только отдохнуть. Мистеру Бриджу не нужен переводчик. Может быть, мистер Бридж болен?

— Здесь так легко заразиться, мистер Бридж! И при том странной болезнью. Может быть, и вас постигла эта болезнь? Скосившиеся окна домов, подмигивающие фонари, вывернутые наизнанку глаза, подглядывающие из-за двери люди, узнающие вас и не узнающие через минуту, странные двойники, похитители вашего имени!

Сумасшествие, мистер Бридж! Сумасшествие!

Это болезнь, которую не вылечат доктора туманного Альбиона...

— Ты можешь ехать домой,—сказал секретарь волисполкома Кузьме.—Нет денег? Я тебе дам!

Он был полон понятной в его положении гордостью: выследить такого преступника! Ведь это поважнее, чем какие-то искатели клада и привидения! Смешно рассказывать такую чепуху здесь, в столице! Что скажут товарищи? Нет, он искал атамана Скибу и нашел его.

— Ты помалкивай там, в деревне!—строго сказал он Кузьме.—Скажешь в совете—придет и сам объяснит.

Кузьма отправился на вокзал. Среди очередей он нашел Ивана.

— Кузьма! Как ты сюда!

— Зарестовали! А вот того мы словили,— поспешил он похвастаться, несмотря на предупреждение начальства.

— Словили?

— Дела-то! Только ты помалкивай, Ванька!

— Ну, ладно, рассказывай, рассказывай...

В Шокорове, куда Кузьма добрался только к вечеру, разговоры о привидении и о кладах прекратились: в парке было спокойно, в старом доме никто не ходил, и бабы уверяли, что «господа» уж уехали, и как на подтверждение этого факта указывали на непостижимое и внезапное исчезновение Ариадны.

Но от'езд Ариадны не мог дать повода к особенно продолжительным разговорам: кто же мешал ей куда-либо поехать, и никто не помешает ей опять вернуться к своему брошенному на произвол судьбы хозяйству.

Но замечательно не это—замечательно то, что всякий интерес к подобного рода разговорам как-то вдруг пропал, и пропал настолько, что Кузьму никто и не расспрашивал ни о чем, а его

ихвастовских уверений, что они де с Митькой в городе самого чорта поймали, никто не слушал, так что Кузьма даже напился пьяным с горя и чуть-чуть опять не попал в холодную.

Таинственное «говорят» исчезло, в силу своих непонятных нам законов, так же быстро, как быстро оно и появилось.

Больших трудов стоило Ивану добраться до смысла того рассказа, которым угостил его Кузьма, но, сопоставив с этим рассказом ряд фактов, ранее ему известных, Иван сообразил, что арестовано именно то лицо, которое он видел у старика Вахрушина. Что это за человек? Не говорил ли с ним старик прежде, чем с Иваном, и не поделили ли они меж собой клад, часть которого должна была достаться Ивану за оказанное содействие?

Но старику ничего еще не было известно. Он как дважды два доказал, что Василий никакого отношения к поискам клада иметь не мог, арест же произвел на старика тяжелое впечатление.

— Нельзя ли как выручить?

— А мне что,—грубо ответил Иван. Ему нечего было больше делить с Петром Вахрушиным.—А что, он не родственник вам?..

Старику любознательность не понравилась:

— А тебе что?

На этом их разговоры были закончены. Старик нашел возможность обойтись без помощи Ивана.

— У меня есть... Коммунист. Служил в нашей фирме незадолго до национализации. Как его? Плотников... Да, Плотников...

Утром на следующий день стены дома на Кривом переулке были свидетелями давно невиданного зрелища: хозяин этого дома собирался в непривычное для него место, но при том такое, куда нельзя было явиться в обыкновенном костюме, говорящем о той нищете, в какую впал бывший владелец одной из крупнейших торговых фирм. Начисто выбритый, в новом, уцелевшем до сих пор костюме, гордый старик привычно взбирался по лестнице того дома, куда ходил ежедневно когда-то, и так же, как раньше, не ответил на низкие поклоны оставшегося от старого времени швейцара, так же привычно, подняв голову—не глядя ни на кого, но видя всех, проходил он мимо барышень, стучащих машинками, мимо углубленных в книги счетоводов.

... — Вахрушин... Вахрушин...—прошелестело по зале. Все подняли головы, рассматривая старика. Было на памяти: его отказ от подчинения распоряжениям комиссара, его грубые ответы—что

собственно и послужило причиной его полнейшего обнищания. Другие умели приспособиться, другие живут не хуже прежнего.

— Зачем он пришел?

Товарищ Плотников неуверенно привстал, подал старику руку.

— Ваш племянник? Вот как!—удивился товарищ Плотников—А вы знали, что он присвоил себе...

— Нет, нет, лучше не хлопочите... Я вам могу посодействовать в устройстве свидания, но не советую хлопотать. Вам может быть хуже... Позвольте—нельзя ли получить от вас маленькую справочку... Компания Джемс Уайт...

Старик уходит. Опять любозпытные взгляды... опять шопот... Но кто это идет навстречу? Василий? Он... Но как же тогда?.. Нет, это не Василий...

— Николай!

Старика с ног до головы оглядели равнодушные невидящие глаза.

— Вы ошибаетесь,—ответили ему по-английски.

Это был мистер Бридж, представитель фирмы «Джемс Уайт Компани Лимитед».

13. ВМЕСТО ЭПИЛОГА

— Сейчас едем,—сказал товарищ Плотников, неуклюже поворачивая голову в сторону мистера Бриджа.

Товарищ Плотников натягивал кожаные перчатки и кожаную тужурку.

— Я за шоффера,—объяснил он.—Мне самому любопытно посмотреть...

Взвесил на руке револьвер и спрятал в карман:

— Привычка, не могу иначе... Идемте, мистер...

— ...Бридж,—напомнил переводчик.

— ...Мистер Бридж... Не могу запомнить,—и добродушно улыбнулся.

На улице ждал новый блестящий бенц. Товарищ Плотников сел у руля. Бенц бесшумно пошел по мягкому асфальту. Мистер Бридж плотно прижался к подушкам и быстро сменялись перед ним сплошные ряды наполовину пустых магазинов сплошными рядами невысоких деревянных домов, редкими затем трехконными домиками, деревянными постройками неизвестного назначения, закопченными трубами фабричных корпусов, стоящих в стороне от дороги.

Скрестившиеся железные пути, мосты над водой и над путями. Буграстые пустыри, овраги, зеленющие огороды. Бабы в пестрых платках, му-

жики, плетущиеся за плугом. Ребятишки подбрасывают камни под колеса авто:

— Цыц, паршивые!

Проселок, мягкая пыль. Колокольня. Река с крутыми изъезженными берегами. Болота. Легкий кустарник. Лес. Внезапный спуск—и за ним: мох, юсока, черные сосновые стволы. Серые сухие облака. Безотрадное карканье галок.

Бенц остановился. Товарищ Плотников встал, хлопнул рукавицей о рукавицу, осмотрелся.

— А мы не заблудились?

Но никто лучше его не мог знать дороги.

Опять зашуршали шины по песку. Направо, налево, впереди—пустырь без конца, черные сосны, березы и сухая трава. Почерневшие остатки строений, а дальше—опять пустырь. Безотрадное карканье галок и низко нависшие сухие облака.

Губы товарища Плотникова кривились чуть заметной усмешкой. Бенц свернул с дороги и пролетел в пустырь. Затормозил на неубранном хвосте и остановился.

Товарищ Плотников повернул к мистери Бриджу широкое улыбающееся лицо и сказал:

— Украл!

Потом успокоительно и бодро:

— Н-ничего!

Мистер Бридж молчал, и ни один мускул не дрогнул на его хорошо тренированном лице.

И снова пошли: поля, перелески, луговины, ребятишки и бабы, и плетущиеся за плугом мужики. Чем-то знакомым пахнуло на мистера Бриджа: колокольня. Церковь с белой оградой, кладбище. Крыша барского дома.

Мистер Бридж мог увидеть: распоясанный бо- сый мужик стоит посреди дороги, любуясь авто- мобилем. Кто может ехать в автомобиле? Губы привычно шепчут:

— Комиссары... Небось по налогу...

Но вот глаза его раскрываются страхом, он шепчет:

— Свят, свят, свят...

И пятится, растопырив руки.

Видел ли его мистер Бридж? Вряд ли. Бенц так быстро промчался мимо деревни.

— Может быть, неправильный адрес?—сказал управдел.—Все может случиться...

— Кто ликвидировал завод?—спрашивает товарищ Плотников, не обращая внимания на слова управдела, и на его губах нет добродушной улыбки.

— Я посмотрю... Бройде... Яков Семенович Бройде...

Вечером в квартиру Якова Семеновича звонили. Звонили настойчиво, властно. На звонок вышла полная декоративная дама и через цепочку спросила:

— Бройде? И я не знаю никакого Бройде...

В купе вагона международного общества из России в Англию едет представитель торгового дома «Джемс Уайт Компани Лимитед» мистер Роберт Бридж.

На нем тот же широкий клетчатый сюртук, та же шляпа, так же курит он набитую необыкновенной крепости кепстеном трубку. Вот он снимает шляпу...

Но разве это мистер Бридж? Что случилось с почтеннейшим представителем почтеннейшей фирмы? Нет, это не мистер Бридж. Вот он провел рукой по вспотевшему лбу. Вяло опущенные губы. Подозрительный, бегающий взгляд.

Сумасшествие, мистер Бридж, сумасшествие...

Стук в купе. Плечи мистера Бриджа вздрагивают. Голова уходит в плечи. Мистер Бридж крадется к двери и полуоткрывает ее:

— Ариадна—это ты?—говорит он на чистом русском языке:—я думал, ты не придешь...

Станция проходит за станцией. Вот серый по-

лусгнивший помост. Доска с указательным перстом и надписью:

— К и п я т о к...

Сонный носильщик. Молодой человек идет по путям с чемоданом...

Мистер Бридж закрывает окно и задергивает занавеску.

НЕУЛОВИМЫЙ ВРАГ

РОМАН

ПЕРВАЯ ГЛАВА,

в которой читатель знакомится с мистером и мистрисс Бебеш.

Мистер Бебеш

Мистер Бебеш известен на всех островах, полуостровах и континентах старого и нового света, но мало кто видел мистера Бебеша. И если мы позволим себе маленькую нескромность и заглянем в его кабинет между двенадцатью и тремя, то мы все равно не увидим мистера Бебеша: мы увидим только за столом на огромном кресле огромную кучу из брюк, сюртука, галстука и белоснежного воротничка и на всей этой куче— розовую пирамиду, своим основанием опирающуюся на белоснежный воротничек.

Пирамида эта лишена абсолютно всякой растительности, и на ней нельзя различить никаких углублений или возвышений, которые давали бы намек на существование у мистера Бебеша глаз

или носа, и нужно потратить порядочное время на изучение географии этой головы, чтобы с первого взгляда узнавать, где находится у мистера Бебеша передняя часть, или лицо, и где— задняя часть, или так называемый затылок.

Вокруг пирамиды расположены многочисленные трубки и трубочки от многочисленных телефонов, соединяющих мистера Бебеша со всеми трестами и обществами, во главе которых он стоит: мистер Бебеш каждую минуту знает, что делается в том или другом тресте или обществе.

Присмотревшись внимательнее, можно заметить, что в розовой пирамиде время от времени открывается и закрывается маленькое отверстие— это отверстие служит мистеру Бебешу ртом; и когда отверстие открывается, в кабинете слышатся звуки, исходящие будто бы из-за стены: мистер Бебеш говорит.

— Семнадцать! Не больше!

— Продаю...

— Покупаю...

— Завтра в час!

От двенадцати до трех рот мистера Бебеша находится в непрерывном движении: он все дела ведет сам и фактически управляет, притом управляет не только трестами и не только обществами... В три часа входит мосье Кларе—лакэй мистера Бебеш:

— Вас просит мистрисс Бебеш!

Мистрисс Бебеш пьет в это время свой утренний кофе.

Мистер Бебеш вылезает из трубок, поднимает с кресла сюртук, галстук и пирамиду и медленно несет все это в будуар мистрисс Бебеш.

Мистрисс Бебеш

Знакомство с мистрисс Бебеш еще более затруднительно: заглянув в ее будуар, вы ничего не увидите, кроме кружев. В кружевном свете—кружевные цветы, кружевные вазочки, кружевные зеркала, кружевные кресла и на одном из кружевных кресел—просто кружево и это просто кружево постоянно перепархивает с кресла на кресло—и только, опять-таки, внимательный взгляд может различить в этом кружеве черные пятна—глаза мистрисс Бебеш и небольшие черные стрелки—брови мистрисс Бебеш.

Мистер Бебеш склоняет свою пирамиду и мнет кружево на руке мистрисс Бебеш. Мистер Бебеш подминает под себя кружевное кресло и интересуется здоровьем мистрисс Бебеш:

— Как вы изволили почивать?

Черные стрелки—брови мистрисс Бебеш—двигаются, показывая минуты:

— Я так озябла...

Или:

— Было так душно...

И всегда одинаково:

— Я всю ночь не спала!

Мистрисс Бебеш страдает бессоницей.

Сегодня мистрисс Бебеш сказала:

— Я говорила, с этим...

Она всегда забывает имена подчиненных своего мужа.

— Он сделает мне электрическую кровать...

Мистер Бебеш не понял:

— Электрическую кровать?

Стрелки мистрисс Бебеш двигаются быстро-быстро—они показывают уже не минуты, а секунды: мистрисс Бебеш взволнована.

— Да,—такую же, как у мистрисс Ундергем!

Кровать мистрисс Ундергем,—а мистрисс Ундергем тоже страдает бессонницей, имеет под собой электрическую сетку. Стоит только повернуть выключатель, и она примет желаемую температуру; с тех пор, как мистрисс Ундергем приобрела эту кровать, она не жалуется ни на холод, ни на духоту.

— Хорошо, я скажу, чтобы это было исполнено...

— И еще мне необходимо...

Но мистрисс Бебеш не договорила. Легкий звонок указал на присутствие мосье Кларе.

— Что случилось, мосье Кларе?

От трех до четырех—никаких дел. Мистер Бебеш предчувствует неожиданность. Он не любит неожиданностей.

— Что случилось?

— Вас просят...—повторяет мосье Кларе.

Мистер Бебеш несет пирамиду, водруженную на кучу из воротничка, галстука, сюртука—в кабинет и погружает пирамиду в трубки.

Вызывает мистер Ундергем.

— Ваше присутствие необходимо!

Мистер Ундергем не может потревожить напрасно. Мистер Бебеш укладывается в автомобиль и выгружается около биржи.

ВТОРАЯ ГЛАВА,

из которой читатель узнает, что делается на бирже.

Мистер Ундергем

Если читатель полагает, что мистер Ундергем, глава тех трестов и обществ, во главе которых не находится мистер Бебеш, чем-либо похож на мистера Бебеша, то он жестоко ошибается!

Мистер Ундергем ничем не похож на мистера Бебеша! Мистер Ундергем весит в пять раз меньше мистера Бебеша, и если на костюме мистера

Беша нужно одно количество сукна, то на костюм мистера Ундергема достаточно будет одной десятой доли этого количества. Да, собственно говоря, мистера Ундергема не существовало вовсе: был только нос—огромный нос мистера Ундергема, вокруг которого располагалось все остальное.

Нос мистера Ундергема, в тот момент, когда читатель смотрит на него, оказывает явные признаки нетерпения: мистер Ундергем волнуется.

Все котелки и цилиндры, которые плавают вокруг мистера Ундергема,—тоже волнуются. Курсы государственных бумаг и акций волнуются вместе с цилиндрами: курсы колеблются.

— Золото!

— Я покупаю золото!

Сначала падают фонды, затем акции мистера Ундергема и уже после акций мистера Ундергема падают акции мистера Беша.

Мистер Беш показывается в дверях. Акции мистера Беша поднимаются, акции мистера Ундергема тоже поднимаются. Мистер Ундергем улыбается мистеру Бешу: цены на золото падают. Мистер Беш не улыбается мистеру Ундергему: акции мистера Ундергема падают. Мистер Беш снимает цилиндр и вытирает свою пирамиду: цены на золото растут.

Мистер Бебеш и мистер Ундергем проходят в особую комнату—только для членов правления биржи. И когда они идут в эту комнату—каждое движение их сопровождается изменением конъюнктуры: мистер Бебеш и мистер Ундергем поднимают правую ногу—акции падают, а золото поднимается—и когда они поднимают левую ногу—золото падает, акции поднимаются—колеблется не тело мистера Бебеша или мистера Ундергема, а колеблются курсы. Курсы проколебались в особую комнату. Курсы остановились: мистер Бебеш и мистер Ундергем тщательно закрыли дверь.

Сообщение мистера Ундергема

Мистер Ундергем прислушался: из биржевого зала доносился смутный гул,—это колеблются курсы.

— Биржа волнуется,—сказал мистер Ундергем.

Мистер Бебеш склонил, в знак согласия, пирамиду.

— Мы на краю пропасти...

Нос мистера Ундергема при этих словах показывал признаки необычайного—даже для мистера Ундергема необычайного—волнения.

— Вам не приходится этого об'яснять. Мелкие фирмы терпят крах за крахом. Банки не выдерживают. Опасность надвигается и на нас...

Пирамида мистера Бебеша—вся—напряженное внимание.

— И при этом...—мистер Ундергем склонился к мистеру Бебешу,—я получил чрезвычайно важные сведения... Мне достоверно известно...

Голос мистера Ундергема понизился до шопота. Сообщение мистера Ундергема касалось...

Впрочем, читателя необходимо познакомить с некоторыми предшествовавшими разговору двух чрезвычайно важных мистеров обстоятельствами.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА,

в которой между прочим рассказывается о находке гражданина Дюревилья.

Гражданин Дюревиль

Гражданин Дюревиль—лицо чрезвычайно популярное в тех кругах, где лицо мистера Бебеша или мистера Ундергема особой популярностью не пользуется.

Да и с внешней стороны он не представляет ничего занимательного: его можно принять на улице за простого рабочего,—несмотря на то, что гражданин Дюревиль уже пять лет состоит членом парламента и является лучшим оратором левого крыла рабочей партии. Но—как мы это де-

лали и с другими героями романа,—всмотревшись внимательно в лицо Дюревиля, вы заметите энергичный обрубленный подбородок, придающий лицу депутата выражение решимости и стремительности. И еще вы увидите—большой покрытый морщинками лоб: когда гражданин Дюревиль думает—морщинки разглаживаются, и лоб этот принимает вид совершенно гладкой поверхности.

Сегодня как раз гражданин Дюревиль глубоко задумался: он идет с заседания парламента, где, несмотря на его энергичное сопротивление, был принят закон о высылке всех русских граждан. По его настоянию эту меру признали временной—на три месяца,—но что может произойти за эти три месяца? Надвигается промышленный кризис. Заказов нет. Рынок полон никому ненужными товарами. Ежедневно—крахи и прекращения платежей. Безработица... А ведь Россия...

Лоб гражданина Дюревиля растягивался все больше и больше...

И вдруг—его размышления были прерваны слабым криком.

Неожиданная находка

Дюревиль посмотрел вокруг. Крик опять повторился.

— Ма-ма!.. Ма-ма!..

Где-то плачет ребенок.

Дюревиль поискал глазами: маленькое дрожащее тело ребенка прислонилось к стене огромного дома.

— Ма-ма!..

— Что с тобой, милый?

Мальчик ничего не ответил, только быстро заморгал глазами...

— Где ты живешь?

Мальчик плакал и ничего не говорил. Дюревиль посмотрел вокруг: ни одного полицейского. Кто мог в такое время оставить ребенка на улице?

Дюревиль остановился в нерешительности. Потом взял на руки и понес домой.

— Завтра дам публикацию...

На руках Дюревиля мальчик успокоился, но на вопрос Дюревиля:

— Где ты живешь?—он ничего не мог ответить.

В редакции

В квартире депутата Дюревиля помещалась редакция газеты «Красное Знамя»—орган левого крыла рабочей партии. Гражданка Кэт Упстон, секретарь редакции, встретила Дюревиля:

— Я все знаю! Это безобразие! Надо протестовать!

Кэт долгое время была суффражистской и нередко переносила старые приемы борьбы в партию, которой эти приемы были несвойственны.

— Протестовать? Чем это поможет?

Дюревиль не любил показывать, что он расстроен:

— Вы лучше посмотрите мою находку!

Кэт с изумлением приподняла двумя пальцами тряпочку, прикрывавшую ношу Дюревиля, и отскочила в ужасе:

— Оно живое!..

Надо сказать, что Кэт не любила мышей и кошек, и все, что шевелилось, приводило ее в ужас.

— Не бойтесь, Кэт. Это маленький мальчик...

Мальчика усадили за стол. Он в недоумении озирался вокруг и больше не плакал.

— Как тебя зовут?—спросила Кэт.

Он ничего не ответил.

— Где твоя мама?

Мальчик повторил:

— Ма-ма!..

Кэт сообразила:

— Он не умеет говорить!

Мальчик заметил на столе пресс-папье и потянулся к блестящей вещи с какими-то словами на непонятном ни для Кэт, ни для Дюревиля языке.

Дюревиль сказал:

— Повидимому, он иностранец, только его языка я не понимаю. Он, конечно, не француз...

— И не немец,—добавила Кэт.

Дюревиль задумался. Лоб его начал снова растягиваться.

-- Знаете, что мне кажется, он—русский!

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА,

которая должна служить продолжением второй.

Сообщение мистера Ундергема

Сообщение мистера Ундергема касалось как раз русских, а именно—русских большевиков, хотя надо сказать, что все русские, независимо от политических убеждений, считались в этой стране большевиками. Несмотря на категорическое запрещение закона, делаются попытки ввоза этого нежелательного—во всех отношениях нежелательного—элемента. Принятые правительством меры, несомненно, запоздали—это чувствует мистер Ундергем. И вот,—не далее, как сегодня...

— А за точность моих сведений я ручаюсь, мистер Бебеш!

Не далее, как сегодня удалось воспрепятствовать в'езду одной подозрительной личности: на пароходе была задержана женщина, выдававшая себя за француженку, но...

— Вы хорошо понимаете, мистер Бебеш, кем она на самом деле оказалась!

Женщина уверяла, что будто бы на нашем полуострове она оставила ребенка,—но скажите, пожалуйста, почему именно в нашем городе, куда въезд гражданам этой национальности запрещен, и почему именно теперь, когда курсы колеблются, цены на золото и продовольствие растут, а наши акции падают?

— Как вы думаете, почему это, мистер Бебеш!

Меры нашей полиции не обнаружили ничего подозрительного, но что такое наша полиция? И что такое наше правительство, состоящее наполовину из бывших социал-демократов?

— Мистер Бебеш, я имею достоверные сведения, что они проникли... И если не с этим парходом, то с другим... И вы знаете, чем это пахнет, мистер Бебеш?

Нос мистера Ундергема втянул воздух:

— Нехорошо пахнет, мистер Бебеш!..

Мистер Бебеш издал невнятный звук. Мистер Бебеш, повидимому, тоже не находил в этом запахе ничего приятного.

— Ваш план?

— Полная солидарность, мистер Бебеш!

— Мы воздерживаемся от продажи наших фондов. Мы не скупаем золота. Волнение уляжется. А потом...

Нос мистера Ундергема из конфиденциальности чуть не прикоснулся к пирамиде мистера Бебеша:

— А потом мы потребуем ареста большевиков, как русских, так и наших... Да, наших собственных большевиков, мистер Бебеш!..

На бирже

Мистеры—Бебеш и Ундергем вышли из особой комнаты; в общем зале—море табачного дыма. И в волнах этого моря плавают цилиндры и котелки и описывают рейсы: бросают якорь и снимаются с якоря, берут курс на ост и норд-ост. И в тот момент, когда корабли мистеров Бебеша и Ундергема вышли в море—была буря. Цилиндры и котелки бросало из стороны в сторону—и только цилиндры Бебеша и Ундергема уверенно, как огромные транс-атлантики, не замечая бури, твердо держали курс—на норд-вест, к дверям—и скрылись за горизонтом.

Волнение утихло. Цилиндры сгрудились к гаваням.

— Вы покупаете золото?

— Вы продаете акции мистера Бебеша?

— Ундергема?

Вечерние биржевые бюллетени говорили о крепком настроении.

Как вы поживаете, мистер Бебеш?

В пять часов мистер Бебеш уже был в своем кабинете и отдавал приказания: пользуясь крепнущим курсом акций—продавать акции. Пользуясь временным понижением золота—скупать золото. Сообщение мистера Ундергема внушало опасения: надо обеспечить себя от неожиданностей,—а вы знаете, что мистер Бебеш, несмотря на свой огромный вес, боялся именно неожиданностей,—а потом... потом можно будет проводить план, предложенный мистером Ундергемом!

А в семь часов пирамида мистера Бебеша склонялась перед высоким лбом сэра Перкинса—председателя кабинета министров.

— Как вы поживаете, мистер Бебеш?—спросил сэр Перкинс мистера Бебеша.

— Благодарю вас,—ответил мистер Бебеш сэру Перкинсу.

Экстренные выпуски вечерних газет сообщали: «Глава правительства имел сегодня беседу с главой нашей промышленной и финансовой аристократии—мистером Бебешем, и, между прочим, сказал мистеру Бебешу:

— Как вы поживаете, мистер Бебеш?»

На неофициальной бирже акции мистера Бебеша поднялись еще выше.

ПЯТАЯ ГЛАВА,

**в которой описываются происшествия, случившиеся
в разных местах.**

В квартире депутата Дюревиля

Странная находка волновала Дюревиля: если мальчик—русский,—то он должен быть выслан из пределов страны. Но куда? он не может объяснить, где его мать, откуда... А наше правительство,—да что говорить о правительстве, которое наполовину состоит из фабрикантов и еще наполовину—из их прихвостней! Такое правительство, не задумавшись, выбросит ни в чем неповинного ребенка за океан!

Шесть часов Дюревиль просматривал репортерские заметки,—среди этих заметок оказалась одна—о попытке русской женщины под видом француженки пробраться в город. Женщина уверяла, что она забыла в нашем городе ребенка, но полиция отправила ее обратно с тем же пароходом...

— Дело ясно,—сказал Дюревиль, и, немного исправив заметку, пустил ее в завтрашний номер под названием:

«Жертва варварского закона».

Эту заметку Дюревиль показал Кэт Упстон:
— Как вы думаете?

Кэт сразу поняла вопрос Дюревиля.

— Мы оставим его у себя!

Решено было, что он останется на попечении Кэт.

Ребенок очень понравился Кэт и оказался чрезвычайно понятливым: Кэт учила его говорить по-английски, и попутно сама узнавала кое-какие русские слова.

— Надо добиться отмены этого идиотского закона,—подумал Дюревиль и отправился к председателю кабинета министров.

В кабинете сэра Перкинса

Когда Дюревиль поднимался к сэру Перкинсу—грузная фигура мистера Бебеша заслонила ему дорогу.

— Это плохой знак...—подумал Дюревиль,—и действительно сэр Перкинс принял очень сухо гражданина Дюревиля.

— Чем могу служить?—сказал сэр Перкинс депутату Дюревилю.

Гражданин Дюревиль настаивал. Он доказывал. Он угрожал.

— Это—государственная необходимость!—сказал сэр Перкинс и тем дал понять, что аудиенция кончилась.

Экстренные приложения печатали:

«Сэр Перкинс принял депутата Дюревиля и на его вопрос ответил:—это государственная необходимость!»

Последнее опять-таки повлияло на повышение акций мистера Бебеша.

И мистер Бебеш был в отличном расположении духа: в восемь часов мистрисс Бебеш получила заказанную ею электрическую кровать—теперь не будет жалоб ни на холод ни на духоту,—а в девять часов ему стало известно, что приказание исполнено: отныне мистер Бебеш является одним из крупнейших владельцев золота в слитках и бриллиантов. Акции удалось продать по самому высокому курсу.

У мистера Ундергема

Понижение курсов и приближение биржевой паники беспокоили мистера Ундергема больше, чем те же обстоятельства беспокоили мистера Бебеша. Только при помощи очень ловких биржевых комбинаций удерживался мистер Ундергем на высоте своего положения. И только неделю тому назад он вложил крупную сумму—все состояние вложил мистер Ундергем в акции металлургического треста, чтобы стать во главе правления. И конечно, эти акции были заложены

в банке, так что понижение курса грозило чрезвычайными осложнениями...

— Я сделал хорошее дело,—думал Ундергем, возвращаясь с биржи и увидев в вечерних газетах биржевой бюллетень.

Действия мистера Бебеша в целях нажима на большевиков тоже наполнили мистера Ундергема радостью. Телефон ежеминутно сообщал: акции повышаются. И мистер Ундергем, как опытный коммерсант, немедленно дал распоряжение о продаже части своих металлургических фондов:

— Сейчас надо думать только о том, чтобы спасти положение...

В одиннадцать часов мистер Ундергем уже спал: он вел правильную жизнь и спокойно спал до двенадцати часов ночи.

В двенадцать часов мистера Ундергера разбудили. Сообщали из конторы:

-- Акции падают!

ШЕСТАЯ ГЛАВА,

изображающая день совершенных неожиданностей.

В ы ж и д а т ь

В двенадцать часов, когда мистера Ундергема так неожиданно разбудили,—мистер Бебеш еще не спал. Узнав о падении курса, мистер Бебеш

давал распоряжения,—и эти распоряжения выражались им одним словом:

— Выждать!

И в многочисленных конторах мистера Бебеша многочисленные директора, агенты и клерки—ждали. И пока длилось их ожидание—мистер Бебеш мог отдохнуть. Освободившись от груза—воротничка, сюртука, галстука—мистер Бебеш спокойно заснул, как только может заснуть владелец наибольшего количества золотых слитков и бриллиантов. И так же спокойно спала мистрис Бебеш на своей новой электрической кровати, не чувствуя более ни духоты, ни сквозняка.

Крах мистера Ундергема

Автомобиль быстро перенес легкое, как перышко, тело мистера Ундергема в ресторан «Аффер», где в это время собиралась неофициальная биржа. Но все столики были заняты,—и никто не освободил места для такого важного гостя, как мистер Ундергем. Даже никто как будто не заметил мистера Ундергема: курсы попрежнему стремительно летели вниз, как будто с огромной горы, и не могли остановиться.

Мистер Ундергем сразу понял, что ему нечего здесь делать. Но все-таки он попробовал покупать—предложения посыпались одно за другим—

повидимому, кто-то стремился спустить акции по какой угодно цене!

Мистер Ундергем прекратил покупку и быстро вернулся домой.

Всю ночь сидел мистер Ундергем за столом и всю ночь занимался выкладками: но цифры говорили не в его пользу. Утром в восемь часов секретарь передал мистеру Ундергему сообщение о том, что некоторые банки требуют внесения дополнительного обеспечения по бумагам, заложенным Ундергемом. А на текущем счету мистера Ундергема находилась самая ничтожная сумма...

Мистер Ундергем опустил трубку и долгое время находился в состоянии полнейшего анабиоза.

Большевики на полуострове

Такими словами открывались сегодняшние газеты.

Неведомым ни для кого—тем более, конечно, для полиции—образом большевики проникли на полуостров, несмотря на категорическое запрещение закона. Целые столбцы и страницы посвящались большевикам—и мы изложим здесь только наиболее характерные из этих статей и сообщений.

Относительно способа проникновения большевиков в прессе не было единодушия: одни газеты сообщали, что они проникли под видом членов американской миссии и даже в помещении этой миссии остановились, другие уверяли, что они проникли под видом грудных детей, так что полиция и не могла потребовать их паспорта—и только, высадившись на берег, превратились в тех дикого вида полулюдей-полуобезьян, портреты которых прилагались тут же. Третьи, наоборот, сообщали, что большевики выгрузились под видом самого настоящего кардифского угля—так что ни полиция, ни администрация не заметили, что выгружаемый уголь не что иное, как именно русские большевики—и будто бы шеф портовой полиции был уволен за эту преступную небрежность. Эти газеты помещали на своих страницах фотографический снимок с огромной кучи угля и под ним подпись: Русские большевики.

Что касается цели приезда—и в этом не было единодушия. Конечно, некоторые слабые голоса заикались о революции, о восстаниях и т. д.—большинство газет глядело гораздо глубже на это дело.

Орган повышателей полагал, что целью приезда большевиков было именно повышение кур-

сов—и в это же самое время орган понижа-
телей склонен был предполагать, что большевики
направят все усилия именно на понижение: их
затаенная цель—вызвать на бирже панику и
под шумок спустить свои собственные обли-
гации по хорошей цене: ясно, что в случае паники
биржа набросится на иностранную валюту. Орган
тотализатора сообщал, что большевики приеха-
ли как раз на объявленные бега и уже поставили
крупную сумму на «наших фаворитов» и—надо
надеяться—поставят еще.

Орган знаменитого общества изготовления па-
тентованных подтяжек уверял, что большевики
приехали с тайной целью скупить все изделия
их фирмы, в виду того, что русские, ходившие,
как известно, до сих пор в костюмах Адама,
согласно последнего декрета Совнаркома срочно
обзаводятся принадлежностями туалета—и в пер-
вую очередь, конечно, изделиями «нашей фир-
мы»—как наиболее практичными и дешевыми. По-
купатели приглашались не откладывать покупки
на завтра, так как завтра, по всей вероятности,
товара на складах не окажется.

Орган изобретателя пилюль Перри-Верри со-
общал, что три господина, весьма похожие на
русских большевиков, купили у них вчера не-
сколько тонн товара, повидимому, для личного

потребления и обещали покупать исключительно эти пилюли.

Сообщалось также, что большевики уже сделали визит председателю кабинета сэру Перкинсу, который, по слабости зрения, не заметил подлога и принял их очень любезно. Тут же весьма деликатно намекали, что сэру Перкинсу пора отдохнуть от трудных забот по управлению государством, и намечались новые кандидаты в премьеры.

Кэт Упстон по обязанности секретаря читала все сообщения и хохотала до упаду, и даже Дюревиль был в хорошем настроении. Телефон звонил, не переставая. Своим отвечали,—что это очередной бум буржуазной прессы, потерявшей тираж в виду затишья на политическом горизонте, и что, конечно, тут не обошлось без биржевых комбинаций, тем более, что бумаги летели вниз с головокружительной быстротой. Чужим Кэт отвечала все, что только могло притти ей в голову—и на основании ее сообщения одна газетка в экстренном приложении напечала, что большевики уже заняли город, перерядившись полисменами и стоят сейчас на перекрестках всех улиц. Шефу полиции это сообщение, как позорящее честь полиции, не понравилось, газетка была конфискована, что повысило ее тираж до двух миллионов экземпляров.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА,

следующая непосредственно за шестой.

В городе

С утра город представлял необычайное зрелище: улицы были заполнены народом, так что на тротуарах становилось тесно. Газеты, особенно те, которые больше всего интересовались приездом большевиков, раскупались нарасхват и чуть не с бою. На всех перекрестках возникали митинги: ораторы правых партий призывали к расправе с большевиками, проповедники говорили о наступлении обещанных Писанием сроков и тщетно молили о покаянии, фокусники показывали самые невозможные сальтомортале—и полиция не могла ввести все эти дозволенные законом развлечения—в дозволенные законом же рамки. На самой большой площади выступал молодой оратор левого крыла рабочей партии—Джон Робертс—он явился прямо с завода, не переодевшись, и его речь о социальной революции произвела на слушателей огромное впечатление, так что возбужденная толпа чуть не побила полицейских, просивших перенести митинг в закрытое помещение. Перед зданием американского посольства, где по слухам, скры-

вались переодетые американцами большевики, была устроена сочувственная демонстрация; когда же к демонстрантам вышел представитель заатлантической республики с благодарственной, за приветствия, речью—в него полетели гнилые яблоки и комья грязи, и достойному американцу пришлось спасаться бегством.

— Русские большевики!—передавалось из конца в конец..., но русские большевики тщательно скрывались, и красивейшие дамы города напрасно вышли на улицу в лучших своих нарядах: они все равно нигде не встретились со столь неожиданными и интересными гостями.

Мистер Бебеш и мистер Ундергем

Мистер Бебеш с утра заметил только одно: понижение курсов. Мистер Бебеш отдал приказ: скупить то количество акций, которое продано было вчера—и в результате у мистера Бебеша оказалось большое количество золота и бриллиантов совершенно даром. Кроме того, крупные суммы денег переведены были мистером Бебешем на заграничные банки тех государств, внутреннее положение которых не возбуждало опасений. Мистер Бебеш был спокоен, тем более, что, мистрисс Бебеш спала всю ночь спокойно—даже слишком спокойно.

В десять часов звонил Ундергем. Мистер Бебеш сказал, что меры приняты, но дольше бороться даже у него, мистера Бебеша, нет сил: курсы падают катастрофически—и советовал выжидать.

Но мистер Ундергем выжидать не мог. Срок—в час дня. До часу дня—или деньги или полное разорение. Повидимому, надо было готовиться ко второму: мистер Ундергем собрал в течение трех часов все свои ценности, получил заграничный паспорт и выехал из города. Погнавшиеся за ним кредиторы увидели только хвост удалявшегося парохода...

А в два часа дня весь город говорил о крахе крупнейшей фирмы «Ундергем и К-о» и закрытии на неопределенный срок металлургического завода, на котором было занято до ста тысяч рабочих.

Разговоры эти сопровождались небывалой паникой на бирже, еще большим повышением золота и цен на продовольствие, а у сберегательных касс стояли длиннейшие хвосты—и так как в два часа операции по выдаче денег прекращались, то некоторые из этих касс были разгромлены толпой, не нашедшей при этом в несгораемых шкафах ни одного шиллинга.

На заводе

В три часа дня депутат Дюревиль вызван на завод.

— Ваше присутствие крайне необходимо.

Депутат Дюревиль сказал секретарю редакции Кэт Упстон:

— Дождитесь моего возвращения.

Автомобиль быстро примчал Дюревиля к заводу:

— Поскорее, поскорее, вас ждут!

Привычной походкой опытного оратора Дюревиль проходит через толпу. Тысячи глаз—черные, серые, голубые смотрят на Дюревиля. Тысячи глаз, в которых и горечь, и надежда, и озлобление, и ненависть. Эти глаза пронизывают насквозь, эти глаза впиваются в Дюревиля...

— Дюревиль... Дюревиль...

— Товарищи!

И опять Дюревиль чувствует на себе глаза. Без этих, впивающихся в него, глаз Дюревиль не смог бы сказать ни слова.

— Дюревиль... Дюревиль...

Но речь Дюревиля вызывает недоумение:

— Организованность... Спайка... Дисциплина...

Глаза—тысячи глаз вспыхивают негодованием. Глаза—тысячи глаз выражают нетерпение. Слово берет Джон Робертс—рабочий того же завода.

— Довольно! Мы не позволим, чтобы нас выбрасывали на улицу, как собак. Не позволим!

На трибуне снова Дюревиль.

— Партия обсудит вопрос о всеобщей забастовке! Но сепаратные выступления...

— Внимание... Внимание...

— Партия примет все необходимые меры! Если надо будет...

Дюревиль не договорил: крики, аплодисменты. Джон Робертс снова на трибуне:

— Победа или смерть!

— Победа! Победа!

Старый рабочий, стоявший в первых рядах, заявил:

— Мы хотим видеть русских товарищей!

— Русские!.. Русские...—пронеслось по залу. Задние взбирались на плечи передних—чтобы увидеть русских товарищей.

— Это ложь буржуазной печати! Русские к нам не приезжали!

Но никто не поверил. Шопотом передавали:

— Еще не время...

Рабочие хорошо знали, зачем приехали русские товарищи.

— Товарищи!—сказал в заключение, Дюревиль,—предлагаю вынести резолюцию протеста против закона о высылке русских... Приветствие русскому пролетариату...

Резолюция принимается единогласно. Гражданин Дюревиль возвращается домой.

Но ни Кэт Упстон, ни русского мальчика в редакции не оказалось, и никто не мог сказать, когда и куда они исчезли.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА,

в которой читателю становится известным о покушении на жизнь мистера Бебеш.

Пожар у мистера Бебеш

В восемь часов вечера мистрисс Бебеш почувствовала озноб и усталость—озноб и усталость чувствовала мистрисс Бебеш раз десять в течение дня—и вздумала прилечь на электрическую кровать, которая так превосходно действовала ночью. При помощи горничной она повернула выключатель. Электрическая теплота расплзлась по сетке—электрическая теплота стала согревать постель. Мистрисс Бебеш требовала:

— Еще! Еще! Холодная!..

Стрелки мистрисс Бебеш показывали секунды:

— Еще!.. Еще!..

Кровать нагревалась все больше и больше. Наконец...

Но разве мы можем описать отчаяние мистрисс Бебеш—бедной мистрисс Бебеш, при виде вос-

пламенившейся кровати! Горничная одна и горничная другая и третья горничная перенесли ее маленькое тело в место, достаточно удаленное от горящих кружев ее, мистрисс Бебеш, спальни.

Через полчаса весь город знал о новой козни большевиков:

— О покушении на жизнь мистера Бебеша!

«Отечество в опасности!»—писала вечерняя газета, субсидируемая мистером Бебешом: «если не будут приняты самые крайние меры, цвету нашей нации грозит гибель от руки злостных бандитов»...

Далее следовало описание заслуг мистера Бебеша, восхвалялись качества выпускаемых его предприятиями товаров, и сообщались курсы акций тех обществ, во главе которых стоял мистер Бебеш. Курсы эти стояли все-таки не особенно высоко, хотя и несколько выше государственных фондов.

Статья заканчивалась требованием ареста всех большевиков—как русских, так и отечественных, при чем газетка не стеснялась делать намеки на самого депутата Дюревиля.

Совещание в парламенте

Еще с утра, под влиянием слухов о приезде большевиков и уличных волнений, в парламент начали съезжаться депутаты. К вечеру парла-

мент представлял давно невиданное зрелище: прибыли депутаты, годами не бывавшие в парламенте—и не только министры, но и товарищи министров. Говорили о большевиках, о панике, о пожаре, о покушениях, при чем каждый из видных политических деятелей предполагал, что очередь за ним, а многочисленные журналисты составляли бичующие статьи по поводу трагической гибели NN—место для имени оставлялось свободным.

В девять часов открылись многочисленные совещания—фракций, подфракций, секций, подсекций, комиссий и подкомиссий. Параллельно шло заседание кабинета министров.

Мнения разделились—консерваторы, опирающиеся на крупное землевладение и опасавшиеся конкуренции русского хлеба, настаивали на самых крайних мерах—либералы предлагали те же крайние меры, но в несколько иной и более демократической формулировке—правое крыло рабочей партии воздерживалось от голосования.

Кабинет министров постановил: в целях прекращения волнений на заводах, отпустить мистеру Бебешу, который приобретал заводы, находившиеся до сих пор в руках мистера Ундергема, крупную сумму денег в беспроцентную ссуду, а что касается большевиков, то их постановлено

было немедленно арестовать и отдать под суд как за самовольный в'езд, так и за покушение на жизнь мистера Бебеша.

Заседание парламента в речах ораторов всех партий одобрило эти меры, но когда приступили к голосованию, то заметили, что ни Дюревиля и ни одного из его сторонников в зале не оказалось.

Отсутствие Дюревиля принято было за весьма плохое предзнаменование.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА,

в которой рассказывается о приключениях Кэт Упстон.

Где же Кэт?

Если читатель помнит—депутат Дюревиль, придя с митинга, не нашел дома Кэт, присутствие которой, как секретаря, было крайне необходимо, тем более, что Дюревилю предстояла очень серьезная работа. Вместе с Кэт исчез и оставленный на ее попечение русский мальчик.

Когда Дюревиль уехал на митинг, мальчик начал скучать. Он слонялся по комнате, теребил Кэт за платье и кричал:

— Ма-ма!.. Ма-ма!..

А когда Кэт отстранила его, он расплакался.

Кэт Упстон, которая, если вы помните, не любила мышей и кошек—она тем более боялась слез! Но никакие утешения не помогали:

— Гулять! Я хочу гулять!

Кэт стоило большого труда понять его желание, но она все-таки одела мальчика и вышла вместе с ним на улицу. Кэт думала через полчаса вернуться обратно: депутат должен был возвратиться с минуты на минуту.

На улице мальчик останавливался перед каждой витриной и болтал без умолку на своем никому, и даже самой Кэт, непонятном языке.

Публика, толпившаяся в необычайно большом количестве на тротуарах, не замедлила обратить внимание на их разговор. Послышался шопот:

— Русские... Русские...

А публика только и искала в этот день русских. И потому нет ничего удивительного, если Кэт и ее приемыш сделались через десять минут объектом внимания огромного хвоста граждан всякого пола и возраста. И когда она заметила это несколько необычайное по отношению к ее скромной особе внимание—было уже поздно: всякие пути для бегства и отступления были отрезаны. Кэт вместе с мальчиком вошла в первый попавшийся магазин, и этот магазин оказался как раз магазином фабриканта патентованных подтяжек.

Кэт ничего не понимала в этом товаре, и когда приказчик спросил сколько она желает купить, она наобум ответила:

— Дюжину!

И дюжина тотчас же была завернута опытными руками приказчиков.

Путешествие Кэт Упстон

Кэт ускорила шаг и почти побежала по улицам, но толпа не отставала. Кэт вскочила в трамвай и сошла через три станции. За нею последовали двое—и через минуту сзади несчастной мисс вырос огромный хвост поклонников.

— Русские... Русские...—зловещий шопот преследовал Кэт. Она входила в магазины, она покупала ненужные совершенно вещи, об'ездила весь город в трамвае, омнибусе, метрополитене—но избавиться от преследователей не было никаких сил.

Наконец, измученная она вбежала в магазин изобретателя пилюль от изжоги мистера Перри-Верри.

Изобретатель заметил, что дама чем-то взволнована и предложил стул. Кэт поправила прическу, купила пакетик пилюль, и так как лицо изобретателя показалось ей симпатичным—она сказала:

— Не откажитесь проводить меня... Меня преследуют какие-то нахалы...

Мистер Перри-Верри оказался галантным кавалером.

Кэт сидела в магазине довольно долгое время и не обращала внимания на мальчика. Тот сначала любовался рекламами знаменитых пилюль, изображавших человека до употребления—сморщенного и несчастного—похожего несколько на мистера Ундергема после краха—и после употребления—похожего скорее на мистера Бебеша после удачной комбинации с покупкой золота и бриллиантов. Этот похожий на мистера Бебеша человек, с вызывающим видом помахивал пакетином, на котором крупными буквами значилось: Перри-Верри.

Потом мальчику наскучило спокойное созерцание, и он, найдя линолеум магазина очень подходящим местом для игры, расположился на нем и склеивал из принесенного с собой песку великолепные пряники...

Кэт повернулась к мальчику:

— Ты что наделал? Где ты достал песок?

Кэт вспомнила, что напротив редакции начали чинить мостовую. И когда только он успел набрать этой гадости!

— Я так виновата...

Но мистер Перри-Верри ничего не имел против ребенка. Он проводил Кэт через проходной двор,—а там первый трамвай привез наших путешественников в редакцию газеты «Красное Знамя».

— Кэт,—строго сказала Дюревиль,—у меня серьезное дело, а вы так запаздываете...

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА,

в которой рассказывается о поисках неуловимого врага.

Депутат Дюревиль

Депутат Дюревиль действительно был занят по горло. Тотчас же по приезде с митинга его кабинет сделался местом совещания комитета партии, фракции парламента и так далее, и так далее... Низкая заработная плата, постоянные крахи самых, казалось бы, надежных фирм, биржевая паника, повышение цен на продовольствие, падение реальной цены денег... И, наконец—закрытие металлургического завода...

Просктируемые правительством меры против рабочих организаций, которые, несомненно, будут разгромлены под видом борьбы с русскими большевиками—еще более сбостряли положение. С фабрик поступали сведения о забастовках, грозящих

стихийным выступлением пролетариата, которое в виду слабой его организованности могло вылиться в весьма нежелательные формы.

Что делать?

Джон Робертс—молодой оратор, который выступал на митинге, призывал к немедленной забастовке и в крайнем случае предусматривал даже вооруженное выступление.

— Партия должна исходить из подсчета сил,— заявлял Дюревиль—и находил момент неподходящим.

Остановились на компромиссе: будут делаться все приготовления к вооруженному сопротивлению, но только в том случае, если правительство первым предпримет враждебные действия—и на всякий случай составлялись заранее планы организации боевых ячеек, мобилизационный и стратегический. Джон Робертс становился во главе вооруженных отрядов.

Дюревиль предупредил его:

— Не предпринимайте ничего без ведома комитета партии! Неосторожный шаг может иметь гибельные последствия...

-- Риска нет!—возразил Джон. Он втайне, как и многие, надеялся, что в крайнем случае выручат русские товарищи. В том, что они действительно проникли на полуостров и именно с целью помочь провести победоносную революцию, Джон, как

и многие, не сомневался. Но открыто этих мыслей никто не высказывал.

Знаменитый сыщик

Шеф полиции получил предписание: немедленно розыскать и арестовать незаконно проникших в город русских граждан.

Ни одного русского гражданина нет в городе! Это до такой степени ясно... Но предписание выполнить необходимо: по телефону знаменитому сыщику мистеру Джерней:

— Немедленно приезжайте!

От знаменитого сыщика мистера Джернея ответ и тоже по телефону:

— Есть!

Через пять минут мистер Джерней находился в кабинете шефа полиции.

Если вы хотите, чтобы я так же подробно описал вам наружность мистера Джернея, как описывал наружность всех остальных героев,— подобного обязательства взять на себя я не в силах! Потому что мистер Джерней не имел никакой определенной наружности: в одну и ту же минуту вы могли видеть перед собой и худощавого блондина, и толстого брюнета, и великана, и карлика, и молодого человека, и дряхлого старика: изменения в наружности мистера Джер-

нея происходили мгновенно и служили, между прочим, показателем его душевного настроения. Если читателю покажется невероятной возможность таких метаморфоз,—то мы можем возразить, что ничего сверхъестественного здесь нет, что только солидная тренировка, в связи с профессией первого сыщика не только на полуострове, но и на всем континенте, отучили мистера Джерней от того предрассуда, что каждый человек должен иметь одну раз навсегда установленную наружность.

— Требуется немедленно розыскать русских большевиков,—сказал шеф полиции.

Молодой,—готовый к услугам человек,—это был мистер Джерней—ответил:

— Есть!

— Я не могу советовать... но...

Перед шефом полиции стоял шестидесятилетний старик—мистер Джерней был обижен—он не признавал никаких советов.

— Вы обижаетесь?—мягко спросил шеф. Мистер Джерней помолодел на двадцать лет.

— ... Я все-таки советую вам обратить внимание на квартиру депутата Дюревиля...

Мистер Джерней обратился в хищного типа американца.

— Неверно: мы найдем их, и они обратятся в чистокровных англичан. Я же люблю...

Мистер Джерней вырос до потолка.

— Я люблю поймать преступника в тот момент, когда он заносит нож над головой своей жертвы.

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА,

**в которой события предшествующих глав не получают
нового освещения.**

Разговор мистера Бебеша с мистрисс
Бебеш

Мы и забыли с вами, читатель, мистрисс Бебеш. Несчастливая мистрисс Бебеш после того— о ужас—происшествия лежала больной—нет, не больной—она умирала, медленно умирала, бедная мистрисс Бебеш! Она умирала от холода! Она умирала от духоты!

— Сквозняк!..

Мистрисс Бебеш кричала—и ее стрелки—вы не забыли, что брови мистрисс Бебеш были похожи на черные стрелочки—эти черные стрелки показывали секунды.

— Душно!..—кричала мистрисса Бебеш, и ее стрелки—о ужас—показывали терции. Горничная одна и горничная другая и третья горничная каждую минуту и каждую секунду и каждую терцию—открывали и закрывали вентилятор...

Доложили о приходе мистера Бебеша.

— Просите!..

Мистер Бебеш вошел быстрее обыкновенного. Мистер Бебеш вытирал свою пирамиду ежеминутно — нет, ежесекундно вытирал мистер Бебеш свою пирамиду: мистер Бебеш был крайне взволнован.

— Не подходите!—кричала мистрисс Бебеш:— вы принесли холод...

Но мистер Бебеш не обратил внимания на ее слова. Он сразу начал говорить:

— Большевики... Русские... Наше правительство... Уезжаем...

Мистрисс Бебеш забыла от волнения свою болезнь. Мистрисс Бебеш вспорхнула и подбежала к мистеру Бебеш.

— Как? Что такое?

— Нам надо уезжать...

Мистрисс Бебеш тотчас же принялась складывать все необходимое. Мистер Бебеш ушел в кабинет отдавать приказания—и в том числе приказание на завтра купить билет до Парижа и перевести в Парижский банк еще крупную сумму.

Мистер Джерней начинает поиски

Мистер Джерней вышел из кабинета шефа полиции.

— Эта полиция,—думал мистер Джерней,—она может испортить все дело...

И в эту же самую минуту шеф полиции думал в своем кабинете:

— Этот мистер Джерней,—он выхватит из рук полиции жертву, когда полиция уже нападет на верный след...

Но к услугам мистера Джерней нельзя было не обратиться. А вдруг полиция не найдет? Что скажет министр, если он узнает, что труд мистера Джернея не был использован? Такой специалист, как мистер Джерней,—если он даже ничего не найдет—ему поверят, что преступников на самом деле не существует. А это было заглавной мыслью шефа полиции.

Мистер Джерней, прежде всего, заперся в своем кабинете и тщательно перечитал все газетные вырезки, касающиеся большевиков. После этого он полчаса сидел над планом города, и, наконец, вынул стакан воды,—мистер Джерней, кроме холодной воды, ничего не пил—и в голове его созрел план дальнейших действий.

Кэт Упстон

Кэт Упстон вся была под впечатлением вчерашней прогулки.

Она просматривала газеты: и все газеты подробно описывали ее вчерашнее путешествие под рубрикой: «русские большевики». Было упомяну-

то, что она заходила в магазин фабриканта патентованных подтяжек, но через минуту вышла оттуда—и сам фабрикант подтяжек подтвердил, что он получил от нее заказ на крупнейшую партию товара. «Торопитесь! Запасайтесь!»—писал фабрикант подтяжек. Репортерам было известно, что Кэт окончательно исчезла в магазине пилуль от изжоги Перри-Верри и сам Перри-Верри в длиннейшем интервью рассказывал, что русская дама пришла в восторг от качества его товаров.

К счастью для Кэт ни один репортер не удосужился зарисовать ее портрет или сфотографировать—и вместо портрета мисс Кэт Упстон одни газеты перепечатывали снимок с дикарей острова Таити, другие воспользовались старым клише, изображавшим греческую королеву с сыном, но ни тот, ни другой снимок, конечно, не давал никакого понятия о наружности мисс.

Мальчик был доволен вчерашней прогулкой. Он опять просил Кэт взять его с собой, но, наученная горьким опытом, Кэт сама сегодня боялась показаться на улицу тем более, что улицы в этот день были еще многолюднее, чем вчера. Инциденты с полицией происходили ежеминутно, на митингах произносились возбуждающие к восстанию речи, и депутату Дюревилю стоило большого труда сдерживать своего товарища Джона,

который готов был каждую минуту мобилизовать свои вооруженные отряды.

Дюревиль был занят. Кэт принимала материал для газеты. Раздался звонок. Кэт вздрогнула— хотя в редакцию входили ежеминутно посторонние: этот звонок показался Кэт необычным.

Почтенный отец семейства, нагруженный покупками, стоял перед мисс Кэт Упстон.

— Здесь принимаются объявления?—спросил он.

— Да,—ответила Кэт.

И я думаю, читатель уже сам догадался, что почтенный отец семейства был не кто иной, как мистер Джерней.

ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА,

описывающая поиски знаменитым сыщиком русских большевиков.

По следу

Каким образом мистер Джерней попал в редакцию «Красное Знамя»? Вот вопрос, способный заинтересовать каждого читателя.

Конечно, мистер Джерней знал из газет, что русские большевики неоднократно заходили в два излюбленных магазина и направился именно в эти магазины.

Фабрикант патентованных подтяжек сделал все, чтобы сбить мистера Джернея с толку. Он рас-

сказал небылицу о покупке большевиками огромной партии его товара, о том, что он ведет с ними переговоры и что они сегодня же будут у него—придут за новой партией товара, показывал вырезанные из газет портреты большевиков, но мистер Джерней не придавал всему этому никакой цены.

— Была у вас вчера дама с мальчиком?

— Да... И она купила,—фабрикант намеренно преувеличил,—три дюжины... Вы хотите взять еще?

Мистер Джерней поневоле взял еще три дюжины.

— И вы ничего не заметили?—спросил Джерней.

— Нет... Конечно, эта дама не русская... Она так хорошо говорит по-английски...

Мистер Джерней понял, что фабрикант намеренно не хочет выдать своих постоянных клиентов и старается направить его, мистера Джернея, на ложный путь. О, этого ему не удастся! Мистер Джерней стоит на верном пути, и этот верный путь ведет мистера Джернея в магазин изобретателя пилюль от изжоги—Перри-Верри.

След найден

— Я ищу свою жену,—сказал мистер Джерней.—Она вчера заходила к вам с моим сыном...

— О, да,—ответил Перри-Верри. Она была очень взволнована, и я проводил ее.

Мистер Джерней не стал терять даром времени. Чтобы и этот купец не навел его на ложный след, мистер Джерней решил собрать сам все необходимые сведения.

Он в течение полутора часов ползал по полу с электрическим фонарем, хотя в магазине было и без того светло, он подбирал какие-то предметы, невидимые простым глазом, и что-то бормотал про себя.

— Она причесывалась... Так... А это почва, которую она принесла с собой... Он тщательно подобрал оставшиеся на линолеуме песчинки и долго разглядывал их в микроскоп. Потом он попросил показать, где вышла эта дама. На земле еще сохранились следы. И эти следы были умело сняты мистером Джернеем.

Все данные были уже в руках: осталось только приступить к анализу этих данных.

И после анализа он знал, что молодая женщина, невысокого роста (она, когда выходила через потайную дверь, приподнималась на носках), брюнетка, живущая... Но надо сказать, что мистер Джерней определил ее адрес на основании анализа почвы. Он великолепно знал почвы всего города, и песок, принесенный мальчиком, сыграл не последнюю роль. Ведь мостовую чинили толь-

ко напротив дома депутата Дюревиля, и только там мог быть такой песок!

И вот, читатель видит мистера Джернея в редакции газеты одного, с глазу на глаз с мисс Кэт Упстон, в виде почтенного отца семейства, обвешанного покупками.

— Здесь принимаются об'явления?—спрашивает мистер Джерней.

— Здесь,—отвечает Кэт Упстон.

И странный посетитель, оставив об'явление на десять строк о пропаже собаки, быстро направляется к шефу полиции, обратившись по дороге в молодого и притом влюбленного—отнюдь не безнадежно влюбленного человека.

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА,

**в которой известие о поимке преступников не вносит
в умы никакого успокоения.**

Кто же преступник?

Оставалось только пять минут до назначенного мистеру Джернею срока.

Неужели он не придет? Полиция сбилась с ног, розыскивая преступников! Было арестовано за это время пятьсот женщин, но все эти пятьсот женщин неизменно оказывались англичанками! Шеф полиции волновался:

— Неужели мистер Джерней может подвести! Мистер Джерней появился в кабинете.

— Дайте мне воды!—сказал мистер Джерней. Шеф полиции был в нетерпении.

— Ну?..

— Готово!—ответил Джерней.

— Браг найден. Он скрывается в редакции газеты «Красное Знамя» на квартире депутата Дюревиля.

Шеф полиции горько улыбнулся. Агенты полиции уже были на квартире Дюревиля.

— Читайте, — сказал шеф полиции мистериу Джернею.

«Женщина, принятая за русского большевика, о которой пишут газеты, оказалась гражданкой Кэт Упстон, принадлежащей к одному из самых почтенных семейств полуострова, но недавно перешедшей в рабочую партию».

Мистер Джерней на это только мог сказать:

— Идиоты! Русским большевиком она и не могла оказаться! Русский большевик—тот мальчик, который ее сопровождал во время прогулки!

Лицо шефа полиции выразило недоумение. Эти агенты опять напали на ложный след...

— Так его надо арестовать!

Джерней усмехнулся:

— Он никуда не убежит! Ведь ему на вид не больше пяти лет... Я видел его и для этого только заходил в редакцию.

Теперь возмутился шеф полиции:

— Идиот! Он не понимает, что этот мальчик может оказаться взрослым. Ведь писали же, что они приехали под видом грудных детей—и если они будут расти с такой быстротой...

Мистер Джерней сказал:

— Я сделал свое дело. Вы можете предпринимать что угодно...

И скучающий турист—это был мистер Джерней—вышел из помещения полиции и направился домой, потому что было уже обеденное время.

Неожиданное препятствие

Депутат Дюревиль находился в редакции, когда раздался настойчивый звонок:

— Повестка гражданину Дюревилю!

Этой повесткой гражданин Дюревиль приглашался немедленно выдать скрывающегося у него на квартире русского гражданина, подлежащего, на основании последнего закона, выселению из пределов страны.

— Это безумие!—кричала Кэт.

Дюревиль сказал:

— Этого они от меня никогда не добьются!

Известие об отказе Дюревиля выдать преступника застало шефа полиции врасплох.

— Явное неподчинение законам государства!

— Мы не имеем права произвести обыск у депутата,—отвечал министр.—Изыскивайте пути и средства арестовать преступника без нарушения закона о неприкосновенности жилища депутата!

Но шеф полиции не был настолько сведущ в законах, чтобы найти благовидный предлог для их нарушения. Шеф полиции срочно вызван в кабинет председателя сэра Перкинса для обсуждения создавшегося положения.

Законные основания

— Какие могут быть законные основания,—сэр Перкинс сделал ударение на слове «законные»,—для обыска у депутата Дюревиля?

Сэр Перкинс вовсе не хотел ссориться с крайней левой,—а ведь обыск у депутата мог вызвать негодование не только у крайней левой! Даже консерваторы иногда становятся чрезвычайно шепетильными в вопросах депутатской неприкосновенности, и особенно в такое время, когда именно консерваторы поговаривают о том, что сэр Перкинс утомился от своих полезных для блага государства трудов и принимают чересчур близко к сердцу состояние здоровья сэра Перкинса!

— Какие же могут быть законные основания?

Видные юристы приглашены в кабинет к сэру Перкинсу. Видные юристы окружены томами законов, собранных с самого основания государства!

Сто томов свода законов. Триста томов полного, от основания государства, собрания распоряжений и указов, тысяча томов парламентской практики. Тысяча юристов изучает парламентскую практику!

Правда, были случаи нарушения неприкосновенности депутата: еще когда были короли, один из них заключил весь парламент в тюрьму, и этому королю отрубили голову. Министр—имя рек—заключил в тюрьму одного депутата, но этот министр не пользовался популярностью и в скором времени был посажен в ту же самую тюрьму...

Случаев было много, но так как все эти случаи кончались скоро или не скоро, но одинаково нехорошо—на все эти прецеденты нельзя было сослаться. Но есть один закон...

— Какой закон?

Юристы в один голос ответили:

— Об отмене гарантий, предполагающий военное время!

Сэру Перкинсу это решение не понравилось.

— Какое же у нас теперь военное время?

Но все-таки было решено, если Дюревиль еще раз воспротивится законному требованию полиции, арестовать и самого Дюревиля, считая его сопротивление прямым объявлением военных действий законной власти полуострова.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА,

описывающая первые военные действия и первую победу.

Разведка

Дюревиль не придавал большого значения требованию полиции, тем более, что он был занят более важными делами. В его кабинете непрерывно еще со вчерашнего дня—шли заседания. Джон Робертс как глава вооруженных отрядов—находился неизменно при Дюревиле—на самом деле Дюревиль боялся, что он преждевременно выступит без ведома комитета партии и поставит партию перед совершившимся фактом.

В четыре часа на квартиру Дюревиля явился сам шеф полиции.

— Я буду принужден принять меры,—ответил шеф полиции на вторичный отказ Дюревиля.

Дюревиль возразил:

— Я тоже буду принужден принять с в о и меры!

Что думал этим сказать Дюревиль—неизвестно. Вероятно, он имел в виду поездку к сэру Перкинсу или еще какое-либо из легальных воздействий на зарвавшуюся полицию,—но в тот момент, когда Дюревиль проговорил эти слова, Джон Робертс вышел из редакции, не сказав ни слова Дюревилю.

И немедленно же сильный отряд конной и пешей полиции двинулся в направлении к редакции «Красное Знамя».

В половине пятого Дюревиль был оторван от работы звуками выстрелов. И он и Кэт бросились к окнам.

На улице происходило сражение рабочих с полицией.

Первая победа

Несомненно, это было делом Джона! Узнав о настойчивом требовании полиции выдать скрывающегося у Дюревиля гражданина (может быть, русского большевика?), Джон решил принять свои меры, которыми уже угрожал и сам Дюревиль. Большой численности отряд рабочих, скрывавших по карманам револьверы, двинулся к дому Дюревиля и занял приготовленные будто нарочно позиции: если читатель помнит, у дома Дюревиля была разрушена мостовая.

Полиция была встречена камнями и револьверными выстрелами...

Дюревиль схватился за голову:

— Что они делают!

Но полиция, не ожидавшая сопротивления, поспешно отступила. На улице стало тихо.

Джон ворвался в редакцию:

— Победа!

Дюревиль был огорчен:

— Вы знаете, к чему это может привести?

Джон виновато склонил голову:

— Но ведь вы сами...

Он намекал на ответ Дюревиля шефу полиции.

— Это равносильно объявлению военных действий! Вы подумали? Вы действовали притом без разрешения комитета!

Дюревиль минут пять сидел молча. Его лоб растянулся до необычайных размеров. Джон стоял рядом и тоже глубоко задумался.

Наконец, Дюревиль поднялся.

— Что же делать?

Дюревиль прошелся по комнате.

— Война объявлена...

И добавил:

— Теперь нельзя терять ни одной минуты!

ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА,

в которой читатель возвращается к некоторым забытым героям.

Мистер и мистрисс Бебеш

Мистер и мистрисс Бебеш уже сложили свои чемоданы.

— Золото! Прежде всего, золото!—говорил мистер Бебеш, вытирая свою пирамиду. Он так утомился! Он никогда не смог предполагать, что может столько работать! Мистер Бебеш сам упаковывал золото и бриллианты. Мистрисс Бебеш больше всего заботилась о платьях,—но и мистрисс Бебеш показала чудеса самоотвержения—она брала только самое необходимое, но и самого необходимого оказалось пятнадцать чемоданов!

До парохода осталось полчаса. Входит мосье Кларе:

— А ценные бумаги, мистер Бебеш?

Мистер Бебеш совсем забыл о ценных бумагах!

— Возьмите с собой, мосье Кларе!

Еще один огромный чемодан прибавился к чемоданам мистера Бебеша.

Пароход отходит через двадцать минут.

— Не забыли ничего?

— Еще пять чемоданов...

— Скорее, скорее...

Мистер Бебеш, несмотря на свою полноту, вертелся по комнатам. Мистер Бебеш помогал своим слугам.

— Скорее... Скорее...

Наконец, за пять минут до парохода, все было готово. Автомобили были нагружены чемоданами. Автомобили увозили чемодан за чемоданом. Последний автомобиль был нагружен мистером и мистрисс Бебеш. Автомобиль летел, не разбирая дороги. Мистер и мистрисс Бебеш не видели ничего вокруг себя.

Пристань. Дымит пароход.

— Здесь!

Мистер и мистрисс Бебеш вышли из автомобиля. Мистер и мистрисс Бебеш направились к пароходу.

Рабочий, покрытый сажой и с винтовкой через плечо, подошел к мистеру Бебешу:

— Вы гражданин Бебеш?

— Приказом революционного комитета вы арестованы!

За границей

Перенесем на минуту читателя за границу того государства, в котором он до сих пор был: только сто верст канала отделяет полуостров от заграничьи—и туда, через канал, отошел пароход, на котором думал уехать мистер Бебеш, но этот

пароход идет уже без мистера Бебеша и с красным флагом.

Слухи о волнениях на полуострове уже проникли за границу. Газеты полны фантастическими измышлениями о приезде на полуостров двухсот тысяч самых отчаянных русских, вооруженных по последнему слову техники. Они прибыли с транспортом дров из России и тотчас же по высадке подменили собой полицейских. Пока все спокойно, но с минуты на минуту ожидается выступление.

Женщина средних лет и по видимости иностранка глотает все эти сведения: она уже три дня пытается сесть на пароход, отходящий к полуострову, но ее не пускают: она русская, и въезд гражданам означенной национальности запрещен. Она внимательна—она напряженно следит за событиями...

Экстренные выпуски газет:

— Революция на полуострове.

Женщина набрасывается на газеты.

— Революция! Революция!

Пароход с красным флагом прибыл в порт с полуострова. Пароход с красным флагом остановился. Но он немедленно идет обратно.

— У меня есть билет!—кричит женщина.

— Нельзя! Этот флаг не признан правительством!

Пароход огибает гавань. Женщина на берегу. Вот он уже близко от нее.

Женщина бросается в воду.

На пароходе

— Придется вернуться,—сказал капитан.

Пароход снялся с якоря. Пароход огибает гавань.

— Тонет! тонет!—закричали на пароходе. Бросили спасательные круги.

Через две минуты на палубу была поднята неизвестная женщина. Она лишилась чувств.

Пароход шел дальше—по направлению к полуострову.

ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

и вместе с тем—последняя.

Победа рабочих

План, выработанный на всякий случай, пригодился. Немедленно после ухода полиции партия приступила к военным действиям.

— Главное—быстрота!—говорил Дюревиль. Он знал нерешительность главы кабинета: надо использовать его минутную растерянность.

И вот, еще солнце не успело опуститься в море, как все важнейшие стратегические пункты

были заняты восставшими рабочими. Полиция позволила снять себя с постов без малейшего сопротивления. Войск в городе не было.

На другой день утром арестованы были члены правительства и посажены в ту камеру, где раньше сидел мистер Бебеш. К полудню был захвачен последний оплот—штаб военного министра. И в час дня радио разносило по всему свету весть о революции на полуострове.

Дюревиль стоял на балконе того дома, где помещалась редакция. Многочисленные депутаты приветствовали Дюревиля. На улице—праздник.

— Победа! Победа!

И победа была близка, за нее ручается настроение рабочих. Но международное положение? Первый пароход под красным флагом не принят за границей... Гражданин Дюревиль говорил:

— Только первый шаг! Борьба начинается!

Русские большевики

После Дюревиля говорил Джон:

— Мы должны послать приветствие русским товарищам!..

— Браво! Браво!

— Большевики...

— Русские...

— Покажите нам русских товарищей!..

Слово опять берет Дюревиль:

— Русских товарищей мы ждем, как дорогих гостей... Но они сюда еще не приехали...

— Неправда!--загудела толпа.

— Они здесь!

Рабочие были уверены, что именно русские большевики и помогли им так удачно произвести переворот.

— Мы хотим немедленно видеть русских товарищей!

Дюревиль смеялся. Толпа негодовала.

Джон сказал:

— Но если вы все-таки будет их скрывать...

— И вы, Джон? Как вам не стыдно!..

Джон возразил:

— Но ведь полиция требовала от вас...

Дюревиль опять засмеялся. Кэт сказала:

— Так мы покажем его рабочим!

Найденыш гражданина Дюревиля—пятилетний русский гражданин на балконе:

— Вот единственный русский большевик на полуострове!

Толпа кричала:

— Браво!

Женский голос из задних рядов:

— Мой сын!

Женщина, которую мы видели на пароходе, вбежала в редакцию. Она плакала и обнимала своего ребенка.

Когда она успокоилась, Джон сказал:

— А, ведь, ваш сын помог нам произвести революцию!

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»

МОСКВА,

УЛ. ГЕРЦЕНА, 10/2.

РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Андрей Белый.—Московский чудак—
роман Р. 1.70
- Его же.—Москва под ударом—роман . . Р. 1.70
- Его же.—Крещеный китаец — „ . . Р. 1.60
- Конст. Большаков.—Сгоночь—роман . Р. 2.—
- С. Григорьев.—С мешком за смертью—
роман Р. 1.50
- Илья Лукашин.—Через пни—роман . . Р. 1.60
- А. Луначарская.—Город пробуждается—
роман Р. 2.40
- В. Наседкин.—Теплый говор—стихи . . Р. 1.—
- А. Владимирова.—стихи Р. 0.50
- О. Савич.—Пловучий остров—повесть . . Р. 1.30
- В. Иванов.—Сказки (печатается).
- С. Фомин.—Зов земли—стихи Р. 0.80
- Александр Яковлев.—Собр. сочинен-
ний в 5 томах (предисл. А. В. Луначар-
ского в I томе).
- т. I—Октябрь и другие рассказы Р. 1.75
- т. II—Смерть Николина камня Р. 1.50
- т. III—Без берегов Р. 1.75
- т. IV—Нечести кот Фомка Р. 1.75

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»

МОСКВА,

УЛ. ГЕРЦЕНА, 10/2.

- Пант. Романов.—Хорошие места—расск. . Р. 1.75
Его же.—Заколдованная деревня Р. 1.75
Его же.—Пьесы Р. 1.70
И. Новиков.—Товарищ из Тулы Р. 0.35
К. Липскеров.—Морская горошина. Дра-
ма в одном действии Р. 1.—
А. В. Луначарский.—Концерт. Поэма.
Рисунки М. П. Гетманского Р. 1.50
И. Приблудный.—Тополь на камне—
стихи. Р. 0.75
Мих. Козырев.—Муравейник.—Веселые
рассказы. Р. 1.25
Степной, Н. А.—Семья Р. 1.—
Жан Кокто.—Самозванец Тома. Пред.
А. В. Луначарского. Стр. 42, изд. 1925 г. Р. 0.50
С. Григорьев.—Черемуха—повесть . . . Р. 1.50
Его же.—Лестница любви—расск. . . . Р. 1.25
Его же.—Тайна Ани Гай—роман (печа-
тается).
Его же.—Васса—повесть Р. 1.70
К. Липскеров.—Карменсита—драма . . Р. 2.50
С. Городецкий.—Московские рассказы. Р. 0.75
Ив. Новиков.—Между двух зорь—роман ч. I. Р. 2.50
Его же.—Между двух зорь—роман ч. II
(печатается).
Л. Гумилевский.—Чортова музыка (печат.).

